65-летию
Великой Победы
посвящается

ВОЗВРАЩЕНИЕ. НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ

Литературно-художественный сборник

ОБЛАСТНОЙ КОНКУРС ПРОЕКТОВ
«РУССКИЙ ДОМ»

Кострома, 2010 г.

ББК 84 (2 Рос)6

Письмо с фронта. Из книги М.Базанкова «Самая сладкая рябина» из-во «Детская литература».

© Составитель и главный редактор проекта М.Ф.Базанков
© Костромская областная писательская организация, 2010

Областной конкурс проектов

«РУССКИЙ ДОМ»

Материалы проекта областной писательской организации

«НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ»

Виктор ЛАПШИН

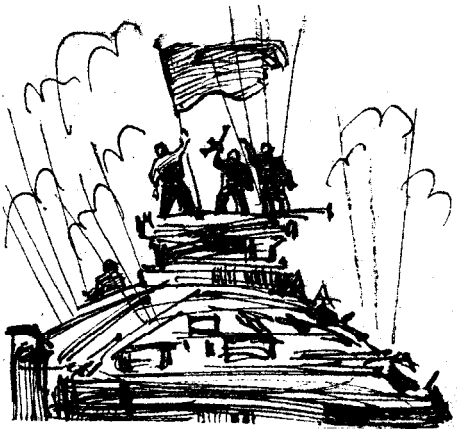
СОЛДАТ

Солдат не вернулся домой
Ни пыльной дорогой, ни снежной,
И вихрь не о нем верховой
Нам пел над равниной безбрежной.

И лес не печалил ветвей
В своей вековой благодати,
Свистал не о нем соловей,
Ручей не журчал об утрате.

Друзей исчезали слова
В пучине молвы всенародной,
И знали, что плачет вдова,
Лишь Бог да ребенок голодный.

Мать не умирала над ним,
У гроба его не стояла.
И солнце сияло другим,
А он и хотел, чтоб сияло.



Михаил ШОЛОХОВ

Участник войны Михаил Александрович Шолохов, выдающийся советский писатель, лауреат Нобелевской премии, родился 24 мая. Исполнилось 105 лет со дня рождения.

ПОБЕДА, КАКОЙ НЕ ЗНАЛА ИСТОРИЯ

Если в мировой истории не было войны столь кровопролитной и разрушительной, как война 1941-1945 годов, то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия.

В Восточной Пруссии после взятия нашими войсками города Эйдткунена на стене вокзала рядом с немецкой надписью «До Берлина 741, 7 километра» появилась надпись на русском языке. Размашистым почерком один из бойцов написал: « Все равно дойдем. Черноусов».

Какая великолепная уверенность в этих простых словах русских солдат! И они дошли, да еще как дошли, навсегда похоронив под развалинами разбойничьей столицы бредовые мечтания гитлеровцев о мировом господстве.

Пройдут века, но человечество навсегда будет хранить благодарную память о героической Красной Армии.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где—то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу
Я вам жизнь завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина—брата,
Что погиб за нее.

Алексей БАЗАНКОВ

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

Исторические документы, созданные на основе научных исследований учебники, архивные фонды, музейные экспонаты, кадры кинохроник, подшивки старых газет и журналов, художественные и документальные произведения, дневники и воспоминания фронтовиков, рассказы родных и сослуживцев, сохранившиеся солдатские письма расширяют подлинное знание о Великой Отечественной войне. В нашей области тоже изданы Книги Памяти, сборники документов, печатаются очерки о тех, кто уже не придет никогда, интересные материалы из глубины спецхранов «доходят» к потомкам. Особая документальная летопись складывается по письмам с фронта и на фронт, эти эпистолярные «субъективные» свидетельства представляют особую ценность для новых исследований, они убеждают, что еще не все сказано о патриотизме и высоких гражданских достоинствах победителей. Благодарная память наследников Победы укрепляется в новых поколениях на основе исторической правды, внимания к судьбам прошедших все испытания суровых годин и тех, кто не вернулся...

Великая трагедия до сих пор сказывается в том, что без дедовских наставлений выросли внуки и правнуки. Не суждено было и мне воочию видеть деда, но по рассказам бабушки Зинаиды Ивановны, по письмам, которые она сохранила, знаю каким был ушедший в сорок первом на фронт Михаил Арсентьевич Зайцев. Работал на Меже в райкомхозе, затем вернулся в свою деревню, начал строить большой дом, вскоре избрали председателем. А тут – война, сразу призвали защищать рубежи на дорогах московского направления. Фронтовая должность была определена – политрук роты автоматчиков.

«Здравствуйте дорогие мои... Спешу сообщить, что жив и здоров. Прибыли на новое место, проехали благополучно, были только две бомбежки. Готовимся честно выполнить свой долг – не допустить вражескую орду к нашей столице... Фашистские налеты на Москву зенитная артиллерия и

авиация отбивают... Верьте, враг будет остановлен». В начале ноября он писал: «Дорогая моя семья, вот приходит наш главный праздник. В трудных условиях будем отмечать его... Не опускайте голову. Зина, живи ровней, не расстраивайся и других отвлекай своим примером, чтобы не паниковали зря. Береги детей...»

В следующем письме была фотография. «Посылаю фотокарточку. Со мной рядом товарищ, который работает по нашему взводу писарем. Это он расписался. Малов... Очень жалею ребятишек, они у нас еще малы. Наверно, по утрам спрашивают, где папа... Детей по пустякам не надо наказывать, не срывайся на них, а лучше, если ослушаются или натворят чего, уговаривай ласковыми словами, особенно старшего, он с характером (старшему тогда седьмой годок был – А.Б.). Надо бы купить Боре лыжи, Коле санки, а Кате куклу. Перед отправкой я на это деньги приготовил... Посылку с теплыми вещами не посылайте, нас должны одеть хорошо – получим новое обмундирование».

В каждом кратком письме проявлялась отцовская забота. Были весточки из-под Москвы, а потом с других «полей». Когда перебрасывали «на новое место», фронтовик давал советы по родному колхозному и домашнему хозяйствам. «Стоим рядом с деревней. Место очень красивое. Только под снегом жито неубранное... А как там у нас?» Сообщил: для перехода рота освоила лыжи.

«1942 года января 3-го дня... И на фронте мы отметили Новый год по-особому, конечно. Ставила ли, Зина, елочку для детей? Им нужна радость. Ох, как я по ним скучаю! Часто вижу во сне, будто я пашу поле, а они бегут босые по пашне ко мне и добежать не могут – сон всегда обрывается...».[1]

Наш дед был тогда молод, верил в светлое будущее для детей и внуков. Гордился своей ротой: «все ребята надежные, крепкие деревенские парни, если патронов не хватит, и в рукопашную пойдут». Под Старой Руссой он повел автоматчиков на прорыв... Вместе с ними остался навсегда в тех полях и «пророс травою». А жена Зинаида Ивановна всю жизнь его ждала, была солдаткой, вырастила троих детей...

Эмоциональное состояние, особенности характера каждого участника войны можно «вычитать» в письмах. Удивляют

заметные совпадения надежд, мыслей, чувств и предвидений. Вот цитата из письма в Мантуровский район Героя Советского Союза Анатолия Котлова: «Мама! Если приеду к тебе – не узнаешь своего сына... За последнее время что-то часто стал видеть свой дом и вас. Как будто вы собираетесь меня женить, но никак подходящей невесты не найдете, все мне не нравятся... А то приезжаю – тебя дома не застаю, будто ты ко мне уехала. И вот почти каждый день такие сны. Сам не знаю, что такое. Или война скоро кончится, или еще что-нибудь. Не женит ли меня какая-нибудь шальная? Конечно, обидно на последних днях умирать, но что, видно, на роду написано – никуда не денешься... Ну, хватит грустные думы наводить! И без того тебе, наверное, невесело... Ничего, вот приеду домой – все наладим. Только бы остаться живому…»[2]

В ночь с 21 на 22 февраля 1945 года (по свидетельству очевидца Сафонова) Анатолий Котлов возглавил разведывательную группу, рискнувшую на мотоциклах прорваться в расположение врага на территории Венгрии, в бою был тяжело ранен, потерял много крови... Скончался в полевом госпитале.

Уверенность в победе и трагические предчувствия – бывало такое сочетание в настроении тех, кто ценой своей жизни защищал Родину. Предвиденье свойственно особо одаренным людям. Это наблюдение подтверждается и другими судьбами. Буйский талантливый школьник Юрий Баранов в дневниках, письмах и стихотворениях предсказывал суровые перемены: «Жизнь, которой мы так гордились, / Не лежит на нашем пути. / Видно, мы не затем родились, / Чтобы счастье свое найти>. Этот быстро взрослеющий юноша за шесть недель до начала войны признавался: «Но – прекрасно все понимая, / Но – готовый идти на рать, / В этот солнечный вечер мая / Я совсем не хочу умирать./ Вот поэтому я печален, / Вот поэтому я молчалив» Мобилизованный из института, став курсантом военного училища, Юрий писал 12 ноября 1941 года своей девушке – милой Лоре: «Я очень, очень тебе благодарен, что ты совсем не забыла обо мне. Я тебя никогда не забуду, хотя тоже реже стал тебе писать. Обстановка заставляет это делать. В новой моей роте такие

строгие порядки..». Курсантом он участвовал в боях под Тулой. Тогда и прорвались еще раз нарастающие ноты, «потому что здесь пули свищут / И какая-нибудь из них, / Может, сердце мое отыщет / И убьет неоконченный стих.[3]

В июне сорок второго двадцатилетний лейтенант Баранов погиб в боях под Новгородом...

Первый год войны был для молодых воинов особенно трагичен: оборонялись, отступали, а зарифмованные лозунги и «заклинающие» строки призывали геройски встречать «наглую свору», «стоять до конца, и ни шагу назад». О том говорят и стихи, опубликованные после разгрома немцев под Москвой с пометкой «Действующая армия». «С Новым годом, дорогой товарищ! / С Новой силой на врага вперед!» (Часовников А. «В эту ночь»// СП. 1942. 1 янв.; Рыкалин А. «Москва отомстит»// СП. 1942.14 февр.; «Ни шагу назад»// СП. 23 сент.). В течение всех военных лет присылали фронтовые сочинения костромичи: М. Кулапин, А. Часовников, А. Никитин (псевдоним Ал. Волин), А. Гусев, Н. Скопец, Е. Осетров, А. Гусев, И. Беликов и другие фронтовики.

Менялась обстановка на фронтах и менялось поэтическое настроение. Появлялись посвящения родному городу. Был даже»костромской вариант» неунывного характера: М. Кулапин написал балладу «Родом с Волги» – попытка создать своего «Теркина». В новом пополнении прибыл на передовую парень с Волги, из Костромы. Бывалые воины встретили его с интересом, потому что знали наш город – «лечили там раны, ходили там в сад» и особенно ценили заботу врача Державца... Приглянулся парень.»С тех пор костромич был в особом почете, / Понравился всем простотою лица, / Стрелял он отлично, и не было в роте, / И даже в полку – веселее бойца». (СП. 1943. 14 авг.)

Встречаются в публикациях «именные» стихи, посвященные землякам, боевой дружбе и собственному «везению»... По батарее идет слух о том, что артиллерист дядя Коля Киреев, друг пехоты, был когда-то в Костроме часовщиком (автор стиха Н. Скопец).

Во время войны стихи А. Часовникова печатались в дивизионных и других газетах. Были написаны песни на его слова для армейского ансамбля. Поэт с гордостью рассказывал

о волгарях и написал поэтическое «Письмо в Россию из Берлина. 30 апреля 1945 года», а позднее – поэму «Юрий Смирнов». Е. Осетров посвящал стихи фронтовому братству, боевым друзьям, начинал осмысливать русскую историю, устанавливая патриотическую связь времен («У стен Ипатьевского монастыря)// СП. 1944. 5 июля), верил в «неистребимость» жизни по собственному оптимистическому ощущению: «Мне кажется, что заколдован я,/ Что пули не берут меня литые, / Что я – само кипенье бытия, / Что я бессмертен, как моя Россия). Это стихотворение «Я – русский человек» было опубликовано в первом послевоенном выпуске»Костромского альманахов 1946 году.

Наш земляк военный летчик Виктор Волков, награжденный за оборону Москвы и Сталинграда, рассказал стихами о том, чем запомнилась ему осень сорок первого: «Враг разбил все взлетные дорожки. / День за днем девяткой боевой / Мы взлетали дружно под бомбежкой, / Защищали небо над Москвой». Двадцатилетние курсанты военно-авиационного училища показали выучку и знанья,/ Преданность отчизне до концах Воин и поэт после второго ранения на подступах к Днепру навсегда ослеп. Но поэзия его выручала в самые трагические периоды военного и послевоенного времени.[4]

Теперь по многим свидетельствам мы знаем: на войне, как и в мирной жизни, разные были судьбы. Но на всех была одна Победа. О том и песня много лет звучала с трагической строкой: «Мы за ценой не постоим».

Смотрю на ветеранов и думаю: какими были мои деды, которых видеть не привелось – война отняла их у меня. Хочу знать, как работали, воевали они. Листаю подшивки газет – особую летопись. И растет познавательный интерес к тому, что помогало костромичам исполнить гражданский долг.

Высокое чувство любви к Отечеству, «правое дело» в значительной мере определяли движение к Великой Победе на фронте и в тылу. Газетные публикации говорят о том, что мобилизация духа и самосознания народа формировались не только призывами, пропагандой и агитацией, историческим напоминанием о роли и традициях российской провинции в борьбе с внешними врагами, но и усилиями творческих работников. Искусство, литература, народное самодеятельное

творчество создавали духовную атмосферу тыловой жизни, общественное настроение.

Литераторы Костромы в предвоенные годы уже писали «оборонные», патриотические стихи и рассказы. Один из них – молодой поэт А.Рыкалин, считавший себя представителем «поколения радостных людей», сочинил несколько песен («Походная красноармейская», «Песня о Котовском», «Песня о Чапаеве», «Песня о Тимошенко»). При костромском Доме Красной Армии поэты сформировали литгруппу. 1 июня 1941 года вышла последняя «мирная» литстраница «Северной правды», в ней опубликованы стихи Н.Соколова, Н.Орлова, Е.Осетрова, В.Пастухова, В.Пилюги и рассказ А.Часовникова «Голубая косынка». А 22 июня должен был состояться лермонтовский вечер..

Указ о введении военного положения и мобилизации изменил жизненные порядки. Поэты, журналисты, писатели тоже пошли на фронт. Но и оттуда, из действующей армии, они присылали произведения для публикации в газете, которая сразу стала работать на далекую победу. Примечательно, что литературная жизнь в Костроме активизировалась и была заметно поддержана, как и деятельность всех других творческих коллективов, редактором «Северной правды» Н.Казариным. О творческой жизни костромской интеллигенции постоянно рассказывали газеты «Северная правда» и «Северный рабочий», на газетных полосах «встречались» литераторы-фронтовики, работники тыла из Костромы и Ярославля. (по заметкам Б. Козлова)[5]

Публикации, вечера, отчеты писателей, обсуждение пьесы В. Лебедева «Максим Горький» в библиотеке им. Крупской, юбилейные торжества, посвященные Грибоедову, Тургеневу, Крылову, отзывы читателей на произведения земляков-фронтовиков – все свидетельствует о работе художественного слова. В городе и по области читают рассказ А. Толстого «Русский характер». 12 февраля 1942 года в библиотеке им. Крупской проведено открытое заседание кафедры языка и литературы учительского института. А. В. Чичерин выступил с докладом «Оборона Родины и литература». Была развернута выставка произведений. Горком партии проводит общегородские собрания творческих работников.

На одном из таких в 1942 году отмечалось: художники дали 50 рисунков для окон ТАСС, литераторы выступают в печати и по радио, артисты поставили 8 шефских спектаклей, дали 61 концерт!..

Появляются значительные публикации Е. Осетрова, А Никитина, Н. Орлова, А. Жарова. Прозаик В .Лебедев в октябре 1943 года на собраниях литгруппы читал свой роман «Млечный путь», чем и подтвердил свою творческую активность во время войны.

Последовательно, активно работает театр. Режиссер театра имени Островского Минаев, заботясь о повышении творческой культуры, определяет главные цели коллектива: «Театр должен вдохновлять на подвиги, на самоотверженный труд, показывать средствами театрального воздействия примеры и величие героизма; в образной форме говорить с подмостков о том, что преданность родине, подвиги во имя родины являются единственной вдохновляющей целью каждого. Подмостки театра должны стать источником оптимизма» [5] Спектакли «Батальон идет на запад», «Надежда Дурова», «Мстислав Удалой», комедия Б.Ромашева «С каждым может случиться», «Снегурочка» Островского – часть репертуара во второй год войны.

Костромские работники искусств восприняли ориентир, высказанный т. Щербаковым на торжественном заседании, посвященном годовщине смерти Ленина: «Тыл питает фронт бойцами, настроениями, идеями». Работники духовной сферы понимали: деятельность науки, литературы, искусства в военное время нужна больше, чем в мирное. Роль костромского театра на протяжении войны была особенно значительной. Спектакли, поднимающие дух, выступления бригад перед фронтовиками, концерты в театре по произведениям местных авторов, сбор от которых поступает на постройку эскадрильи противотанковых самолетов, шефство над госпиталями, детскими домами, выезды в колхозы. Заслуженной известностью и любовью среди выздоравливающих бойцов и командиров, находящихся на лечении, пользовались артисты городского театра П.В. Брянский, Г.В. Соловьева, В.М. Ярчевский, А.М. Талисман, Е. В. Аделева и другие. «Рядовой и офицерский состав госпиталя, где начальником

т. Айзенберг, по возвращении на фронт обязуется, в ответ на заботу о них, с новой силой обрушиться на врага». (А. Андреева. СП. 1943. – 5 декабря). Были подведены итоги такой работы в госпиталях: 1100 шефских спектаклей, 1000 художественных читок в палатах тяжело раненым бойцам. Приказом начальника Костромского гарнизона от 23 февраля 1944г. объявлено 300 благодарностей артистам драмтеатра им. Островского за обслуживание спектаклями и концертами воинов гарнизона и госпиталей.[5]

Осенью 1943 года открылся цирк. Библиотеки получают премии за массовую работу. Рабочие заводов и фабрик собирают одежду для жителей освобожденных районов, посылают книги, подписываются на заем и участвуют в художественной самодеятельности. Музыканты выступают с концертами. Художники устраивают выставки. К 26-й годовщине Красной Армии Назаров, Яблоков, Рябиков, Колесов пишут портреты военачальников, пейзажи, сюжетные картины. Начальник областного управления искусств Ларин проводит собеседование с художниками о подготовке работ на московскую выставку. Яблоков, избранный секретарем городского Союза художников, начал писать картину «Козьма Минин», Назаров пишет «Ивана Сусанина», Беляев – картину «Партизаны». Действует филиал Союза художников. Возвращаясь в сорок второй год, нельзя обойти даже названия эскизов на конкурс: «Прошли немцы» Колесова, «Жертва фашизма» Беляева, «Отъезд сына на фронт» Рябикова, «Организация партизанского отряд» Назарова. Живопись, графика, плакат имели особую тематику, эстетическую направленность.

Николай Шлеин организует выставки молодых живописцев, на базе своей студии создает художественное училище. Работы костромичей экспонируются на выставках в Ярославле, Иванове, Москве. Запланированы творческие самоотчеты молодых. Появляются костромские сатирические плакаты в «Окнах ТАСС». В 1943 году для всесоюзной выставки «Фронт и тыл» ярославское жюри отобрало 17 картин, созданных костромичами.

ПЕРЕЛОМНЫЙ сорок третий... Газеты постоянно сообщают о работе учреждений культуры, писателей, музыкантов,

живописцев, учителей, ученых. Возьмем для примера такие сообщения. «Сегодня в помещении клуба на улице Луначарского впервые за время войны открывается большая художественная выставка, на ней представлено около ста работ местных художников). (14 ноября). А 17 октября газета «Северная правда» сообщала: «Недавно Вере Михайловне Шпажниковой присвоено звание заслуженного учителя..». И еще несколько примечательных фактов по газетным публикациям: концерт в музыкальной школе посвящен П.И. Чайковскому; спектакль «Инженер Сергеев» рассказывает о поведении человека в решительную минуту; учительский институт отмечает 125-летие со дня рождения И. С. Тургенева; в четверг 21 октября в 20 часов на собрании литературной группы писатель В. А. Лебедев читает свой роман «Млечный путь»; концерт фронтовой бригады гортеатра им. Островского на фронте; русский хор на фабрике; доцент учительского института проводит литературные понедельники в клубе им. Коминтерна; объявлены концерты ансамбля Эстонской ССР; опубликовано стихотворение Александра Жарова «Слава молодому поколению»; концерты учащихся в госпиталях; открыта заочная средняя школа; в цирке большое представление... И в тех же номерах газеты постоянные напоминания о светомаскировке, стихи с фронта. 17 октября 1943 года напечатана «Песня о Костроме» Николая Орлова. «Всколыхнула война, громыхая, /Наши улицы, наши дома. / На защиту родимого края / поднялась и моя Кострома».

Конечно, были трудности, горе, лишения. Но литература, театр, музыка, искусство подкрепляли дух. Проводились фестивали исторических фильмов – они имели особое воспитательное значение. Немало нестареющих кинолент поступало в кинопрокат: «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Петр Первый», «Суворов», «Чапаев», «Как закалялась сталь»...

По рассказам родных, по воспоминаниям фронтовиков и тружеников тыла, по произведениям художественной литературы знаем о том, что особую роль сыграло устное народное творчество, через фольклор люди выражали свое настроение. Приходится только сожалеть, что в те годы, да и позднее, в печати не уделялось внимания свежим байкам и

частушкам. В подшивках «Северной правды» за четыре года удалось найти единственную обширную публикацию под рубрикой «Поет колхозная деревня». 12 декабря сорок третьего года К. Сорочинский опубликовал подборку записанных в деревнях частушек. В газете не раз отмечалось: исполнительских сил много, но нет музыкальных инструментов, грамотных руководителей. И все же постоянно проводились смотры художественной самодеятельности. Немаловажны были и стихийные спевки: в поле, на току и на ферме, в цехе и дома, на торфоболоте и на лесозаготовке. Пел народ...

Объединение композиторов и музыкантов было сформировано в 1942 году. Хоровое пение, литературно-музыкальные концерты, музыкальные школы, затем – музыкальное училище, различные кружки на предприятиях, в избах-читальнях и красных уголках –все сложилось в разветвленное музыкальное влияние, которое поддерживало коллективный настрой.

Библиотеки, клубы, новые учреждения культуры имели тесную связь с работниками литературы и искусства, проводили совместные вечера, концерты, юбилейные торжества. Удивляет обилие литературных публикаций, вечеров и писательских отчетов. Читательские конференции, громкие читки, сценические постановки по рассказам, песни. Не оставлено без внимания творчество земляков. Оно свидетельствует об активной работе художественного слова. Очевидно, учительский институт, театр и редакция газеты «Северная правда» имели отчетливую патриотическую позицию.

На базе опыта, приобретенного в суровые годы, в первые послевоенные месяцы было открыто Костромское книжное издательство, начавшее выпускать художественную литературу и документальные очерки о земляках. И сейчас областная писательская организация почти в каждом издании представляет творчество фронтовиков. Издан памятный сборник, посвященный писателям участникам войны. По итогам литературного конкурса были опубликованы произведения новых авторов в сборниках «День Победы», «Родительский дом». В рассказах, очерках, воспоминаниях закреплены поучительные примеры мужественного исполнения патриотического долга... Наши деды и прадеды, навсегда оставшиеся на полях сражений, живущие

рядом с нами ветераны войны и труженики тыла достойны благодарной памяти, подтверждаемой конкретным вниманием к особенностям каждой судьбы, обусловленной обстоятельствами военного времени. Эти судьбы обеспечивают понимание неповторимого своеобразия, исторической индивидуальности народного достоинства, особенностей характера и традиций.

1. Базанков М. Русское поле. – М.: Современник, 1990. – С.24
2.Кострома. Литературный сборник №9. – Кострома, 1957 . – С. 144
3.Баранов Ю. Голубой разлив. –Ярославль: В.-В.,1988. – С. 10, 39, 158
4.Волков В. Поэты-фронтовики–Ярославль: В.-В.,1969. – С.45
5. По праву памяти и долга. Сборник – Кострома. 2005 г. – с. 1-112.

Владимир ПРОСКУРЯКОВ

ПОМНИТЬ ВСЕ...

65-летию великой Победы посвящается...

* * *

Июньские ночи, воскресный восход,
Моторов раскат из – за сонного Буга...
С крестами на крыльях армада плывет –
И мечется, ищет невинный народ
К спасению путь из смертельного круга.

В горящих селеньях – немецкая речь,
Чужое железо пылит по дорогам.
Россия, возьми свой карающий меч,
Сынов твоих много успело полечь
С винтовкой в руках у родного порога!

Тревожно гремел над страной Левитан,
И с плачем кормильца семья провожала,
И вверх, словно знамя, подняв свой наган,
Шел первым на танки седой капитан...
Жестокой войны непростое начало.

* * *

Как приговор, суров приказ:
«Вперед, на высоту!» —
И он глотнул в последний раз
Из фляжки на ходу.
Он по «ничейной» шел вперед,
Блестя своим штыком,
Шел на немецкий пулемет
Солдатом — штрафником.
Убит он будет или цел —
Не повернуть назад,
В прицелы на него глядел
«Родной» заградотряд.
Но поле смерти до конца
Пройти хватило сил,
Его медалью из свинца
Господь не наградил.
Всех помянул штрафник, кого
Сегодня пережил,
Лишь через восемь дней его
Осколок уложил.
Погиб помеченный войной,
Неведомый солдат...
Ни в чем теперь перед страной
Он не был виноват.

* * *

Ждет деревня почтальона,
да и как не ждать,
Хоть бы весточку — все легче
горе горевать,
Хоть коротенькую строчку —
знать, что он живой,
Что хранит сынка молитва
матери родной.

Долгожданный треугольник,
Господи, пошли!
Кто идет там по дороге,
с сумкою, вдали?
Ох, девчонка — почтальонка
что — то прячет взор,
Может, снова похоронку
принесла во двор?
В затаившейся деревне
слышен жуткий вой..
Сколько, Господи, кормильцев
не придет домой!
Знать, вдовою больше стало,
прибыло сирот,
Ты добавил их немало,
сорок третий год!

* * *

Завтра — бой, но до рассвета
Парню не до сна.
Как метет вишневым цветом
Здешняя весна!
А сейчас и возле хаты
Белая кипень —
Заждалась давно солдата
Пышная сирень.
Сотни верст под сапогами
За последний год.
Мирно спит за облаками
Синий небосвод.
Вдруг с него звезда упала,
Вспыхнул яркий свет...
Зря кукушка нагадала
Парню много лет.

* * *

Разбитый купол с красным флагом.
Поет солдатская душа,
И у подножия рейхстага
Расстрелян диск из ППШ.
Он на стене ножом коряво
Себя увековечить смог,
Во имя подвига и славы
Хлебнув «наркомовской» глоток
За тех, кто тоже шел к Победе,
Но, не дойдя, навеки лег,
Кого неправедно отметил
Лихой войны жестокий рок.
Он на ступени сел устало,
Пилотку сдвинув набекрень,
А над Берлином солнце встало,
И начинался мирный день.

* * *

В руке гвоздика как свеча,
Из дома вышел он...
Пиджак с сыновнего плеча,
Медалей перезвон,
И марши празднично гремят,
Взмывая в небеса.
К мемориалу шел солдат —
Усталые глаза,
Белее снега седина,
Нетвердый, мелкий шаг...
Ты не забыла ли, страна,
О тех, кто взял рейхстаг?
Сегодня он пришел один,
Последний из селян,
Кто возвратился, победив,
К израненным полям.
Как символ пережитых лет,
На серый камень лег
Во славу всех, кого уж нет,
Рубиновый цветок.

Александр БУРЛАКОВ

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Честь имею, господа. честь имею
И храню я эту честь, как умею.
Как умею, берегу быль да не быль.
Не споткнуться на бегу мне бы —
мне бы
От не помнящих родства откреститься.
Отскрести с души тот крест, отпоститься
От земли да от сохи, из деревни
Да от матушки — реки род мой древний.
Не из бар, не из господ — не взыщите
Корни дедовы — Народ. Там ищите.
Хлеб да соль, да постный день — щучье мясо.
Не найти питья в страду слаще кваса.
Ни графьев и ни князей — ноздри рваны —
Приходи да поглазей — все «Иваны».
Не найти в моем роду, кто б не битый —
В сорок «без вести пропал» дед убитый,
В двадцать — в первый день войны —
сгинул дядя,
Прадед, как «кулак», — в ГУЛАГ
ткнулсь не глядя
Что ни век, то вдоль хребта — вдоль харизмы,
Шли, да что — то не пришли к коммунизму
Ни отец мой и ни мать, как ни бились.
Не учили выживать — научились.
Помню — сызмальства в ушах — прежде Дело!
Никакой в моем роду кости белой —
Ни дворянского гнезда, ни наследства,
Только гордость за свой род с малолетства.
Отчего да почему — Богу знамо
И стою я, как у старого храма —
Не при шпаге на коне, при параде —
Честь моя, пребудь во мне Христа ради.

Евгений СТАРШИНОВ

НА БУГЕ

В то самое время, когда Богомолов, двигаясь в середине колонны, «помогал подтягивать тылы», стрелковые подразделения полка, а с ними и минометчики, вышли к Бугу. Ночью они переправились через бурную реку и, оттеснив противника за село Чаусово, закрепились на правом берегу, на гребне высоты, ожидая подкрепления.

Повозки же прибыли к Бугу только во второй половине следующего дня, когда у минометчиков, с утра отбивавших вместе с пехотой почти непрерывные контратаки гитлеровцев, не осталось ни мин, ни патронов, ни гранат.

Богомолов, не дожидаясь, пока стемнеет, вместе со связным роты, встречавшим его на левом берегу, старшиной и еще одним ездовым переправились на шатком плотике через реку и явились на огневую позицию с двумя ящиками мин.

Огневая позиция располагалась, в самом селе, в одном из огородов, за невысокой оградой из камня-плитняка. Нельзя сказать, что это было очень надежное укрытие, но все же для автоматно-пулеметного огня недоступное.

По общему тону и настроению бойцов, по какой-то удрученной озабоченности и необычной для минометчиков суетливости Богомолов догадался: что-то случилось. И не ошибся. Оказалось, примерно час или полтора тому назад на НП ранен Балягеев.

Весь день он был за селом на скирде, почти на одной линии с пехотой. Корректировал огонь. Потом его ординарец принес подкрепиться. И только Балягеев слез со скирды, валил в кружку горячего чая из фляжки и проговорил свое любимое изречение: «Шай не пьешь – какуй сил будет», как поблизости разорвался снаряд. Ему осколком разворотило скулу, обкромсало язык.

Теперь на НП ушел командир второго взвода. Командование ротой принял Климов. Но тоже ушел. Куда-то в село. Что-то организовывать.

Богомолов послал связного доложить Климову о прибытии. Надо начинать переправу и доставку боеприпасов. Но тот оказался больным. Зуб. Лежит на печи, охает и доказывает молодой хозяйке дома, что она поступила неправильно, оставшись под оккупацией. Велел действовать Богомолову по своему усмотрению.

Больше половины роты послали на переправу. Вечером гитлеровцы едва ли осмелятся контратаковать. Не те времена. А мины нужны позарез. Чуть ли не до утра возились, с ними. Одни возились, другие дежурили у минометов. Только перед утром удалось вздремнуть.

А утром – снова контратаки, одна за другой. Своя артиллерия – бог войны – еще там, за рекой. Выходит, что минометчики и есть – боги на Буге. Но и у них боеприпасов не ахти сколько. Стреляют экономно. Каждая мина на вес золота. Берегут.

За ночь обшарили все окрестности, окопы и траншеи, покинутые немцами. Подобрали трофейные автоматы, гранаты с длинными деревянными ручками – удобно бросать, • патроны. Нашли с десяток ящиков немецких мин. Это здорово! Они – красные, в отличие от наших темных,– всего на один миллиметр калибром меньше. На прицельный огонь и дальнюю дистанцию при стрельбе им рассчитывать не приходится, но на близком расстоянии и урон причинить, и панику посеять можно. А когда есть боезапас, и воевать веселее.

Климов с вечера не появлялся. Видимо, со своим зубом мается. По словам связного, за ночь всю правую щеку разнесло. А Богомолов на огневой за старшего. Правда, скорее лишь по званию, чем по существу. Тут тон задают и верховодят сержанты.

Поначалу казалось, что для особой тревоги нет оснований. Впереди справа – пехота своего гвардейского полка – «четверки». Слева – пехота и минометчики соседнего полка – не то «семерки», не то «девятки». А их огневая позиция как раз на стыке двух полков.

Но по мере того, как разгорался день и разведривалась погода, ни пронизывающего ветра, ни мокрого снега, ни моросящего дождя, которые неотступно сопровождали их по пути к Бугу, казалось, и в помине не было: теплынь, безветрие,

хоть снимай гимнастерку и брюки и загорай, и еще по мере того, как благодать природы успокаивающе действовала на нервы и предательски влекла к безмятежности и сну, обстановка на передовой усложнялась и накалялась. Это можно было понять по тому, как раздраженно кричал в телефонную трубку с НП лейтенант-корректировщик, требуя огня и огня, и по тому, как мимо их огневой позиции то и дело мелькали, путаясь в полах шинелей, пехотинцы соседнего полка, держа направление к реке.

– Вы случайно не купаться? – трунили над ними балягеевцы. – Поспешайте, там для вас специальный бассейн оборудовали...

Но особенно ясно опасность положения минроты стала видна, когда минрота соседнего полка – «семерки» или «девятки», – у них на глазах, с минометами на вьюках, без зазрения совести совершила позорный «драп-марш».

– Как бы и нам не пришлось, – подумал Богомолов, озираясь по сторонам.

Нередко бывает так, что нелепость внезапно вспыхнувшей и еще не высказанной тобой мысли со всей очевидностью обнаруживаешь, когда ее тотчас же выскажет кто-то другой. Так случилось и на этот раз. Эту же мысль выпалил впопыхах сержант Спасов, его командир миномета.

– Братцы, может и нам?..

Этот возглас как будто толкнул Богомолова в грудь. И он вспылил, крикнул на Спасова зло и решительно:

– Что ты сказал? Как ты смел об этом подумать? Ни шагу назад! Стоять насмерть!

– Правильно, – успокоил его Спасов. – Отступать некуда! Будем стоять.

А тем временем из-за домов и сараев слева немцы начали выскакивать, стреляя из автоматов.

Эту коренную перемену обстановки минометчики встретили без паники. У кого были немецкие автоматы и гранаты, те засели за камнями ограды и стали вести прицельный огонь. Другие встали у минометов и без дополнительных зарядов стали стрелять немецкими минами, наводя панику на скапливающуюся за домами пехоту противника.

Богомолов видел, с каким завидным спокойствием целился и, напевая «семеновну», стрелял из автомата Белов, как неторопливо, сердито ворча про себя, вел огонь Бугаенко, как молча метал гранаты Володя Слепцов, и у него отлегло на душе, и он тоже высунулся с пистолетом из-за укрытия, выискивая цель.

Но тут над его головой, чуть не задев пилотку, пролетела граната и волчком закружилась возле ближнего миномета. Он оглянулся назад и оторопел: сейчас ахнет. Однако взрыва не последовало. Кто-то из бойцов ловко схватил ее и метнул обратно.

И сразу как-то внезапно прекратилась стрельба. Бугаенко первый выскочил из-за ограды и побежал к сараям. За ним – другие. Возле сараев и домов валялись убитые. Остальные сбежали.

А вскоре мимо огневой позиции прошла дивизионная разведка. С ней прибыл сам генерал, командир дивизии. Возле минроты он задержался.

– Молодцы, минометчики! – сказал сдержанно. – Кто командир роты?

– Он ранен, товарищ генерал, – ответил кто-то из сержантов.

– А кто за него?

– Лейтенант Климов,

– Где он?

– Вот он – я, гвардии лейтенант Климов, – вынырнул тот из-за спины генерала. – Что прикажете?

Генерал посмотрел на него как будто с недоумением или недоверием. Потом подал руку, подумав, сказал:

– Спасибо вашим орлам, что отстояли позицию, не струсили, не убежали, как некоторые... варяги и фараоны... («варяги и фараоны» было любимое его ругательство). – И он кивком указал на понуро возвращающихся на свое место минометчиков «семерки» или «девятки», и заключил: – Половину роты представить к награждению...

– Слушаюсь, – козырнул Климов, и тут Богомолов заметил, что флюса на правой щеке у него уже не было, но левая почему-то была подозрительно красной...

Когда генерал ушел, все успокоилось, утихомирилось и пошло по-прежнему.

Судя по трофеям, против гвардейцев, прорвавшихся через Буг, немцы бросили в бой новую авиадесантную часть. У каждого кинжал с выгравированным черепом, костями и надписью по-немецки, И у каждого – прибор для бритья из белого мрамора. И часы у всех одинаковые. А вообще-то молодятина с первым пушком на губах, сопляки, пацанье. И от кого бы бежать? Срам подумать, смех вообразить!..

По-прежнему светило солнце, и пахло оттаявшей землей, и тоненько посвистывали свирестели пуль, и первая бабочка села на ящик из-под мин, поводя радужными крылышками, и первый журавлиный клин четко обозначился в бездонной синеве неба, и где-то в стороне глухо ухали не то снаряды, не то бомбы, и Богомолову не верилось, что Балягеева, к которому он так привык, уже нет и не будет с ними, и что не увидеть теперь, как он в маскхалате, не обращая внимания на пули и снаряды, катится шариком где-то впереди, чуть ли не в одной цепи с пехотой, или как где-то в балочке, за курганом, за холмом, под огнем противника, сидит спокойно на плащ-палатке, как когда-нибудь бывало на праздничном ковре, по-татарски, ноги калачом, и, помешивая серебряной ложкой чай в кружке, говорит с хитроватой улыбкой на румяном круглом лице: «Шай не пьешь – какуй сил будет», и отпивает мелкими глотками, блестя и бегая своими черными глазами-жучками...

Вечером всех удивил и развеселил снарядный из второго взвода.

Обшаривая складки местности по берегу Буга в поисках трофейных мин, он наткнулся на спящего немца, пинком сапога привел его в чувство, нагрузил ящиком мин и доставил под конвоем в свое подразделение.

Это был долговязый, изнуренный долгим «драп-маршем» по весеннему бездорожью, прихрамывающий на одну ногу, видимо, «тотальный» фриц.

Ему был учинен коллективный допрос при помощи языка, мимики и жестов.

– Как очутился на этом месте? Снарядный обнаружил его в ворохе соломы. Трудно было поверить, что он спал беспробудно в течение двух суток... Но и предполагать, что он недавно перебежал на территорию противника, чтобы отоспаться, было нелепо.

– Давно ли призвали в армию и послали на фронт?
– Почему храмлет?
– Из какой части?
– Есть ли жена и дети?
– Боится ли «катюши»?
– Сколько русских павинок перепортил?

Немец отвечал вяло и неохотно. Но при последнем вопросе оживился, заухмылялся:

– Я, я, – то есть «да», «было дело», – выставил сначала три пальца, потом добавил еще два и, подумав, еще три и вдруг заржал, скаля зубы, как жеребец.

– Вот сволочь! – впервые выругался Богомолов. – Уберите его с глаз долой, а то я разряжу в него свой пистолет...

ЗНАМЕНИТЫЙ ЗЕМЛЯК

Получил с дарственной надписью только что изданную в Иркутске книгу «Дорога на Родину». И все другие, ранее подаренные земляком Владимиром Андреевичем Костровым, собрал на столе, просматриваю, сравниваю – удивляюсь и радуюсь: не остановился на пути, возрастает новыми стихотворениями философской глубины «выходец из волости лесистой».

Вспоминается центральная вохомская «поляна» в день фольклорного праздника районов Поветлужья. На солнечной площади заметное волнение, люди переговариваются – узнали земляка, когда было объявлено выступление лауреата Государственной премии РФ. Он говорил, будто бы шел тропинкой памятных утрат, «как в чем-то виноватый, кругом как будто виноват».

Чудесное явление – русский поэт вызван нашей землей и нашим небом на защиту естественной жизни, даровано ему особенное слово, ненарочитое соединение мыслей и чувств, определенный лад и склад. Органичность и непреднамеренность его поэтического дарования подтверждается многими книгами, известностью в стране и в мире.

М.Б.

Владимир КОСТРОВ

«ДОРОГА НА РОДИНУ»

* * *

Утренний воздух, как яблоко, свеж.
Лодка прорезала четкие линии.
Я занимаю последний рубеж:
Я уплываю за белые лилии.
Спелой черемухой пахнет овраг...
Жизнью обманут и бытом измучен,
Я поднимаю андреевский флаг
Чистой зари над туманом излучин.
Черной дружиной насупился лес.
Рыбьими всплесками солнце гранится.
И между нами пролег водорез,
Вас не пуская за эту границу.
Мечутся молнии, громом грозя,
И надрываются темные ливни.
Но все светлей открывают глаза
Русской провинции белые лилии.
Полные злобы экран и печать.
Чьи—то орущие грубые лица.
Знайте: мне есть еще что защищать,
Чем защищаться, чему помолиться.
Быдлом оплеван, и сердце в крови,
Но все равно я живу в изобилии.
Господи, милая, не оборви
Горького времени белые лилии.

* * *

То в ночи она вспыхнет, как спичка,
А в стихе тугодумном умрет...
Ах, поэзия, вольная птичка —
Где захочется, там и поет.
Как порывы весеннего ветра,
К педантизму любому глуха,
То сверкнет в чертеже геометра,
То засвищет в рожке пастуха.
О, не молкни свободное пенье,
И в столице, и в темном лесу.
Ах, оставьте душе оперенье
И в глазах сохраните слезу.
И все жду я ее по привычке,
Вот уж иней блестит на стерне.
Я бы умер в чужой стороне,
Там ведь нет этой маленькой птички.

* * *

Овеянный имперской славой
На полотняных плоскостях,
Куда летит орел двуглавый
С звездой, рубиновой в когтях?
Зачем на площади великой,
Румяные, как кирпичи,
Вновь александровской музыкой
Тревожат небо трубачи,
Полков парадная подкова
По бедрам тянет рукава,
И хор выводит Михалкова
Полузнакомые слова?
Но сердце ввысь уже не рвется,
Глаза слезами не полны,
Когда же гордость к нам вернется,
России верные сыны?

* * *

Свернем, прохожий, с улицы шикарной,
Пройдем по скверу под прямым углом —
Там, оградив решеткой шум бульварный,
Еще стоит старинный этот дом.
Там во дворе, как кадр на киноленте,
Овеществляя просвещенный ум,
О будущем грустит на постаменте
Певец былого и властитель дум.
У прозы и стихов свои законы,
Свои масштабы, как и судный час.
И две доски страдальцев, как иконы,
Глядят со стен внимательно на нас.
Здесь и сейчас, как и во время оно,
Порой звучат наречья всех земель,
Или стрела сверкает Аполлона,
И плачет Пана сельская свирель.
Кругом Москва. Развалины Союза,
Где нынче бьют и плакать не дают.
И Родины страдающая муза
Сегодня здесь нашла себе приют.
Пойдем со мной, одушевимся снова,
И, может, боль утишится в груди.
Поверим, что в начале было слово,
И светлый храм увидим впереди.

* * *

Вл. Соколову

Ты сказал, что от страшного века устал.
И ушел, и писать, и дышать перестал.
Мне пока помогает аптека.
Тяжело просыпаюсь, грущу и смеюсь,
Но тебе — то признаюсь: я очень боюсь,
Да, боюсь двадцать первого века.
Здесь бумажным рулоном шуршит Балахна,
На прилавках любого полно барахла,
И осенний русак не линяет,
И родное мое умирает село,
И веселая группа «Ногу свело»,
Почему — то тоску навевает.

Знать бы, как там у вас?
Там, поди, тишина,
Не кровит, не гремит на Кавказе война.
И за сердце инфаркт не хватает.
Здесь российская муза гитарой бренчит
Или матом со сцены истошно кричит.
Нам сегодня тебя не хватает.
Я почти не бываю у близких могил,
Но друзей и родных я в душе не избыл.
Мне они, как Афон или Мекка.
Я боюсь, чтобы завтра не прервалась
Меж живыми и мертвыми вечная связь,
Я боюсь двадцать первого века.

* * *

По смеху все от нас отстали на века,
Мы думаем и впредь на юмор полагаться,
И будем дальше жить, валяя дурака,
Хотя, смеясь до слез, опасно напрягаться.
Однажды юморист такое завернул,
Что развернуть нельзя при всех,
«при том, при этом».
«С утра попьешь кефир —
В обед получишь стул».
Он нам послал привет.
А мы и так с приветом.
Сегодня быть смешно и бедным, и больным.
Не будет никому в России не до шуток.
И, наконец—то меж великим и смешным
Исчезнет навсегда противный промежуток.
Вчера смеялись мы, теперь смешней вдвойне.
Кладу... земной поклон на электронной прессе.
Куда скакал поэт на розовом коне,
Жванецкий прикатил на новом «мерседесе».

2008 г.

* * *

Другие мы, и в жилах кровь другая.
Мир в серебре, а на дворе Покров.
Давай — ка, тя, лучины настрогаем,
Давай побольше наломаем дров.
Когда в печи заговорят поленья,
Мороз и сырость дачную гоня,
Давай откроем летние варенья
И с красным чаем сядем у огня.
Сольем сердца страдающие наши
И отведем заботу от лица.
Как хороши, как свежи были сажи
На черных вьюшках в доме у отца.
Как дивно пахли и гудели ульи,
И яблоки мерцали в сквозняке.
Как молоды и жарки были угли
В подтопке на стальном колоснике.
Как чисты были облачные глыбы,
И как легко несло меня весло
По озеру, где всплескивали рыбы,
На плоскодонке под твоё окно.
Как хороши, как свежи были губы,
Как звонок и затейлив соловей.
Как широко и сладко пели трубы —
Печные трубы родины моей.

* * *

Срок настал, московская богема,
Нам с тобой проститься до конца.
Слишком жизнь — короткая поэма,
И всегда от первого лица.
Солнце поднималось над горою,
И судьба глумилась над людьми.
Это сочиненье без героя
От меня, страна моя, прими.
Я не подошел Замоскворечью,
И всему виной характер мой —
Говорить хотел прямою речью

И идти по жизни по прямой.
Если кто прочтет мои тетрадки,
Может быть, услышит на часок
Позабытый перебор трехрядки,
Ласковый жалейки голосок.
Может быть, из стороны нездешней
Я увижу, как в лугах идет
Преданный, распятый и воскресший
Мой народ.

* * *

Мы — последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники.
Мы из—под снега.
Сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.
Но в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведем.
Мы — последние века.
Мы — братья
По ладони, пробитой гвоздем.

Время быстро идет по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.

Так обнимемся.
Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники.
Мы из—под елок,
Мы — последняя нежность войны.

Вячеслав АРСЕНТЬЕВ

ХОЛОДНЫЙ ДЕКАБРЬ 200... ГОДА

Рассказ

Пенсию приносили в один и тот же день месяца – три тысячи четыреста сорок пять рублей. Он пересчитал деньги и расписался в бумаге.

– Холодно у тебя, как в собачьей конуре, – на прощание сказала почтальонка и вышла в пасмурный декабрьский день.

Егор разложил полученную сумму на три неравные части. Самую маленькую спрятал в щель за матицу, большую впихнул в карман телогрейки, среднюю положил под икону кухонной божницы. Он знал, что ему придется отдать все, кроме нескольких сотен за матицей, но, когда приносили пенсию, всегда раскладывал ее на три кучки. Иногда приходилось отдавать всю сумму – тогда он голодал, месяц сидел без хлеба, на воде и картошке:

Белугин был нездешний, приехал в Кривячки пять лет назад, купил избу на краю деревни, обустроил ее и. тихо зажил, мало общаясь с местными. За все пять лет он никуда надолго не отлучался и у него сторонних гостей никто не видел. Кривячкинские старики прозвали его отшельником, а молодые, не особо фантазируя, окрестили Белугой.

...Они появились минут через двадцать после того, как ушла почтальонка. Всегда примерно так приходили. Отслеживали время получения пенсии и забирали ее. Одному из них было 22 года, другому – 20.

Нигде не работавшие два молодых алкоголика жили мелким воровством. Но воровской промысел очень скоро перестал кормить, вернее, поить, потому как в Кривячках воровать оказалось совсем нечего. Десять местных пенсионеров жили совсем небогато.

Большинство имело детей в райцентре, .селе, расположенном в трех километрах от деревни. К тому же посягательство на чужое добро выходило боком, точнее говоря, сказывалось на боках архаровцев, коих здоровые молодые

односельчане не щадили по каждому случаю пропажи бочек из огородов, алюминиевых тазов из бань и стариковской картошки с участков.

Другое дело – Белуга. За него заступиться было некому...

На крылечке затопали, и в еще не топленную сегодня избу ввалились «экспроприаторы» (так они себя однажды обозвали, и слово им понравилось).

– Здорово, пан Белуга,– сказал долговязый Гоша. – Манимани получил? Всю кассу – на стол!

Старик засуетился, пододвинул к столу хлипкие табуреты.

– Садитесь, ребята!

Он надеялся, что сегодня обойдется без кулаков и только «большей частью», а две других он уже к вечеру хотел потратить на продукты и небольшую тележку отходов с пилорамы из села.

– Не спеши ляжками сучить – дай-ка хрену вскочить! – долговязый хохотнул и повысил голос:

– Деньги на бочку, трахома!

Белугин достал из кармана телогрейки смятую пачку и положил ее на видавшую виды клеенку. Рыхлый Саша, присев на качнувшийся под его тяжестью табурет, пересчитал измятые купюры:

– Тебе же сказано: все гони сюда! Ты, чё, русского языка не разумеешь? Учить тогда будем.

Гоша резко повернулся и схватил Белугина за шиворот, дохнул перегаром. Умилостивить «экспроприаторов» не получится, понял старик, они уже на взводе. Он посмотрел на добродушного с виду толстого Сашу и забормотал:

– Понимаешь, Шурик! Пенсия в этом месяце меньше, какие-то пересчеты сделали...

– Ой, Белуга, ой старая манда! Тебя даже хреном-то назвать нельзя! Что ты нам спагетти на уши крутишь!? Знаем ведь: прибавочка у вас, у стариков, а ты нам всякое... впендриваешь.

Саша снизу вверх узким покатым лбом ткнул Белугина в нос. Струйка крови потекла с верхней губы на щетинистый подбородок и упала на старую фуфайку. Старик заплакал тихо, без ругани. Знал, что если откроет рот, его побьют.

– Ты жить-то, старое мурло, хочешь? – спокойно спросил рыхлый. – Ведь грохнем, и никто тебя не хватится: искать тебя некому.

– Это ты, Саня, лишку хватаешь. Кто же дойную корову режет? – Гоша повернулся к старику. – Он ведь все понимает. Правда, Белуга? Он понимает, что так просто не помрет. Мы его инвалидом сделаем! – долговязый, довольный шуткой, хохотнул: – Он пенсии получать больше будет, а жрать меньше! Во! А нам чистый навар!

Уже почти год доили два молодых алкаша несчастного Егора Белугина. Когда воровской промысел иссяк, а похмелиться хотелось каждый день, недавно вернувшийся из зоны Георгий Подкопаев, сидевший там за кражи и хулиганство, уговорил своего дружка, пьянь и безработь, Александра Сташкова наехать на одинокого пенсионера, живущего на отшибе. Сначала попросили в долг. Не отдали. Потом еще. И вновь не отдали. Жаловался или нет куда Белугин, неизвестно, но молодым ухарцам, безнаказанность понравилась. А безнаказанность порождает рецидив. Великовозрастным жлобам очень даже приглянулось гулять на дармовые деньги. Деревенский рэкет оказался намного выгоднее воровства. Воровство хлопотно, да и бока могут пострадать. А здесь бабки чистоганом, а риска почти никакого. Когда они первый раз избили Белугина, силой отняв у него деньги, тот сходил в райотдел и написал заявление. Для беседы с «грабителями» приезжал участковый, молодой милиционер, хорошо знавший кривячкинских ухарцев. Разговор оказался недолгим. Поскольку синяки и ссадины не были зарегистрированы в больнице, то их как бы и не существовало. А факт вымогательства никто подтвердить не смог. «Да, ходят ребята к отшельнику, – только и сказали деревенские. – А что там делают? Может, пьют вместе?»

Беседой все и ограничилось. Видя такой оборот дела, алики совсем распоясались. Если поначалу забирали только часть пенсии, то в последнее время чуть ли не обрекали старика на голодную смерть. Того спасали запасы с собственного огорода...

И на этот раз пришлось достать спрятанное под иконой. «Экспроприаторы» ушли. Обычно они возвращались через

несколько дней, чтобы попытать старика и отнять последние гроши.

Они пришли через час. Сбегали в соседнюю деревню и купили там на «яме» полящика паленой водки. На закуску денег пожалели.

– Белуга, а мы опять к тебе! – радостно сообщил Гоша, вваливаясь в избу. – Да не боись ты, старый хрыч, не бить идем. Гулять будем! Закладывай картошку в чугунок.

Старик, испугавшийся поначалу, что дружки идут отбирать последнюю часть пенсии, испугался еще больше, поняв, что они долго будут пьянствовать в его доме, доедая последние запасы картошки, капусты и огурцов, а когда закончатся водка и деньги, спрятанную заначку выколотят силой. Раньше они уходили гулять в село и пропадали там недели по две.

Пока Александр ломал остатки дощаного забора и затапливал печь, Георгий ползал по подполью, обследуя съестные запасы Белугина.

– Смотри ты! – кричал он снизу. – Тут у него даже баночка красненьких осталась!

Он вытолкнул на пол последнюю литровую банку помидоров, хранимую на Новый год.

Пьянка началась сразу, приятели даже не дождались, когда картошка сварится. Без хлеба и картошки огурцы и помидоры под водку исчезали прямо на глазах. А когда картошка поспела, в ход пошла баночка (тоже последняя) волнушек.

– Притворялся старпер – блажил захмелевший Гога. – А мы бошку ломали, где закусь брать! Мы у тебя, хрычина, долго гостевать будем... Тепло, светло, и мухи не кусают.

Приятели опорожнили одну бутылку, вторую, беспрестанно курили дешевые сигареты.

Через час в маленьком домишке Белугина было не продохнуть.

Наконец им надоело сквернословить, рассказывать друг другу похабные истории и анекдоты, и они решили поиграть в «гестаповцев и партизана». «Партизаном», естественно, оказался хозяин дома. Его привязали к спинке, стула и устроили допрос «с пристрастием»: сколько сучек старый кобель за свою жизнь перетрахал, сколько водки выжрал,

почему и кто из города выгнал, зачем приехал в их деревню. Если старик задерживался с ответом, о его голую грудь гасили сигареты.

Игра закончилась, когда «гестаповцы», приговорив четвертую бутылку «паленки» к смерти, наконец уснули прямо за столом.

Белугин кое-как освободился от пут, надел на себя что было поприличнее, приготовил рюкзак, куда сложил самое необходимое, заколотил огромными гвоздями крест-накрест маленькие оконца избушки, поджег клочок бумаги и бросил его на кровать. Запер дверь на замок Уже за деревней он оглянулся. В черноте декабрьского вечера увидел, как в крестах окон крайнего дома пляшут огненные языки.

Белугин перекрестился на пожар и зашагал в сторону села. Он шел сдаваться в милицию...

Александр ЛОБАНОВ

ОТЦОВСКИЙ ПАРК

Моим родителям

У родительского дома более двадцати видов деревьев и кустарников, кроме нескольких сортов яблонь, вишен и ягодников. Одни уцелели с времен, когда отец отвоевывал у мелколесья землю для построек и огорода, другие – посажены им, случалось, вместе со мной. Отцовскому парку еще расти и расти, цвести и красоваться во все времена года. Добрые дела живут долго.

Венок сонетов

–1–

Мой отчий дом. Весной – черемух кипень
В любых краях не забывал его,
Хоть писем он не получал по кипе,
А помощи – считай, что ничего.

Но и за это шибко не ругали,
Любили, ждали, верили в меня.
Да бабка у лампадного огня
Оберегала в окаянной дали.

А даль была на северных широтах,
Четыре долгих года ждали с флота
Конвертов с якорем и почерком знакомым.
Курил отец на лавочке у дома,
Грачей носатых прогоняя с гряд,
Где в свой черед рябины рдеют в ряд.

–2–

Где в свой черед рябины рдеют в ряд,
Протягивая ветки над оврагом,
Не зря их, видно, посадил солдат,
Он честно жизнь прожил под красным стягом.

Трехцветный флаг отец не признавал:
— Не с ним, не с ним рвались к Берлину
Задумчиво глядит он на калину,
Которая цветет, развесив кружева.

Он не любил и фильмы о войне,
Не многим книгам доверял вполне.
— А что за шум сегодня в деревах,
Как будто рой привился или два?
С крылечка мать заводит: —Цыпа, цыпа!
В июле пчелы атакуют липы.

–3–

В июле пчелы атакуют липы!
Водились ульи у соседей наших,
Я помню с детства панику и всхлипы —
Не раз бывал я летом «разукрашен».

Не любят пчелы шума, беготни,
Но если позабыть про их коварство,
То мед, без спору, лучшее лекарство.
Ты тут, любезный «Биттнер», отдохни.

Не только «Биттнер», «маги», «чародеи»,
Не зря очки вы черные надели,
А может зря Взглянули бы сюда,
Где под горою родниковая вода,
Пока еще в цвету отцовский сад,
А к осени тут яблоки висят.

–4–

А к осени тут яблоки висят.
Невольно вспомнишь про Адама, Еву:
И ели бы хурму да виноград,
Нет, потянуло к яблочному древу.

Запретный плод, потом забудь про волю.
На свадьбе многочисленные гости
Цветы бросали на дощатый мостик,
Где мама нас встречала хлебом — солью.

Мосточек к свадьбе батя подновил,
Надежней стал, хотя и без перил,
Привел я в дом красивую невесту,
Кричали «горько» к месту и не к месту:
— Какое «горько»! Тут кругом — малина,
Настанет стужа — угостит калина.

–5–

Настанет стужа — угостит калина,
И нас, и воробьев, и снегирей.
Как дом вписался в зимнюю картину,
Стал парк отцовский — выше и светлей.

В морозном царстве нет живой игры.
А память жмется к детству ближе, ближе:
Отчаянно катался я на лыжах
Почти с любой семеновской горы.

Потом у дома на мои следы
Неслышно иней сыпали кусты,
Как лиственница осенью иголки.
И вот на ней остались только шишки,
Они — то и напомнили мальчишке:
На Новый год нарядим дома елку.

–6–

На Новый год нарядим дома елку,
Хотя лыжня зовет к друзьям и дразнит,
Но я оставлю горы ненадолго —
Ведь на носу совсем веселый праздник!

И за неделю выучить мне надо
Роль Чиполлино. Не катаюсь боле,
Ведь лучшая девчонка в нашей школе
В спектакле новогоднем будет рядом.

Не съем конфет, не трону шоколадки,
Гостинец отнесу в деревню бабке.
Там на Алехиной горе — родные елки,
Каникулы, ура! Несите, лыжи!
Лечу под елку, нагибаюсь ниже,
Она взмахнет своей пушистой челкой!

–7–

Она взмахнет своей пушистой челкой,
Окатит снегом с головы до пят
Все детки хороши, покамест спят.

Ведь летось угодил на речке в прорубь?
Охота до темна морозить сопли,

И чесанки, и валенки промокли,
Чайку попьем, да и на печку, голубь!

Так бабушка ворчала для порядка,
Мы пили чай со школьной шоколадкой
И коротали с лампой вечер длинный
Приснилась нехорошая картина,
Как будто кто украл подарок сладкий —
Гостинцев, вижу, целая корзина!

–8–

Гостинцев, вижу целая корзина,
Я вора догонять на лыжах буду,
Не далеко уйдет тропой лосиной,
Осина ждет таких, приняв Иуду.

Она видала столько подлых рыл,
Что листья пребывают в вечной дрожи
И осенью они кровавы тоже —
«Багрец», как Пушкин верно окрестил.

В стихах осины мало кем воспеты,
В березняки идут гулять поэты,
Цветочкам разным делают поклоны,
Они рыдать горазды над природой
А я горжусь крестьянскою породой —
Пусть парк фамильный украшает склоны!

–9–

Пусть парк фамильный украшает склоны!
О многом он опять напомнил мне:
Гусиный шаг унылый, похоронный,
Когда бредешь как будто в полусне.

Всегда пугали мертвецы меня.
Все меньше, меньше остается близких,
Кресты, кресты, кресты в оградах низких
И через крест — знакомый иль родня.

Все терпит бедный сельский житель,
До пенсии дожил — он долгожитель,
Болезней кучи, жалобы да стоны
«Все будем там». Не хочется об этом,
Ведь осенью бывает бабье лето,
Вернув тепло, заполыхают кроны.

–10–

Вернув тепло, заполыхают кроны,
В окне осветят смутный силуэт,
Узнаю сам себя «вовсю зеленым»
Возможно зрелым, только дряхлым — нет.

Перелистаю календарь назад:
Отсюда выходили замуж сестры,
А в сенокосы были косы остры,
Дождался дом внучат и правнучат.

Здесь их всегда приветить были рады,
И пироги у бабушки — что надо.
Стал дедушкой и я, хотя и не старик.
А внучка хороша — из голосистых
Мне кажется, что в детских лицах чистых
Березок юных проступает лик.

–11–

Березок юных проступает лик,
И хмурый день — немножечко яснее.
Я жить в другом краю давно привык,
Но с родиной прощаться все труднее.

С собой уносишь беглеца печать,
Не знаю сам, когда опять приеду,
Перекрестила мама напоследокКак плохо, если некому встречать!

От слез разлуки удержусь едва,
Калитка хлопнет, проглочу слова,

Дотянется сирень из палисада
Шепнуть мне на ухо,
что будет все в порядке
Приветливы отцовские посадки,
И у прохожих веселеют взгляды.

–12–

И у прохожих веселеют взгляды,
Сосной настоян воздух и сиренью,
Ирга стоит, как сена стог — громада,
И кормит птиц почти до дней осенних.

Говаривал отец в былые дни:
— Друзья у леса — муравьи да птицы!
Недаром тут веселые синицы,
А соловьи! Не курские ль они?

Из городов бежим, едва дыша,
Чтобы в лесу очистилась душа,
А маме никуда ходить не надо.
Окно откроет, а захочет — два,
И сразу прояснится голова
От свежести причудливого сада.

–13–

От свежести причудливого сада
Вдруг проберется к сердцу холодок:
Ведь мать бывает ничему не рада —
Одной не сладко, где же ты, сынок?

А сын — вдали, своя семья, работа,
Хоть есть, на счастье, дома телефон.
У матери звонит частенько он,
Поговорит и — сразу жить охота.

С весны ее забота — огород,
Как раз, когда подснежник расцветет,

Земля на горке поспевает вмиг.
Вот разогнет она устало спину:
Веселая зеленая дворина!
Оставил память людям фронтовик.

–14–

Оставил память людям фронтовик.
Он делать все любил, чтобы на совесть,
Плясун и гармонист, и озорник,
Ну, просится в поэму или повесть,

А по – серьезному, то и романа мало.
Шумят деревья летом и зимой:
«Кто там сказал – хозяина не стало?
Жива усадьба, так и он живой».

Наверно, да. Подковырнет незримый:
«Насилу дождались. Вторую зиму
Обидно, хоть гостинцы на мост выкинь».
Никто его ворчанья не заметит.
И счастлив я, покуда есть на свете
Мой отчий дом. Весной – черемух кипень

–15–

Мой отчий дом. Весной черемух кипень,
Где в свой черед рябины рдеют в ряд,
В июле пчелы атакуют липы,
А к осени тут яблоки висят.

Настанет стужа – угостит калина,
На Новый год нарядим дома елку,
Она взмахнет своей пушистой челкой,
Гостинцев, вижу, целая корзина!

Пусть парк фамильный украшает склоны.
Вернув тепло, заполыхают кроны,
Березок юных проступает лик,
И у прохожих веселеют взгляды
От свежести причудливого сада –
Оставил память людям фронтовик.

Анатолий БЕЛЯЕВ

НАЛИМ ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

Самого первого налима я увидел еще мальчонкой в сорок третьем году. Он лежал у нас на столе – большой и скользкий, еще не оттаявший с мороза, с приставшими к нему сухими травинками.

– В сене, под тулупом – и замерз! – удивлялась тетя Тоня, мамина сестра. Она только что приехала из деревни и отогревалась у самовара. На улице, у калитки, стояла, уткнув морду в сани, распряженная лошадь.

Тетя Тоня и раньше частенько приезжала из своего Чашкова в Антропово – что-то продать или обменять на хлеб: ей с четверыми детьми и бабкой Серафимой жилось особенно туго.

В этот приезд тети Тони и мама вели себя необычно. Они то смеялись, то плакали и все говорили, говорили о чем-то.

– Теперь будет легче, теперь не одна, – повторяла тетя Тоня, не скрывая своего счастья. И тому была веская причина: ее муж, дядя Миша, Михаил Савельич, вернулся с войны «по чистой» – без руки, но живой. И стал бригадирствовать в колхозе, как до войны, а без него эту «собачью должность» исполняла она. Почему собачью? «А ты попробуй голодных баб выгонять на работу, за которую ничего не платят, да сама при этом вкалывай больше всех!» – отвечала тетя Тоня.

Налима дядимишиного мы, разумеется, съели, и вкус его я помню даже сейчас.

Сам я к рыбалке пристрастился поздно, к пятидесяти годам. Ловил и порой удачно плотву, окуней, лещей, не говоря об ершах и уклейке. Редко, но попадались и щучки, язи, сомята. И налимы –весной, по мутной воде, на закидушки, осенью, перед самым ледоставам, на перетягу.

Увы, это были не те налимы. Даже полежав в морозилке холодильника, они не походили на того, из детства. Ни видом, ни вкусом.

Нет, нужен был другой налим – зимний, жирный, пузатый от молок и печенки.

Реальная возможность поймать такого налима представилась мне лет десять назад за день до Нового года.

День этот выдался на редкость теплым. Только что не таяло, когда после полудня мы выехали из Шарьи в сторону Мантурова, на Унжу. За рулем старенького «Москвича» – Саша Смоляков, тогдашний директор Шарьинской типографии (вечная ему память!), рядом с ним – я, а на заднем сиденьи – Леонид, друг Саши, отменный, кстати, рыбак.

- Куда едем? – спрашиваем у Леонида.

- Лучше бы всего в Подвигалиху, но туда все ездят, а значит и рыбнадзор. Махнем под Гусево.

До Гусева от Шарьи ровно сто километров. По пути заворачиваем в Верхне-Спасское, в магазин – отовариваемся на всякий случай бутылкой водки.

К деревне подъехали еще засветло. Остановились у церкви на берегу реки. «Москвича» – за ограду, ящики рыбацкие – на плечо, ледобуры – в руки и по умятой узкой тропе – вниз, по заросшей молодым лесом крутой горе. Крутизна местами такая, что невольно съезжаем. Ну и высь! Как, думаю, утром в гору полезем?

Наконец, изрядно вспотев, оказываемся на просторной поляне, окруженной Елочками. Где же река? Перебредаем поляну и – о, Боже! Оказывается, мы еще только на середине горы, а река там, далеко внизу.

Спустившись, переходим на другой берег. Он пологий, и на нем уже настоящий большой смешанный лес – весь в снегу от недавней метели. У старого кострища, видимо, частенько ночуют рыбаки. Пока запасаем сухостой для костра и лапник себе на подстилку, стемнело и резко похолодало. Выходим на лед, чтобы наловить ершей и поставить налимники. Увы, клева нет. Час, другой – ни ершишка. Наконец, Леониду повезло – поймал четырех ершей. Одним наживил налимник, головы остальных насаживаем на крючки блесен и начинаем блеснить.

Мороз однако крепчает. Мерзнет не только лицо, но и спина, и ноги, и руки, стоит хоть на минуту снять рукавицы, чтобы очистить от наледи лунку и леску. А главное – ни поклевки. Ни у кого.

– Гляди-ка, костер! – говорит Смоляков, показывая рукой в направлении нашего бивака. – Кто же его разжег? Все трое бежим к костру, а там еще трое. Тоже любители налимов!

Рыбачили за поворотом и как у нас – ни хвоста.

– Располагайтесь, грейтесь, места всем хватит. Ваш лапник и дрова мы не тронули, своих запасли.

Костер горит ровно и жарко, почти без дыма. Лежишь на лапнике лицом к огню – плащ, надетый на телогрейку, потрескивает, вот-вот вспыхнет, а спина уже коченеет, перевернешься – все повторяется в обратной последовательности. Ужинаем. Все, что взяли мы с Сашей – хлеб, сыр, колбаса, – замерзло, закаменело. Едим шпик и сухари Леонида.

Водку выпьем позже, – решает за нас Леонид, – к утру будет еще холодней.

Как ни трудно заставить себя встать и уйти от костра на лед бурить и облавливать все новые и новые лунки, мы все же делаем это. Даже трижды. Минут по двадцать, дольше не выдерживаем. Потом уже мы узнаем, что температура воздуха в Мантурове в ту ночь опустилась до тридцати градусов. Почти с нуля! Еще бы клевало!..

Долго, бесконечно долго тянется время! О чЕм только не переговорили. Даже стихи читали. Даже пытались петь. А уж рассказов всяких, былей и небылиц наслушались – да каких! Вот, к примеру, один из них. Немолодой уже рыбачок из присоединившейся к нам троицы рассказывает: «Сижу это я вот так же зимой, рыбачу. Налима деру. Вдруг слышу: топает кто-то сзади. Колька, наверно, думаю, кореш мой. Оглядываюсь, а это медведь. Еще раз оглядываюсь, а я уже на дороге, в трех километрах...»

Спать, конечно, не спим. Только задремлешь – надо переворачиваться.

И вдруг над нами, над лесом, над звенящей, потрескивающей тишиной ударили в колокол, нет, сразу в несколько! Звон этот, переливчатый, чистый, все ширился, нарастал. Конечно же, мы вскочили с лапника и устремились взглядами вверх, навстречу этому звону. А там, среди бесчисленных ярких звезд сияли, горели белым огнемцерковные купола! Одни купола! Без церкви! И рядом с ними –огромная, круглая! – сияла луна.

Леонид в ту ночь все же выманил двух налимов да одного снял с налимника. Разделил по-братски. Доставшийся мне – почти килограммовый! – был точь-в-точь как тот, из моего далекого детства.

1999 г

ОБЕЛИСК НА ОСТРОВЕ

Вечером я снова иду на остров. Меня тянет сюда, к этим раскидистым дубам и липам, к этому сероватому обелиску с пятиконечной звездой и строгой надписью на гранитной доске: «Вечная слава героям-землякам, павшим в боях за Родину в 41-45 гг.». Я знаю, что обелиск этот поставлен совсем недавно, и не может он хранить под собой останков героев прошлой войны. И уж тем более – останков моего отца, который и родился-то не в этих краях. Но я всегда думаю об отце, когда прихожу сюда.

Ему было двадцать девять лет, моему отцу – на год меньше, чем сейчас мне. Время остановилось для него в сорок втором. Даже моя мама не может представить его сейчас пятидесятитрехлетним.

Я стою у гранитного обелиска... Почему я не нашел до сих пор товарищей отца, не расспросил о нем его однополчан?

– Еще не поздно, – услышал я голос позади себя. Эти слова отвечали моим думам. Но юноша, сказавший их своей спутнице, конечно, имел в виду что-то свое.

Поравнявшись с обелиском, девушка потянулась к цветам за оградой.

- Не надо, – остановил ее юноша.

- Я одну гвоздичку! – улыбнулась она.

- Давай лучше вернемся, – предложил он, – я нарву тебе целый букет.

Позже я узнал: юноша был здешним. Один из тех, кто в свободное от работы время сооружал на острове обелиск. А девушка приехала недавно на уборку урожая с группой шефов, рабочих одного из ярославских заводов.

Так и не сорвав гвоздику, эти двое молча постояли у обелиска, видимо, как и я, пораженные его строгостью.

Обелиск на острове... Не случайно именно здесь соорудили его в прошлом году жители сел и деревень совхоза «Успенская ферма».

Соорудили в честь своих земляков, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Для успенцев сам этот остров – памятник доблестным защитникам русской земли.

Рассказывают, что его построили в 1812 году в честь победы русского народа над полчищами Наполеона. Я не оговорился: именно построили – вырыли длинный кольцеобразный пруд так, чтобы в центре образовался круглый, примерно с полкилометра в диаметре, остров.

Шумят листвою могучие дубы и липы – им, как и острову, полтора с лишним века. Обелиск, что стоит под ними, окружают цветы, заботливо посаженные в честь погибших за Родину земляков.

1966 г.

Татьяна ДМИТРИЕВА

«Как изменяет время человека…»

* * *

А по «ящику» — взрывы да выстрелы,
Да политиков хитрые речи...
Эх, дожить бы — на пенсии, выстроить
Домик маленький с видом на речку.

Чтобы кошка на печке мурлыкала,
И дремал верный пес у порога,
А в окошко — луна светлоликая,
И — икона в углу с ликом Бога.

Да носки внуку — петля за петелькой,
Когда к бабушке в гости приедет.
Уж его пирогами бы встретила,
И лесною нехитрою снедью!

А пока что — в деревню из города
Добирается бабушка к внуку.
Нынче жить стало в городе дорого,
Выжить стало — большою наукой.

С детства честно ее постигаю я.
И чем старше, тем меньше мне надо.
Больше сделаю в маленькой гавани,
И — для радости, не за награды.

Не гнетет никогда одиночество, —
Душ родство не подвластно разлуке,
Лишь порою немыслимо хочется
Ощутить внука теплые руки!

Осыпает дождем небо мглистое.
Детство вспомнилось, бабушка, печка...
Эх, дожить бы до пенсии! Выстроить
Домик маленький с видом на речку...

* * *

Вдоль дороги — иван—чай да таволга,
Да разлившийся туман, как молоко.
Мне приснился сон, — цветной, как радуга,
Оттого с утра на сердце так легко.

Я сегодня встала раньше солнышка.
И оно — за мной вприпрыжку, догонять.
Все не нагляжусь в окно вагонное,
Как струна звенит сердечко — не унять.

Речка детства скрылась за туманами,
Светлой грустью душу мне разбередив, —

Сумасбродную да покаянную,
Переполнили июньские дожди.

В небе всполохом зарниц вдруг высветив
Лица светлые ушедших навсегда,
Наполняла меня чувствами и мыслями
И дарила ночь мне музыку дождя.

Все обиды, в черный омут канули.
Сон — длиною в жизнь, а жизнь — как будто миг,
Перестук колес, дорога дальняя,
Ожиданье встречи с близкими людьми.

* * *

Уходят все, кого я так любила:
Мужья, родные, дети, повзрослев.
Уходит жизнь, — что не было, что было, —
Уходит клином с плачем журавлей,

Все, как в природе: вслед за летом — осень,
Но сколько света в золоте лесов!
И в зелени отавы на покосе —
Внучонка смех и след его шагов.

И слезы умиленья, и тревога —
Кого Господь пошлет ему в пути?
Пока его дорога — до порога
Родного дома, мама, не грусти.

Пусть он запомнит, дорогие лица
И в жаркой печке пляшущий огонь.
Под песню мамы пусть ему приснится
В осенних листьях долгий перегон,

Отцовы руки, что взмывали к небу, —
(За чтоб не брался, все по силам им),
И материнский теплый ломоть хлеба —
С утра — вприкуску с молоком парным.

Как изменяет время человека!..
Любя, тревожась, плача и смеясь, –
Как ниточка любви, от века к веку,
Богохранима родственная связь!
Все то, что нам досталось по наследству,
Все лучшее – оставить, передать,
Чтобы опять в свое вернуться детство
И добрым светом в новой жизни стать.

Александр ХЛЯБИНОВ

ВСПОМИНАЮ

Как и многие из тех, кто пробует себя в сочинительстве, я когда – то, едва освоив грамоту, начал со стихов. Лет в 12-13 решился послать свои лучшие вирши не куда-нибудь, а прямиком в газету «Правда».

Через некоторое время сама начальница деревенской почты, не скрывая любопытства, вручила мне конверт, присланный из главного печатного издания страны. В письме сообщалось, что мои стихи не могут быть печатаны по таким-то и таким-то причинам. Литературный сотрудник «Правды» в конце своего послания рекомендовал мне «учиться у поэтов – классиков».

Ответ газеты расстроил меня, но не отбил желания творить.

Время окончания средней школы совпало у меня с первой публикацией в районной газете моих лирических зарисовок. Я не оставил занятия литературным творчеством и в армии, взялся активно сотрудничать с газетой своей воинской части «Начеку», в штате которой и встретил свой «дембель».Костяк журналистского «корпуса» газеты составляли писатели А.Кузнецов и Г.Синегуб. За плечами каждого из них были изданные книги в республике Коми и Москве. Старшие коллеги при увольнении меня в запас посоветовали чаще слушать, подобно А.Твардовскому, «как растет трава из земли со скрипом», не изменять Слову, которое способно исцелять и вдохновлять.

Затем была учеба на филологическом факультете Кост-

ромского пединститута. Главное, вынесенное мною из стен филфака с помощью таких педагогов, как Ю.В Лебедев, – это осознание того, что русская литература связана с Россией, ее народом, по словам Н.Рубцова, «самой жгучей, самой смертной связью».

Работу над Словом я не прекращал и в институте, и в сельской школе, где начал директорствовать, получив диплом.Мои прозаические опыты оказались в поле зрения руководителя костромских писателей М.Ф. Базанкова. Некоторые этюды он поместил на страницах еженедельника «Литературная Кострома» с теплыми пожеланиями в адрес автора. Вскоре Михаил Федорович пригласил меня на один из творческих семинаров в Кострому, где мои литературные работы подверглись доброжелательному разбору Б.Бочкарева, В.Пашина и других известных писателей.

Затем были публикации моих рассказов в альманахах «Кострома» и «Молодой Петербург».Ярким событием для меня стал выход под началом Костромской областной писательской организации моей книжки «Фольклорная практика» в 2000 году. Участвуя в жизни писательской организации, зная ее активный издательский, просветительский труд, смею утверждать, что мои земляки с опорой на Слово в столь «расшатавшийся» век не растеряют нравственные ориентиры и не превратятся в «Иванов, не помнящих родства»...

ДЯДЯ СТЕПА

В незапамятные времена жители многих деревень нашего района то ли в результате наблюдательности и фантазии некоего народного острослова, то ли в итоге коллективного словотворчества получили шутливо – иронические прозвища. Так, наших фатьяновских стали называть бодунами.

Помню, шагаем мы с дружком Ленькой Лебедевым в Уколото на конюшню, а навстречу нам движется вразвалочку киномеханик Толик Соколов и улыбается:

– Ну что, бодуны, к нашим девкам курс держите?

Ленька цедит сквозь зубы:

– Нужны нам ваши девки – у нас своих хоть отбавляй. На конюшню идем, по делу.

... Конюх дядя Степа – наш односельчанин, человек в годах. Деревенские знали, что он был в плену. Об этом периоде своей жизни он не любил рассказывать, чаще всего был задумчив, малоразговорчив. После войны дядя Степа завербовался на шахту в Коми АССР. В забое случилась авария. Дядя Степа остался жив, но вернулся домой инвалидом. Может быть, поэтому у него не сложилась семейная жизнь,

...На конюшню мы с Ленькой пришли проведать своих подопечных лошадей. Нам нравилось здесь бывать. Когда наступал сенокос, мы, деревенские подростки, обычно подряжались таскать копны к стогам. Дело это нравилось нам, и колхозу помощь ощутимая. Подтыкаешь под копну «иглу» – сухую тонкую жердь, крепить копну верЕвкой, и знай погоняй своего Воронка и Венерку.

... Вслед за нами в конюшню под нестройное пение «Вставай, страна огромная» ввалились два праздно одетых мужика. Один из них, не знакомый мне, низкорослый, чернявый, плюхнулся на топчан и затих. Другой пришелец Федя Ермак жизнерадостно гаркнул:

– П-привет честной компании!..

Он дыхнул на нас с Ленькой водочным перегарам:

– По случаю Дня П-победы гуляем, п-пацаны... Товарищ Сталин п-приказал добить фашистского зверя в его логове... И мы раздавили немчуру, как тараканов...

Затем, словно вспомнив, зачем пришел, по-начальнически распорядился:

– Степан, давай запрягай лошадь. Кореша моего П-Павла желаю в целости и сохранности доставить домой в Самылово. П-перебрал малость бывший гвардеец...

– Бригадир не велел лошадей без нужды давать. Пусть жирок после зимы нагуливают, – хмуро объяснил выпивающий редко и понемногу конюх «принявшему на грудь» и по этой причине шебутному Ермаку. – Павла оставь здесь, отоспится и уйдет домой своим ходом.

– Не понял. Ты хто такой, чтоб командовать тут, – полез взадир Федор. – П-пока, значит, мы через всю Европу на и – пузе к рейхстагу и – ползли, товарищей боевых теряли, некоторые на фрица вкалывали. А теперь, значит, верховодят...

Дядя Степа стоял набычившись, играя желваками на скулах.

– Тебе сказано запрягай, значит, запрягай, – рявкнул Федор.

– А я тебе говорю не получишь лошадь, пустозвон, – взорвался конюх

– Это мы еще п-посмотрим, получу или нет, – осклабился Ермак. Он сорвал со стены узду и по – хозяйски шагнул в стойло к норовистой кобыле Вике.

Вскоре оттуда послышалось:

– Я те п-покажу брыкаться!

Тут же двери стойла широко распахнулись, и Ермак растянулся на выщербленном полу конюшни. Вика враждебно косилась на него оранжевым глазом...

– Ладно, мать – перемать, еще встретимся на узкой дорожке, – поднявшись на ноги, то ли лошади, то ли конюху, то ли нам пригрозил Федор и скрылся за воротами конюшни.

... Летом дядя Степа занемог, долго лежал в больнице, потом уехал на жительство к родственникам в Подмосковье.

Конюхом вмесго дяди Степана назначили тридцатилетнего Витьку Губина. Про таких говорят: «Большой, а без гармони». Он любил прихвастнуть, был солощий на выпивку. К лошадям Витька иначе, как «дармоеды», и не обращался.

... Как – то на полевом стане мужики в разговоре упомянули дядю Степана:

– Справный был конюх, не чета этому ветродую Витьке... Тут встрял Федя Ермак.

– Спору нет, мужики, Степан свое дело знал. Только и занозистости в нем было через край. Бодун, одним словом...

Насчет занозистости мужики с Федором не согласились.

«КОРОЛЕВА»

Весной Леонид Комлев сильно простудился и оказался в больнице.

Выписавшись, он поспешил на шабашку в подмосковную Ивантеевку. Приехал Леонид, что называется, к «шапочному разбору»: его «компаньоны» уже завершали работы на даче одного «богатенького Буратино

Житель столицы Толик Васильев, который также «мантулил» на новых русских, взялся определить своего деревенского родственника в фирму... по оказанию ритуальных услуг...

За «рюмкой чая» Толик с хитринкой во взгляде обронил:

– Тебе, Лень, век не угадать, кто в этой похоронной конторе верховодит?

Леонид выжидающе уставился на собеседника, а тот, сделав эффектную паузу, продолжил:

– Там земляк твой... Сорокин Валера у руля.

– Так он же вроде на каком-то военном заводе вкалывает, – оторопел Леонид.

– Вкалывал, – насмешливо поправил родственника Толик.

– Завод-то его после перестройки – тю-тю..., на фиг никому стал не нужен. Вместо сварки теплообменников для ядерных реакторов твоему земеле пришлось оградки могильные варить.... Вот так-то!

... Когда Толик с Леонидом приехали в Валерин офис, Сорокина на месте не оказалось. Он укатил по делам в Челябинск. На работу Леонида оформляла фигуристая рыжеволосая деваха.

С Валерой Леонид так и не встретился. После Челябинска тот махнул в Башкирию, потом еще куда-то...

А жене домой Леонид сообщил, что устроился в фирму Валеры Сорокина, того самого, что провожался с нею, Татьяной, до своего ухода в армию. О том, чем занимается эта фирма, муж благоразумно умолчал.

... Домой Леонид вернулся только в конце сентября. Он латал прохудившуюся за лето крышу, когда возле его избы остановилась старушка в цветастом платочке. Леонид признал в ней мать Валеры. Жила она в соседней деревне, откуда родом был и сам Леонид. Он спустился с верхотуры и пробасил:

– Здорово, теть Мань ..., куда это лыжи навострила?

– Так к тебе, Левонид, к тебе насчет сынка узнать..., перед Казанской прислал он мне перевод и больше ни весточки..., не беда ли у него какая?

Леонид кашлянул в ладонь.

– Да жив-здоров твой Валера, – успокоил он.– Занятой человек твой сынуля. По командировкам все мотается...

– Этак, этак, нетто я не понимаю, – проговорила старушка – Валера и сам мне об этом сказывал. Токо сердце – то материнское ноет и ноет...

– В ноябре прикатит к тебе твой ненаглядный со всем семейством, –неожиданно для самого себя соврал Леонид. – Готовь, угощение, теть Мань, по полной программе.

– Знамо дело, – расцвела старушка. – Грибки припасены, огурчиков насолила, в голбце варенье земляничное да малиновое...

А Леонид тем временем вывел из гаража мотоцикл и широким жестом пригласил бабку занять место в коляске. ... К своей избе бабка Маня, по словам лицезревших ее приезд односельчан, подкатила «как королева».

МАРТОВСКИЙ ДЕНЬ

Юра Сорокин служил в Чечне механиком-водителем боевой машины пехоты.

Незадолго до «дембеля» их машину подорвали «чехи». Из покореженного брюха БМП раненого и оглушенного взрывом водителя выволок его сослуживец Серега Жмыхов. Потом ростовские хирурги долго колдовали над парнем, чтоб спасти ему иссеченную осколками ногу.

Вернувшись домой, Юра взялся преподавать теорию шоферского дела в сельской школе, где в свое время учился сам.

А Сергей жил в Череповце. Устроился на работу в милицию. Женился. Юра не раз бывал у него в гостях.

Ближе к весне покалеченная нога дала о себе знать, и Юра вновь оказался на больничной койке в Костроме.

Как-то под утро он увидел странный сон. Ему приснилось, будто его БМП со всего маху врезается в угол саманного домика. Летят в сторону ошметки глины, сыплется солома, какая-то мелкая домашняя утварь. Машину на мгновение накрывает облако пыли. Но вот гусеница, выплюнув последнюю порцию грунта, перемешанного со щепой, снова молотит траками по твердой дороге. И вдруг полная тишина, темень...

– Серега, – зовет он друга. Но друг не отзывается.

– Серега! – во всю мощь легких заорал Юра и ... проснулся.

Открыв глаза, он увидел перед собою мать. Она сидела на краешке стула и с тревогой смотрела на сына.

– Здравствуй, мама! – Юрий осторожно приподнялся в кровати и ласково обнял самого дорогого для него человека.

– Как добралась?

–Хорошо добралась, сынок. В вагоне тепло, чисто. А у тебя-то как дела?

– Лучше всех, мама. Подремонтировали меня основательно. Хоть завтра на дискотеку!

–Ну и ладно, сынок, ну и ладно! – захлопотала мать, заботливо поправляя сползающее с кровати сына одеяло,

Юрину мать звали Анной Сергеевной. Работала она воспитателем в детском саду.

Рассказывая деревенские новости, Анна Сергеевна вдруг спохватилась:

– Почту-то, почту-то чуть не забыла тебе передать!

Она вытащила из сумочки письма, адресованные сыну. Он пробежал взглядом по конвертам и удивленно спросил:

– А что, от Сереги ничего нет?

– Ничего, – дрогнувшим голосом ответила мать и, отводя взгляд в сторону, нарочито громко стала шуршать пакетом, доставая оттуда деревенские гостинцы.

Юра потускнел лицом.

– Перед Новым годом он мне позвонил, сказал, что собирается в командировку на юг. С тех пор от него ни слуху, ни духу.

... Анна Сергеевна простилась с сыном и вышла на улицу. Мартовский день был по-весеннему теплый и солнечный, но на душе у матери было тоскливо.

В кармане ее пальто лежал телеграфный бланк. В телеграмме, присланной три дня назад из Череповца на имя Юрия, сообщалось о гибели в далеком Дагестане его друга Сергея.

Возле Анны Сергеевны, присевшей на скамейку, остановился бородач в белом халате:

– Женщина, Вам плохо? Требуется помощь?

–Нет, нет... Спасибо... мне уже лучше, – поспешно ответила Анна Сергеевна, смахнув ладонью не прошенные слезы.

ПОДАРОК ДЛЯ ГРИГОРЬЕВНЫ

За окнами проурчала машина, и Григорьевна, с утра поджидавшая гостей из Макарьева, заспешила на улицу.

Но это были не они. Из легковушки выбрался немолодой крутолобый мужчина в светлых брюках.

– Батюшки светы, да ведь это Иван, Клавкин сынок, в деревню пожаловал, – запричитала старушка.

Клавдия, как и Григорьевна, всю свою жизнь оттрубила в животноводстве, а восемь лет назад ее не стало.

Иван, обняв старушку за худые плечи, пробасил:

– Рад тебя видеть, дорогая моя соседка... Как поживаешь, Григорьевна?

– Живу помаленьку, Иван, Скриплю, как сухое дерево. Завтра собираюсь маленько отметить свой день рождения. Семьдесят пять стукнет... Приди, Иван, и ты , не побрезгуй моим угощением...

– Ого, Григорьевна! Это называется попасть с корабля на бал. Спасибо за приглашение. Приду, непременно приду...

Глядя на сегодняшнего Ивана, Григорьевна вспомнила портрет бравого военного с четырьмя звездочками на погонах. Портрет этот когда-то висел в школе, где после ухода на пенсию она некоторое время работала техничкой. Строки под снимком поясняли, что на фотографии Соколов Иван Алексеевич, выпускник школы, офицер-артиллерист, награжденный орденом Красной Звезды за выполнение особого задания командования.

Статный, широкоплечий и непременно рядом с красивой полноватой женой, Иван появлялся на деревенской улице, когда навещал мать. Рядом с ними обычно семенил тощий нескладный парнишка в матросском костюмчике. Их сынуля. Григорьевне нравилось, что Иван, покинув деревню, не занесся, не зазнался так, что «кочергой не достанешь»

Иван пришел в дом соседки позднее других гостей.

– Извини, Григорьевна, малость опоздал, на рынке в Мантурове задержался. Подарок тебе выбирал...

С этими словами он накинул на плечи Григорьевны цветастую шаль с пышными кистями.

Старушка пожеманилась для виду – мол, не в мои годы такую красоту носить, но в душе подарку была несказанно рада.

Она усадила гостя за стол, стала подвигать кушанья.

... Зять Григорьевны Михаил – коренастый человек с прической, которую в народе зовут «внутренний займ», – подступился к Ивану с вопросами:

– Ты человек грамотный, в политике – дока, разъясни толком, долго ли Россия будет ползти на карачках неизвестно куда?

Жена Зинаида одернула подвыпившего супруга:

– Что ты, как репей, пристал к гостю. Он тебе не президент, чтобы на такие вопросы отвечать.

– Я чего? Я ничего, – стушевался Михаил, привыкший во всем соглашаться со своей спутницей жизни.

– Хочу тебя спросить, Иван, ты все служишь али на пенсию вышел? –поинтересовалась Григорьевна.

– Отдыхаю, – голос Ивана дрогнул. – Уволился после гибели сына...

Старушка, услышав такую весть, приложила к груди свои сухонькие кулачки.

– Господи, горе-то какое, Иван. Как же это у тебя с сыном-то вышло?

– Юра тоже служил в армии, был командиром разведвзвода. Есть такой населенный пункт в Дагестане – Новолакск называется. В него ворвались чеченские боевики. Там Юра мой и сложил голову...

– Супруге-то твоей какой удар...

– И не говори. Частенько стала прихварывать моя Татьяна... Нынче она опять в санаторий уехала. А меня вот потянуло на родину. С похорон матери здесь не бывал...

А за столом чернявый Саша Савельев, развернув меха гармошки, с пьяной хрипотцой в голосе объявил:

– В честь юбилярши предлагаю исполнить песню «На Муромской дорожке».

Григорьевна пыталась остановить гармониста:

– Погоди, Павел, с песней-то... Поешь, закуси, а то захмелеешь и будешь не игрок...

Иван тронул ее за рукав платья:

– Пусть играет. Хорошая песня. А мы споем... Сегодня твой праздник, Григорьевна.

Виктор ВЕСЕЛОВ

«А ГОРОДА НОВОГО ВСЕ НЕТ…»

Видение

Где Русью пахло — пустыри,
Земля, которая не родит,
И русский дух в леса уходит,
В далекие монастыри.

Как тучи стелятся опять
Орда гортанная, тевтонцы,
Пятно ползучее на солнце,
Похожее на букву ять.

Неужто нам не сдобровать
И подчиниться вражьей силе.
Нет, надо Родину спасать.
Жива и будет жить Россия.

Река

М.Б.

Октябрь идет и гасит страсти лета,
Отполыхав, безмолвствует листва.
Она теперь скупится на слова,
И стоит ли корить ее за это.

А тот, кому дарованы сполна
Глагола вязь и кисти вдохновенье,
Найдет в строках полян лесных цветенье
И теплый запах хлеба и вина.

Там в поле русском сладкая рябина
Всех приглашает в гости в Кострому,
Где чудо в решете и наяву,
Да радость сердца — свет Екатерина.

Писательство — не ремесло, не служба,
Не славы для рождается строка.
И творчество, оно как и река:
Течет себе, ей ничего не нужно.

Плеснет волной ветлужская прохлада,
И ветерок попутный межевской
Коснется лодки трепетной рукой.
Плывем рекой. А что еще нам надо...

Ведомо

Не жди признания и славы,
И благодарности людской,
Спроси, коль хочешь, у Державы,
Зачем ей нужен голос твой.

Не поторопится с ответом
И свой тебе задаст вопрос:
Ну что с тобой, великоросс,
Тебе же ведомо об этом.

Град

Не дорожим тем, что имеем,
Клянем былое невпопад.
Хотим построить новый град,
Спешим, боимся не успеем.

Потом уже в конце сует
Сумеем ли понять сурово,
Что мы остались вдруг без крова,
А града нового все нет...

Корабли

Задушевною песнею греясь,
Сказ ведет гармонист пожилой,

Как сражались «Варяг» и «Кореец»
И погибли в пучине морской.

Рассказала гармошка, проплакала,
И не спала почти до утра
Вся деревня с названьем «Бурлакино»,
Где осталось два только двора.

Затерялась в сугробах, в колдобинах,
Но мерцают живые огни
Вопреки всем житейским пробоинам,
Словно в море ночном корабли.

Посредине России, в безмолвии
И как будто в чужих берегах
Две избы под рыданье гармони
Тонут в русских холодных снегах.

Инверсия

Опять пришельцы на Руси,
И мы им отдаем поклоны.
Горланят, каркают вороны,
Язык чужой понятен им.

Непрядвы меркнет дальний свет,
И солнце русское в закате.
Князь Дмитрий не сбирает рати,
Сидит и смотрит интернет.

Мелодия

Роняй слова и вздохи, листопад,
И не винись в печали расставаний,
Несбывшихся надежд и ветреных желаний.
Всему свой срок. Ты в том не виноват.

Мелодия прощания светла,
А грусть твоя моей душе подмога.
Гляди, какая выстлана дорога
Из золота, огня и серебра.

Пойдем по ней с тобой, не торопясь,
Как два поэта русские по крови,
По нашей общей радости и боли,
И по любви, что всем не на показ.

Фарт

А мне с бедою подфартило,
Она пришла ко мне не зря
И говорит, что полюбила
И жить не может без меня.

Прижмется, льнет к душе и телу,
Изводит болью и тоской,
Воркует : «Я ведь не хотела,
Так получилось, дорогой.»

Как мне с такой ханжою сладить
И сократить хотя бы срок.
По голове меня погладит :
«Ты потерпи еще чуток».

Но сколько можно мне терпеть,
Пора ее давно за дверь.
Но вдруг она : «Окно открой,
Мы попрощаемся с тобой».

Открыл. Вспорхнула и ушла,
Другого милого нашла.
Все окна, двери позакрыл,
Чтоб нас никто не полюбил...

Родня

Природа русская смышлена,
Легко увидит, кто ты есть.
Слетает лист осенний с клена,
Несет тебе благую весть.

Упал у ног, а встать не может,
Лишь золотым огнем горит.
Ты подними его, прохожий,
Да по душам поговори.

Лист оживет и встрепенется,
Тебе поведает светло.
Как улыбался он на солнце,
В твое заглядывал окно.

С дождинкой рыжей целовался,
В росе купался нагишом
И как—то под хмельком подрался
С чужим залетным ветерком.

Он, как и ты, не понимает,
Зачем стремиться за моря,
Родных ветвей не покидает
До середины октября.

Поймешь, что он в родстве с тобою,
Как этот дождь и грусть полей,
И небо в тучах над страною,
Да клин тоскливый журавлей.

И ты когда—нибудь сорвешься,
Как этот лист, средь бела дня
И упадешь, к земле прижмешься.
Она сырая, но твоя
Совсем не дальняя родня.

Павел РУМЯНЦЕВ

ИГРА НА НАБЕРЕЖНОЙ

Рассказ

– До чего эти пенсионеры странные…

Ольга подняла голову. Рядом с ней возле любимой скамейки на берегу набережной Волги остановилась пожилая женщина. В руках она держала открытый летний зонтик. Солнце, надо заметить, не припекало, да и скамейка находилась в тени раскидистых лип. Тем не менее, женщина прикрывалась зонтом, словно на улице стояла июльская жара, а не августовский излет лета. На вид женщине было далеко за шестьдесят, то есть возраст самый что ни на есть пенсионный. И вдруг такие речи?

Девушка отложила книгу в сторону и с недоумением пожала плечами. Однако женщина истолковала ее реакцию по-своему.

– Ты, милая, удивилась моему зонту? О-о... Ты права! Сейчас таких не делают. Ручка из настоящего дерева. Руке приятно. Складывается и раскладывается легко, – она тут же продемонстрировала процесс в действии. – Жаль, материя выгорела, краски поблекли. Но от прямых солнечных лучей защищает, да и от дождя, если вдруг... – женщина покрутила зонтом.

– Представляешь, милая, – продолжала она, словно и не заметила, что девушка вновь уткнулась в книгу, прекрасно знала, что ее слушают. – Мальчишки на пляже водой брызгались и случайно попали в пенсионерку. Она давай на них шипеть, словно озорники водой брызнули не на старую мымру, а на горячую сковородку. Слушать, каких она гадостей наговорила – противно. Ни за что ни про что детям досталось. Сколько злобы в этих пенсионерах!

И тут начитанная и умная девушка Оля, которая никогда не заводила беседы с посторонними, потому что скучно, потому что лучше книжку в тенечке почитать, и вообще у нее свои дела имеются, не удержалась.

– Простите, но вы-то кто?!

– Была бы ты мне ровня, я бы, конечно, ничего тебе не сказала, никаких замечаний. Просто прекратила бы разговор. Но ты молодая, прощаю твою невежливость.

Женщина откинула зонтик, ровно настолько, чтобы рассеянный листвой солнечный луч падал на открытое лицо и плечи.

– А у тебя здесь в твоей конурушке неплохо! Наблюдательный пункт за пляжной жизнью.

– Ни за кем я не смотрю! Вот еще! – вспылила Ольга.

– Дело хозяйское, – равнодушно ответила женщина. – Гляди-ка, гляди!– махнула она рукой в сторону пляжа. – Видишь мужчину в желтой шляпе? Меня ищет. Пообещала ему в карты поиграть, а сама у тебя спряталась.

Женщина кокетливо засмеялась и немного выдвинулась из тени. Чуть-чуть.

– Обожаю в карты играть!

Ольга презрительно фыркнула. «Тоже мне занятие!» Ей захотелось уйти. Все равно сегодня день неудачный.

Тот, кого она ждала, на пляже так и не появился. Исчез. Ну и пусть! Черт с ним! Не будет она страдать и выглядывать его, притаившись в укромном местечке. Не стоит он ее слез и бессонных ночей! Отчего же каждый день ходит сюда? Вбила себе в голову, что надо увидеть его. Просто увидеть. И тогда все станет ясно: ей откроется его истинное лицо: противное, неприятное, эти глазки бегающие, дурацкий смех, накаченные мускулы без мозгов, мачо проклятый! Как она могла полюбить такого!? – корила себя девушка и тут же вздыхала. – Жаль, что его нет... Придется завтра опять прийти. Надо же убедиться в своей правоте...

– Любовь Александровна! Вот вы где скрываетесь!

– И не думала прятаться от вас, Константин Егорович! Жаркий день. Коротаю время в тени. Все гадаю: куда вы запропастились?

Мужчина снял ярко-желтую шляпу, вытер пот платком. Тяжело выдохнул: «Уф! Здесь, действительно, прохладно». Он устало присел на скамейку.

В свои семьдесят лет Константин Егорович, после того как овдовел, дал себе слово посвятить остаток жизни дочерям и внучкам. Однако вскоре убедился, что только мешает

всем. Константин Егорович окончательно затосковал в своем «бабьем царстве» и решился на последний, как он предполагал, мужской поступок: на все свои сбережения купил каморку на берегу Волги. Сделал ремонт, наклеил обои, вытравил крыс и зажил тихой размеренной жизнью. Дочери с зятьями всполошились, но слегка... не на улицу же отец ушел, вон как уютно обустроил себе новое жилище, да и крепок он еще и силен, да и квартира освободившаяся, конечно, кстати для внучки... А уж ежели чего, если заплохеет, то разумеется, любая из дочерей к себе возьмет. Они, дочери, меж собой так и договорились, по очереди будут брать-то...

Но плохеть Константин Егорович не собирался. Напротив, вел активный образ жизни, бегал по утрам, умывался холодной водой, вес сбросил, да и лет десять возраста заодно. Да чего уж там – на женщин стал поглядывать!

И получал от них ответное внимание. Женщины восхищались Константином Егоровичем, как героем. Ругали дочерей и советовали немедленно вернуться в квартиру.

Одна Любовь Александровна, с которой они познакомились недели две назад, восхищения заботливым дедушкой не высказала. Отрезала, что он – противный вредный пенсионер, что она таких терпеть не может и даже в карты с ним играть не стала бы!

Константина Егоровича подобное обращение задело. Он тут же купил новую колоду и с большим трудом уговорил при следующей случайной встрече, а они всегда случайно встречались на набережной, сыграть с ним партию.

– Разве что в «дурака»! – дала согласие Любовь Александровна.

Пока Константин Егорович размышлял уж не играет ли она « с дураком в дурака», он продул Любови Александровне три партии кряду. Душа его жаждала реванша... Но на следующий день он также проиграл, на другой тоже... Может быть сегодня?

Зазвучала песенка из мобильника. Ольга замерла, затем судорожно стала рыться в сумке в поисках телефона. Может быть, это Вадим? К ее разочарованию, звонила мама. Девушка сообщила, что у нее все хорошо, что в общежитии тоже все спокойно, что практику она закончила, а домой не

едет, так как... – Ольга замялась. – Ну, в общем в деканате попросили поработать с первокурсниками... И как только освободится, так сразу же приедет... До начала занятий обязательно...

Пока она все это сообщала, старики уселись на скамейку и начали сдавать карты. Заняли ее место. Ну, точно, сегодня неудачный день. Пора в общагу.

– А разве девушка не будет с нами играть? Я раздал на троих. Константин Егорович побаивался очередного проигрыша и рассчитывал подстраховаться.

– Не будет! – ответила за Ольгу Любовь Александровна. – Она считает карты постыдным занятием.

Ольга возмутилась, что за нее все решили, и вообще ее стала раздражать эта молодящаяся старуха. Вырядилась в зеленое крепдешиновое платье, поди с юности хранила в сундуке, вон как фигуру обжало, а шелк висеть должен... и белый лиф с зеленым не носят... кремового наверное не нашлось... Тоже мне – модница!.. Хотя... Если бы на ней, Ольге, в тот вечер было такое же шелковое платье, а не эти, как у всех, дурацкие джинсы с маечкой, пожалуй, Вадим к ней так не отнесся бы...

– Так мне пересдавать? – разочарованно вздохнул Константин Егорович. – Такие карты выпали...

– Нет, – наперекор вредной старухе согласилась девушка. – Сыграю!

– Козыри «крести»! – невозмутимо сказала Любовь Александровна. – Я хожу, у меня «шестерка».

Ольга машинально делала ходы, тут же забывая, какие карты играют... Зато Константин Егорович все просчитывал и громко комментировал: «Так... козырная десятка ушла... У кого же туз?» – хитрил он, так как туз был у него, припрятан вместе с королем... Пришлось даже уступить пару взяток, чтобы не потерять козырей в самом начале игры... Уж сегодня-то он обязательно выиграет! Так фартит!

Однако Любовь Александровна, имея плохонькие, мусорные карты, довольно ловко подыгрывала Ольге и освобождалась от лишних. Вскоре, бросив на кон последние две «шестерки на погоны»», и вовсе закончила игру. Ушла от поражения! Приготовившийся к выигрышу Константин

Егорович так раздосадовал, так раздосадовал... что тут же попал в масть Ольгиным картам и... остался в «дураках». Это с козырным-то тузом!

Ольга, захлопала в ладоши от радости. Паинька-девочка, которая относилась к картам, как к чему-то грязному, плохому, неприличному, втянулась в игру. В простого «дурака»! И в конце партии уже лихорадочно гадала: улестит ли под ее даму червей расчетливый и думающий старик? И вот когда тот пошел с червого валета, Ольга в азарте, громко, на весь пляж, крикнула: «Бито!»

Повергнутый Константин Егорович имел жалкий вид. Его лицо надо было видеть!

Невозмутимая Любовь Александровна попыталась было утешить:

– Червовая дама – это любовь! Вы, как настоящий мужчина, не могли не попасться в ее сети и не стать дураком. Если мужик в любви не глупеет, то, скажу вам, это не любовь вовсе... Верный признак.

Похоже, что этим замечанием она только усугубила положение.

Константин Егорович от обиды бросил карты и резкими быстрыми шагами удалился в сторону своей каморки.

Ольга также хотела уйти, но Любовь Александровна задержала девушку.

– Как ты думаешь, я ему нравлюсь? Представляешь, вторую неделю из-за него ночей не сплю. Интересный мужчина. Он мне по раскладу подходит: вдовый и на пять лет старше... Я тоже одинока... Сын в Москве... – Она что-то вспомнила, поправила подол платья, и вздохнула. – В нашем возрасте тяжело завлекать-то, это вам, молодым, дозволено: можете одежду укоротить, тело оголить... Кстати, как тебе мое платье? Только не говори про кремовый бюстгальтер. Пробовала. Белый лучше формы подчеркивает, к тому же резкие контрасты сейчас в моде.

Ольга опешила. Но ответить ничего не успела. Любовь Александровна встала со скамейки, ловко раскрыла летний зонтик и медленно, не оборачиваясь, отправилась вдоль набережной, словно демонстрируя ошеломленной девушке свой прекрасный наряд. Теплый волжский ветерок донес

чудесное грудное пение... Красивый голос, красивая мелодия! А может, послышалось?

Ольга с грустью бросила взгляд на полупустой пляж. Вечерело. Пора двигать в общагу.

.. .На следующий день Ольга пришла к своей скамье в отличном настроении: в черной юбке, розовой блузочке, а главное, с ясной головой. Впервые выспалась! Ни о чем не думала и ни о чем не вспоминала.

Любовь Александровна встретила девушку со слезами.

– Представляешь, не пришел! Дура я! Надо было вчера проиграть. Переборщила! Мужики – они такие самолюбивые.

– А давайте сыграем в карты! – попыталась утешить ее Ольга. – Колода-то у нас осталась.

– Верно! – согласилась Любовь Александровна, доставая из пакета карты. –Не будем страдать, а будем играть! – Она даже улыбнулась нечаянной рифме. – Куда он денется! Вылезет из каморки, старый таракан!

Игра шла весело и легко. Ольга то выигрывала у непобедимой старухи (аж две партии кряду!), то проигрывала в трам-тарарам.

И в сторону пляжа ни разу не глянула. Ну, так... чуть-чуть... краем глаза... Зато Любовь Александровна постоянно головой вертела в поисках желтой шляпы.

Крути – не крути, смотри – не смотри – все одно никого не видать...

– Любовь Александровна, почему вы о пенсионерах так отзываетесь? –задала Ольга, давно мучивший ее вопрос.

– Уже не помню, откуда у меня к ним неприязнь появилась? Наверное оттого, что молодежь не жалеют... везде норовят свое величество выпятить. Тебе, поди, такие самой не нравятся? Если честно?

– Нас учили: старших надо уважать! – дипломатично уклонилась от ответа воспитанная девушка.

– Уважение взаимным должно быть. Я, вот, молодых уважаю, дорогу им уступаю, бреду краешком, а не закрываю своей персоной весь тротуар, они торопятся, им быстрее надо. В очередях так вообще без спору: проходи, милок, бери, плати. Я успею! Мне спешить некуда. А пенсионеры

вредные на меня всегда рычат за это... Так как же мне к ним относится?

Ольга с удивлением смотрела на Любовь Александровну. Действительно, какая она пенсионерка! Морщины разгладились, радость в глазах, карты из рук выпали. Не иначе – «желтая шляпа» на горизонте появилась.

И впрямь! Константин Егорович собственной персоной. Помолодевший, посвежевший.

– Ну, что дамы, сыграем?

И сыграли! Константин Егорович постоянно выигрывал. А Ольга хоть и оставалась в дураках чаще всех, почему-то радовалась, смеялась, болтала без умолку. ВсЕ-все о себе рассказала: как из дома в шумный город удрала, в институт поступила, в общаге как трудно приживалась, что несовременная для города-то оказалась... Девчонки над нею посмеиваются... У всех парни не по одному разу сменились, но она так не может... Чтобы свою старомодность преодолеть, связалась недавно с одним... здесь на пляже...

Ольга вдруг резко замолкла: «Пожалуй, это она лишнего сболтнула?!»

Напрасно беспокоилась – старики были заняты лишь собою. Константин Егорович торжествовал победу, Любовь Александровна глупо сияла от счастья...

На многолюдном пляже по-прежнему никого не было, никто не появлялся...

К удивлению, но и эту ночь Ольга спала. Поворочалась немного, себя жалея, а потом вспомнила забавных стариков: какие страсти, оказывается, кипят! Она не обращала прежде внимания на пожилых, снующих мимо... Никак не ожидала, что у них своя жизнь имеется, да еще какая... С тем и уснула.

Да так крепко, что изрядно проспала утром...

– Слава богу, наша красавица пришла! – встретил девушку Константин Егорович. – А то мы волноваться начали... Я ведь, чего... У меня у самого вся семья из женского полу состоит... по опыту ихнему знаю... ждать-то надо... Вот, Настена, внучка моя...

– Занудный пенсионер! – перебила его Любовь Александровна.

– Причем тут твоя внучка!

– Но ты же йе знаешь, что я хотел сказать!

– И знать не хочу!

– Всегда вы женщины так! Был бы сын, я бы ему точно ситуацию обрисовал. А с бабьЕм! Что бы не посоветовал, все некстати...

– Не нуждаются они в наших советах, у них своя жизнь, свои ошибки...

–.. .которых можно избежать, – упрямо гнул свое Константин Егорович. Но и Любовь Александровна не уступала.

Ольге стало стыдно, что она невольно втянула стариков в свои дела, и те так неумело пытаются ей сопереживать, что того гляди поругаются друг с другом. А она-то думала, что ее не слушали вчера...

– Прекратите! – остановила их девушка. – Давайте, лучше в карты играть.

– А разве тебе не надоело с нами?

Ольга впервые за последнюю неделю от всей души рассмеялась.

– Мне... надоело!? Да, милые мои, да без вас... без нашего «дурака» я... я давно бы с тоски умерла! Благодаря игре... благодаря вам...– Ольга задумалась. Как бы все объяснить? Да и нужно ли, когда карты уже розданы.

– Козыри – черви! – объявила Любовь Александровна. – Хороший знак! Сплошная любовь впереди!

– Я не против! – усмехнулся Константин Егорович, поглядывая поверх карт.

– Тоже не возражаю! – ответила Любовь Александровна и сделала первый ход.

К удовольствию Ольги старики быстро переключились на игру.

... Карты выпали не очень. В прикупе, как назло, шли то шестерки, то семерки... Ольга прикусила губу в раздумье: « Отбиваться до конца, жертвуя единственным козырем, или..?

– Не жалей! Подумаешь десятка!

Услышала девушка за спиной голос. Настолько знакомый, родной, что она восприняла его как само собой разумеющееся, даже не оглянулась. Однако возразила.

–Жалко!

– А ты рискни! – уверенно подсказывал ей голос.

Ольге безропотно подчинилась. А как же могло быть иначе! Она покрыла противную, данную не в масть, «бабушку» своей козырной десяткой. Услышала «Бито!» Тут же полезла в прикуп. Там ее ждал червовый козырный валет! Ага! Наша взяла!

– Ну, что я говорил! – довольно прошептал все тот же голос...

... И тут! О, Господи! Она ведь сегодня даже не взглянула на пляж!

Ольга вскочила, резко повернулась, и, если бы не Константин Егорович, который подхватил падающего с костылей Вадима, быть бы еще одной беде!

А так... Все обошлось... Вчетвером, парами, играть-то гораздо веселее.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГ

Если бежать трусцой, не делая ускорений, то на один круг уходит 15 минут. За час – четыре круга, но четыре – это слишком. Обычно хватает трех. Пятнадцать минут я трачу на разминку. Итого, на все про все уходит ровно час. Зато никакого брюшка и отличная форма.

Вот бегу и думаю: зачем я это делаю? Мне за шестьдесят. В столь почтенном возрасте пешие прогулки по аллеям парка – терренкур –предел всех предписаний докторов. А я еще и костюмчик шерстяной приобрела и кроссовки, как у молодухи.

Молодежь!.. Который год бегаю по парку, чего только не насмотрелась. Черт побери, завидую! Красивые, свободные, раскованные! Стоять и открыто целоваться? Мы себе такое и в мечтах позволить не могли. А им хоть бы что! Даже не шелохнутся, когда мимо пробегаю. Кто я им? Чокнутая бабуля, бегающая кругами. Они скорее птицы какой-нибудь постесняются, или собаки...

Собаки!.. Точнее, их хозяева. Собаки – они что? Ну, зарычат, максимум обнюхают, по природе своей. Животное – оно и есть животное, их привлекает все, что движется. Хозяева окликнут своего песика и подчеркнуто вежливо скажут:

– Не бойтесь, не укусит!

Столько презрительного холодка, что озноб берет. Невольно ускоряешься, а ритм нарушать нельзя.

Уф, вот и сосенка показалась, значит, половину круга сделала. Я эту сосенку «Малышкой» прозвала. Она покачивается, даже когда ветра нет. Совсем слабенькая, как поздний ребенок. И растет плохо. Что ни бегаю, все в одной поре. Вверх надо тянуться, глупая! Как соседка-березка. Когда я начинала бегать, прутиком уродливым торчала, а сейчас уже берестой белой сияет. Из девочки в девушку превратилась. Красавицей будет!

Денек сегодня хорош! Осенний морозец, и дышится легко.

Ну, вот, накаркала! Дискотека грохочет. Это в физике: сначала видим молнию, потом гром гремит. А в тихом парке – с точностью до наоборот. Сначала слышим грохот из динамиков, а затем уже появляется иномарка.

Не люблю этот ресторанный участок пробегать, но без него не обойтись.

Проехали, слава Богу! И бензин морозцем быстро вверх подняло. А когда сыро, то долго запах не улетучивается. Бывает, и на втором круге еще чувствуется...

Зато «мистер Икс» на аллею никогда не заезжает. Так возле запрещающего знака и стоит. Ну, чуть-чуть иногда летом в тень деревьев спустится, мотор выключит и сидит. Изредка выходит прогуляться, взад-вперед по аллее, но недалеко.

Значит, сегодня вторник, раз «мистер Икс» на месте.

Я три раза в неделю бегаю. По четвергам и субботам его не бывает. А по вторникам, с двух до трех, как часы! Худой, невысокого роста, возраста неопределенного: не молодой, не старый. Мужчины, в отличие от женщин, в такой неопределенности долго пребывать могут.

Интересно, он меня приметил? Сколько раз мимо его пробегала! Я, вроде бы, в спортивном костюмчике еще даже очень ничего. Смотрюсь! Нет, ему не до меня. Уж больно лицо всегда отрешенное. Похоже, ничего не видит и не замечает. Только нервно на вход в парк поглядывает.

Если со стороны города на парк глянуть, то видишь деревья и аллею. И никакого удивления не возникает. В городе

должны быть парки. Это также естественно, как дома и машины. А вот когда из парка на город смотришь, то удивлению нет предела! Из понятной и ясной природы, город воспринимается, как нечто чуждое... И мне туда не хочется. До того не хочется, что я пробовала даже это место миновать, через газоны по тропинке на другую аллею выскакивать. Но вскоре поняла, что без столкновения с городом чего-то не хватает. Как бы не от кого бежать! Две «девятиэтажки», гаражи, грохот проезжающих автомобилей, визг тормозов – повернулась спиной, и все осталось позади! Городской гул все тише и тише, а воздух все чище и чище...

Второй круг я всегда бегу быстрее, чем первый и третий. Конечно, не так быстро, как эти двое парней в красных трусах и майках. Обогнали меня. Лица сосредоточенные, пар от тел валит. Молча бегут. Красиво. Я за ними невольно прибавила, да вовремя спохватилась. Куда уж мне!

А эта скамейка никогда не бывает пустой! На моем маршруте –их пять, давно сосчитала. И только на этой всегда кто-нибудь сидит. Мне кажется, бегала бы я ночью, и тогда на ней кто-то бы находился. Бомж спал бы... А ведь другие скамейки не хуже, и такие же уютные, и в тени, и покрашены. Притяжение у нее что ли? Вот нас три подруги, только у Зинаиды всегда кто-нибудь да есть, как у скамьи этой... Странное сравнение? Зина на скамью не похожа вовсе, но ведь не так уж хороша...

Два плюгавеньких мужичонка, занявшие скамью сегодня, тоже само собой далеко не красавцы. Василич неподалеку расположился. Российский интеллигент в третьем поколении. Делает вид, что читает газету. Эдак задумчиво стоит, прислонившись к дереву. Не мешает пришлым людям освобождать пивную тару. А вон и его авоська с пустыми бутылками. Урожайный у него денек, несмотря на то, что сегодня вторник, а не суббота.

Вторник. Почему «мистер Икс» приезжает только по вторникам? И когда это началось? Не помню! Мне кажется, он все время был на этом месте, просто я его не замечала. С год-то уж точно. Посидит-посидит, а ровно в три уезжает. И так каждый вторник, в любую погоду. Я и зимой бегаю. Аллеи расчищают, отчего не пробежаться? Зимой даже лучше

дышится, но до зимы еще далеко. Осень только подразнила первым морозцем. И свитер новый я еще успею довязать. А шапочку и рукавички – к следующему сезону свяжу. Эту зиму в старых пробегаю. В нашем возрасте всегда нужно что-то оставлять на будущее, чтобы его можно было ожидать. Большое уже планировать ни к чему, а малое – обязательно. В этом и вся прелесть. Целый год можно жить и ничего не бояться.

И «мистер Икс» кого-то ожидает. Но я ни разу ее не видела! Она не приходит, а он все ждет. Он все ждет, а она не приходит. Он ее ждет, а она не идет...

Уф! Устала! Надо чуть сбавить темп. Я уже не молодая, не те годы, увы...

А она, наверное, молодая, вот и капризничает. У нее свои дела, заботы, увлечения. Ей не до него. Напрасно он ждет!

Упрямый... В машину залез погреться. Глаза у него грустные и добрые. Он симпатичный и вовсе не жалкий. Когда из машины выходит – походка уверенная, спокойная. И одет прилично. Модное черное пальто ему идет. Роста добавляет. Я бы на его месте еще и шляпу надела. Но он даже зимой без головного убора приезжает. А зачем им, современным, теплые одежды? В машинах и офисах – не холодно. А больше они нигде и не бывают. Волосы у него так себе. Если бы не седина, то вообще никакие. Седина его украшает...

... А меня когда-то ранняя седина испугала. Десять лет между нами пропастью казались. Сейчас-то понимаю, что ни десять, ни двадцать, а всего лишь три года между нами пролегало. Три года до моего взросления и все! Дальше уже никакой разницы не существовало бы... Как он меня уговаривал, как ждал, как любил. Но я, дурЕха, не понимала, что не только у него, но и у меня время считанное. И, само собой, ждала не простого смертного, а «принца». Счастье далекое всегда заманчивее близкого...

... На площадку перед парком вылетел автомобиль и притормозил возле развилки. Из него вышла молодая женщина. Красивая и веселая. Хлопнула дверцей, и машина тут же умчалась, нырнула в городской поток. Женщина поправила плащ, шарфик. Вмиг преобразилась в строгую и деловую,

и также быстро растворилась в толпе на автобусной остановке... «Тайные любовники». Я давно их приметила. Поди, он женат, а она замужем. Раз днем встречаются. И никаких прощальных слов, и ручкой вслед не машут. Как будто и не было ничего, а если чего и было, то не для посторонних глаз. Но как она бывает ослепительно красива и счастлива, когда из машины выскакивает! Дерзкие, опасные мгновения! Ради которых, пожалуй, стоит жить! Даже «мистер Икс» глаза прищурил. Хороша дамочка, ничего не скажешь!

... А мне третий круг бежать!

Осень чем удивительна? Редким солнцем. Но если уж оно появляется, то чудеса творит. Капля тумана на паутинке внезапной искоркой вспыхнет, желтый лист красным загаром покроется, трава увядшая вдруг зеленый росток даст... Волшебство, да и только.

Я, наверное, установила олимпийский рекорд! Сама удивляюсь, как быстро пробежала мимо скамейки с мужичками, парочки влюбленных, сосенки «Малышки». За какие-то мгновения круг сделала!

Бывает такое, редко, но бывает. Вот, допустим, идешь привычным, каждодневным маршрутом, в магазин или на почту за пенсией. Дороги обычно минут на десять. Но иногда возникают особые состояния, когда время словно останавливается. Идешь-бредешь, и почту видишь, а все никак не дойти. Наконец, доберешься, на часы посмотришь – те же десять минут на дорогу затратила. А самой показалось, что целый час шла. А иногда бывает и наоборот. Только из дома выскочила, смотришь – уже в очереди за пенсией стоишь. И опять те же десять минут шла, только на сей раз они мгновением проскочили... Говорят, такое искривление времени переживают только старики и дети...

А вот у «мистера Икс» время нынче остановилось. Не уехал. Хотя нет: без десяти три. Выходит, я на самом деле сегодня бегаю бодрее, чем обычно.

А что! Не сделать ли мне еще кружочек. Погода позволяет, да и чувствую себя прекрасно. Рискнуть на четвертый круг, а?

.. .Вот бегу и себя ругаю. Зачем мне этот марафон сдался?! К чему такие подвиги?! Никогда я этот четвертый круг

не бегала! Никогда! И что меня, дуру старую, потянуло! Ради чего!?

Надо же, и скамейка пустая!? Так и манит присесть, дух перевести. Нет, голубушка, не соблазнишь!

– Варвара Никитична, угощайтесь!

Это Василич мне бумажный стаканчик протягивает. –

– Не брезгуй! Все чистое. Кто-то пакет забыл. Я открыл, думал, выпивка, а там вот... кока-кола. Взбодрись!

Я притормозила. Кстати пришлось угощение. Василич – он добрый, безобидный. Мы иногда даже болтаем о том о сем. Умница и разговаривать с ним интересно, а вот жить... Какой-то он неприспособленный, бестолковый... Спасибо, конечно, за заботу... Видела как на олимпийский играх такие стаканчики спортсменам протягивают, они их на ходу осушают и дальше бегут. А я сегодня тоже на рекорд иду! У меня своя олимпиада.

... Варвара Никитична! Варвара Никитична! Сколько лет уже для всех я Варвара Никитична. А когда-то давным-давно меня звали просто Варенька...

Да-а... Скорее всего Варенька четвертый круг и не побежала бы, не решилась... А если бы и решилась, то махом бы промчалась, и ничего бы ее в пути не остановило. Зачем по сторонам смотреть, когда все впереди...

А Варваре Никитичне терять нечего, можно и четвертый круг бежать, можно и передохнуть...

Вот оно, оказывается, что! Это какой же паразит « Малышку» проволокой у корня перетянул?! А я-то и не замечала раньше! Сочинила сказочку про сосенку-малютку. А все оказалось гораздо проще. Проволока даже в ствол въелась, вот и не росла, бедная! И открутить-то несложно, и силы-то особой не потребовалось...

А как легко теперь бежать! Нет, как здорово! Второе дыхание открылось. Какое уж там второе – третье или даже четвертое! Попадись мне сейчас эти парни-спортсмены, я бы их сделала! Как «Мерседес» «Запорожец»! Любимое выраженьице Зинкиного внука. А для меня все машины делятся на «наши» и иномарки.

«Наши» ездят медленно, а иномарки быстро. Хотя куда спешить? Неужто ресторан закроется?! Ух, еле увернулась...

Теперь выхожу на финишную прямую! Есть рекорд! Есть четвертый круг! Ура!

.. .Надо же, «мистер Икс» на месте! Это что же я, за десять минут круг промчалась!? Нет, пять минут четвертого...

Ой, а рядом с ним она! Пришла... Красивая, стройная, молодая... Стоят, за руки держатся. А как смотрят друг на друга, как смотрят!.. Еще бы! Целую вечность не виделись. Что у них произошло? Откуда появилась беда-разлука? Много у нее путей и все – злые...

А теперь, выходит, женщина одумалась и вернулась. Наконец-то решилась! Значит насовсем, значит навсегда... Дай то Бог... Счастливая! За таким не пропадет! Я-то уж точно знаю... Любить и так ждать годами может только сильный мужчина...

Она к нему прижалась, и оба молчат... Пронзительная тишина! Только мое сердечко расшумелось: тук-тук! Ишь, колотится, глупое! Где ты раньше-то было...

Эх, жаль, больше «мистера Икс» я не увижу... Привыкла к нему. А, может, это и не только привычка?

.. .И все же я сегодня молодец! Еще неизвестно, если бы я четвертый круг не побежала, как бы все обернулось...

Нина СМИРНОВА

«ГДЕ-ТО ВДАЛИ ОГОНЬКИ..»

Исповедь

Когда тобою верховодит суета,
Не посещай божественного храма.
Скороговоркою молитва так пуста –
Что не спасет от горести и срама.

Никто тебе не вправе запретить
Раскаянья и трепета причастья.
Надейся, верь – Всевышний все простит,
И обретешь ты истинное счастье.

И вот пришло то светлое число —
Как благостны молитвенные речи!..
И преклоняю я свое чело
За эту радость выстраданной встречи!

1990, 2000 г.

* * *

Русь моя! Поле мое синеокое!
Лес, окаймляющий даль...
Гордый мой предок, по-местному окая,
Мне эту ширь передал.

Как же мне вас не любить,
да не нежиться
В этих бескрайних лугах, —
Мягкая травушка под ноги стелется —
Вот он — российский размах!

В лес загляну — и грибов нааукаю,
Ягод — ведро соберу...
Удочку — в речку, и буду со щукою —
Значит, с ухой ввечеру...

Как же мне вас не любить, мои ласточки,
Пенки, стрижи, глухари!
Как потрясающе кружатся бабочки
В тающих всплесках зари!

Как потрясающе всходят над городом
Где-то вдали огоньки,
И зажигается золотом, золотом
Храм расписной у реки!..

И замирает моя волоокая
Необъяснимая даль... —
Гордый мой предок, по-местному окая,
Мне эту ширь передал.

28 ноября 2005 г.

Ноша

Спивается Россия.
С образами
Я б вышла душу русскую спасти —
Не отмолить грехов и со слезами,
И горько ношу тяжкую нести.

И в праздник — стопка,
и при встрече — рюмка,
И за удачу —
маленький фуршет...
Банкет,
прощанье,
презентаций уйма —
О, сколько за столом сгорело лет...

О, сколько оказавшихся «в ударе»
Кулак пускают в ход, а то и нож,
И в пьяном, необузданном угаре
Кричат: «Меня так просто не возьмешь!»

И ползают на содранных коленях
В попытках снова личность обрести...
О, как тебе, больное поколенье,
Помочь себя от глупости спасти?

Россия, почерневшая от пьянства,
Свободу разменяла на разгул
И вот торгует собственным пространством,
Как телом проститутка, —
за деньгу!
Опомнись!
Неужели не устала
Ты ношу эту тяжкую нести?..
Ты с ложного сошла бы пьедестала, —
Наметила бы верные пути...
Так неужели мы и с образами

Не сможем Русь
от пьянства оградить —
И верой,
и молитвой,
и слезами
Родную душу к жизни
Возродить?!

Да, пили на России сотни лет, —
За тот угар —
и мне прощенья нет...

10-11 августа 1995 г.

* * *

Как тонко чувствуем мы собственные беды,
Когда трепещет на ветру сквозная боль...
Не отличаем пораженья
от победы —
И в кровь сдираем затвердевшую мозоль.

И — в немоту,
и — в дерзкий крик,
и — в отрицанье
Своих же собственных пороков роковых...
Когда за болью распознаем испытанье,
Слова — поддых!

А мысли кружатся,
бессонницу сплетая
Из полукружий
обнаженных стылых фраз,
И только боль своя
никак не позволяет
Переступить через себя
на этот раз...

3 октября 2006 г.

* * *

Не заставляй, душа, меня жалеть
Фальшивых дней минутные восторги,
Я все равно не в силах одолеть
Действительности мерной
привкус горький.

Меня гнетут порядки всей Земли,
Где места нет для временных отдушин,
Где люди все ладони обожгли
О собственные пламенные души..

О люди! Почерневшая земля
От горя, крови, пота, слез и боли
К вам простирает все еще поля
И дарит во спасенье
чувство воли...

И — пламень для чуть тлеющих сердец,
Чтоб заново гореть, себя спасая,
Чтобы не стать когортою овец,
Во всем чужим уставам потакая...

24 августа 1999 г.

Рулетка

Луна сквозь облаков туманы
На храм направила свой взор —
Блеск фонарей, реклам, желаний...
И блеск луны — немой укор.

Жеманно крутится рулетка —
И блеск в глазах, и стук сердец,
И жар купюр,
как в жар — таблетка,
Потешит душу наконец...

И, жадно выигрыш считая,
Делец с ухмылкой вековой
Забудет, что земля святая
Его зовет с душой живой,

Что он, проигрывая душу
И заливая боль вином,
Быть может, завтра сядет в лужу,
Поставив на кон мать и дом...

Потратив все мужские силы
На развлечения и гнев...
Взгляни — ка: на кону Россия, —
Во тьму несется, захмелев...

И, разрывая мрак туманов,
Луна насмешливо глядит,
Как мир желаний и обманов
За черным призраком летит.

Еще рулетка — круг за кругом —
Вершит кружение свое,
Но гаснут души — друг за другом
И наготове воронье...

И плачут дети в колыбелях,
И стонет ветер по ночам,
И тяжко на родимых землях
Российским горестным очам...

И лишь луна взирает строго
На этот хаос и бедлам
И заклинает вспомнить Бога
И душ своих очистить Храм.

21 марта 2005 г.

Татьяна ЖУР

ДЕВЧАТА

На обороте фотографии дата – 10 июня 1945 года. Три молодые девушки на ступеньках здания «под старину»: высокая каменная лестница, стройные колонны, между которыми низкие перильца с резными «балясинами» – тоже каменными. Рядом с парадной лестницей – низенький штакетник палисада. Около него и «сгруппировалась» троица, мило улыбаясь фотографу, который согласился запечатлеть подруг на память, потому что настало время разлуки... Одна из девушек – Катя Стогний.

Екатерина Афанасьевна Вересова (это она) встретила войну восемнадцатилетней в Севастополе, где жила в новой семье отца (Катина мама умерла во время голода на Украине: там «родовые корни» семьи Стогний). На снимке вместе с Катей запечатлены ее подруги Таня и Нина, приехавшие из разных мест. Война объединила судьбы девчат, сведя на железнодорожной станции Ворцыхи, что недалеко от грузинского города Кутаиси: здесь находился артиллерийский боевой склад Черноморского флота, а при нем – мастерские, где и работали эти девушки как наемные гражданские лица.

Занимались девчата по нынешним меркам самой что ни на есть мужской работой: изготовляли снаряды. Да кто ж тогда, в войну, делил эту работу на мужскую и женскую? С восьми утра и до восьми вечера стояли у конвейера, поочередно выполняя «производственные операции», а в итоге в деревянные ящики ложились снаряды, которые в вагонах отправлялись строго по назначению – на корабли Черноморского флота.

Ящики с «патронами» (при готовности партии) грузили в вагоны те же девушки после смены: возвращались только к утру, час на отдых и опять в мастерские на конвейер.

Кате Стогний, выпускнице севастопольского ФЗУ при штабе Черноморского флота, иметь дело «с железками» приходилось и ранее: ремонтировала орудия в артиллерийских мастерских г. Севастополя (часто командировали на корабли – линкоры, эсминцы). Так что обстановка мастерских артиллерийского боевого склада оказалась привычной.

Здесь, на старой фотографии, девушки – в выходных платьях. «Наряды» сшиты «на заказ» из обыкновенных простыней и украшены полосками из синей ткани. Платья у всех одинаковые, как одинаков отрезок судьбы длиною в долгие четыре года. Уже месяц прошел с того дня, когда в разгар рабочей смены в мастерские вбежал немного растерянный молоденький лейтенант: лязг конвейера и грохот железа заглушил его радостный крик: «Девчата! Война кончилась!». Откуда берутся непрошенные слезы? Какие чувства могут заставить литься их потоком? Наверное, радость, замешанная на горечи... Плакал «весь конвейер»: девчата обнимали друг друга – это был праздник, общий для всех. Потом, как и положено, был митинг, который провел начальник склада полковник Волков. На нем выступила и секретарь комсомольской организации Катя Стогний.

На лицах девушек на старом фото отсвет праздника: они светлы и спокойны, потому что на землю пришел мир. Через считанные дни поступит приказ –сниматься в Севастополь! Ну а пока, последние дни на этой ставшей частицей жизни маленькой железнодорожной станции. Она по-прежнему наводнена военными, которые несут боевое дежурство, охраняя боезапас. Одного из них и упросили девчата сделать фото на память. Здание, на крыльце которого «позируют» девушки, – это контора винного завода, что был по соседству с мастерскими.

По возвращении в Севастополь девушки еще некоторое время будут работать в тех же мастерских. А потом разъедутся и никогда больше не встретятся. У каждой будет своя судьба.

Катя Стогний вскоре станет Катей Вересовой, поскольку выйдет замуж за старшину секретной части Черноморского флота Николая Вересова. Молодожены уедут в далекий Выборг. В семье родятся дочь и сын. А через 20 лет Вересовы окажутся в Волгореченске и Екатерине Афанасьевне, сменившей несколько мест работы, посчастливится устроиться на Костромскую ГРЭС кладовщицей ЦЦР: здесь она проработает до самой пенсии и заслужит звание ветерана труда. Два года назад Екатерина Афанасьевна похоронила мужа. Но она не одинока. Рядом дочь, сын и их семьи. Сегодня

светловолосой, круглолицей девушке с фотографии девятый десяток лет. Она кавалер двух орденов Отечественной войны второй степени, имеет медали «За победу над Германией» и «За оборону Кавказа». Глядя на старую фотографию военной поры, Екатерина Афанасьевна мысленно переносится на далекую железнодорожную станцию Ворцыхи – туда, где она со своими подругами Таней и Ниной встретила великий день Победы, и чувствует, как радостно вздрагивает сердце...

В ЛАДУ СО СВОЕЙ СУДЬБОЙ...

В Волгореченске Анну Алексеевну Ведом знали многие. Как участницу войны. Как приветливого и неуемного человека. Как радушную хозяйку.

Мне не удалось поговорить с ней. На пороге встретила дочь Анны Алексеевны Юлия Михайловна и правнучка Оленька. На журнальном столике – высокая стопа фотоальбомов, в которых запечатлена большая и совсем не простая жизнь. Родилась Анна Алексеевна в Поназыревском районе Костромской области. Родители – Алексей Петрович и Ольга Сергеевна Малинины – слыли зажиточными. Имели свой конный завод и валяльную фабрику, на которой валяли валенки. А еще был у Алексея Петровича талант от Бога – ставить красивые и крепкие дома. Ольга Сергеевна слыла рукодельницей – что сшить, что вышить – на загляденье. В семье было четверо детей: кроме Аннушки, еще трое дочерей и один сын. Всех детей родители сызмальства приучали к труду. Когда началась коллективизация, на хозяев-единоличников стали поглядывать косо. Только чудом Малинины не попали под раскулачивание: в сельсовете оказался хороший знакомый. Однако с насиженного места пришлось срываться: жизни в родной деревне не стало. И подались Малинины в недавно образованный в районе леспромхоз, в поселок с красивым названием Полдневица. Здесь-то и пригодилось умение Алексея Петровича строить дома. Почитай, для половины леспромхозовских рабочих трудолюбивый мастеровой сладил крепкие дома. И для себя, конечно, тоже.

Для Аннушки Полдневица стала второй родиной. С ней будут связаны многие годы не только предвоенной, но и послевоенной жизни.

В юности самую глубокую отметину в памяти оставила война. На фронт Аннушка попала в апреле 1942 года, к тому времени ей только исполнился 21 год.

Служила в 45-м зенитно-прожекторном полку. Полк был, в основном, женский. Его боевая задача заключалась в том, чтобы не пропустить через свои позиции ни один вражеский самолет. Аннушка была связисткой. Работала вдвоем с подругой. Связь чаще приходилось налаживать ночью. Работали почти каждую ночь. В любую погоду. А передвигались ползком – грязь ли, слякоть ли снежная. Чтобы перебросить связь, карабкались на столбы, рискуя стать мишенью для снайпера. К тому же полк постоянно бомбили, поскольку находился он от фронта всегда «в двух шагах». Позиции полк менял часто, и девчонки-связистки при каждой передислокации снимали шесть километров связи (12 катушек кабеля). Все это хозяйство да еще вещмешок, оружие и противогаз тащили на себе. Ноги стирали до такой степени, что в сапогах была кровь. Как смогли превозмочь? Откуда брались силы?

День, когда узнала о конце войны, Аннушке запомнился на всю оставшуюся жизнь. Стояла на посту «под грибком». И вдруг телефонный звонок – война закончилась! Бросилась в землянку, растормошила девчонок. Вопли радости перемежались со слезами: это, действительно, была радость со слезами на глазах. В тот миг казалось, что самое ужасное осталось позади. Наверное, понимание того, что страшнее войны ничего уже быть не может, и помогло впоследствии стоически преодолевать жизненные испытания, которые выпали на долю уже в послевоенное время.

После войны Аннушка вышла замуж. Михаил Ведом – родом из Эстонии. Родители Михаила – эстонцы – оказались в костромской глубинке, в Поназыревском районе, в годы раскулачивания.

Михаил некоторое время после войны служил в воинской части, расквартированной в Каунасе: был водителем при «высоком военном чине». Выйдя замуж, Аннушка некоторое

время жила с мужем в Каунасе. Здесь родился ее первенец – сын Володя.

В 1952 году молодые переехали в Полдневицу. Отец Аннушки построил для них дом – рубленый «пятистенок»: с высоким, в человеческий рост подполом, с окнами в резных наличниках. Аннушка стала работать начальником почтового отделения связи. Через три года после Володи родилась дочь Юля. Михаил часто и подолгу находился в отлучках: ездил на заработки. Аннушка оставалась с детьми, На ней были дом, хозяйство: корова, телушка, куры, под 20 соток земли. Однажды, когда Михаил был в очередной отлучке, Аннушка, хлопотавшая у печи, оступилась, а позади нее был открыт люк в подпол. Она даже испугаться не успела, очнулась в подполье от дикой боли в спине: оказался поврежден позвоночник. Потом были неподвижность, невыносимые боли и инвалидность. Михаил после случившегося несчастья вернулся домой, стал работать водителем сначала на самосвале, потом на лесовозе. В домашних делах помогали старики-родители и дети.

Здоровье возвращалось медленно. И только вроде Аннушка стала отходить от пережитого, как выпало на ее долю новое испытание – развод с мужем, с которым прожили более 20 лет. Привыкший жить «на вольных хлебах», Михаил пристрастился к «горькой». После развода он уехал в Ставропольский край. Осталась Аннушка с детьми. Не привыкать ей было взваливать ношу на свои плечи. Сетовать на судьбу времени не было.

Старший сын Володя после десятого класса ушел в армию. Юлия Михайловна вспоминает, как однажды она, будучи подростком, поехала с матерью на сенокос. Делянка была дальняя. Подбросить до места попросили водителя лесовоза. За делом не заметили, как стемнело. Лесовозы уже закончили свою работу и уехали. Как добираться до дома?

–Пойдем пешком, я знаю короткий путь, – сказала мать.

Пошли и заблудились. Долго блуждали в темном лесу.

– Мне было страшно, – рассказывает о том случае Юлия Михайловна, – но я помню, что моя мать ни на минуту не теряла присутствия духа.

Плутали до утра. Только когда рассвело, вышли к железной дороге и поняли, где находятся.

– Помню, я села на рельсы, – говорит Юлия Михайловна, – и жалобно произнесла: «Я не могу идти». А мама ободряюще посмотрела на меня и, стараясь не показать своей усталости, сказала: «Надо идти, дочка...»

У нее, у своей матери, она многому научилась, и прежде всего – умению не хныкать, когда встречаешься с трудностями. Она стала для матери первой помощницей и смело оставалась на хозяйстве одна, когда Анна Алексеевна, устроившись работать проводницей, а потом поездным кассиром, уходила на работу на сутки через сутки.

Брат Володя к тому времени после армии поступил учиться в Ульяновское высшее военное училище связи. Он стал военным. Служил в Казахстане, Монголии, Германии, в Ставрополье. Владимир Михайлович Ведом умер от сердечного приступа, и его смерть стала для Анны Алексеевны Ведом еще одним серьезным испытанием.

Юля уехала из Полдневицы после восьмого класса, поступив учиться в Липецкий совхоз-техникум «Агроном» на агронома, по окончании – вслед за матерью переехала в Волгореченск, где обзавелась своей семьей. Анна Алексеевна Ведом приехала в Волгореченск в 1971 году. Работать устроилась в КБО фотографом, позже перешла на Костромскую ГРЭС – в ЖКО. Помимо основной работы, самозабвенно отдавалась общественной: играла в народном театре-студии, поддерживала переписку со своими однополчанами, организовывала встречи с ними и ездила на эти встречи. Уйдя на пенсию, стала активисткой в ветеранских организациях города и Костромской ГРЭС, в городской организации общества инвалидов, Долгое время пела в хоре ветеранов, не раз в составе хора участвовала в областных смотрах художественной самодеятельности. В ее маленькой уютной квартирке очень часто бывали учащиеся школ и ПТУ, ведя за чашечкой ароматного чая «на травах» беседы «за жизнь». До болезни она всегда была «на виду» –аккуратная, подтянутая, улыбающаяся, словно стараясь видом своим, жизнью своей доказать, что всегда можно быть в ладу со своею судьбою…

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Павел МЕЛЬНИКОВ

ВРЕМЯ ЖИТЬ

Июнь

Светлояр. Светозар. Разноцвет.
Так июнь называют в народе...
Соберите любимой букет
На полях, на лугах, в огороде,

Подарите любимой букет
(Ей подарка дороже не надо) —
Свет души, лета ласковый свет
Вместе слитые — ваша награда.

Расскажите подруге своей
О туманах, о росах медвяных,
Как на юге скучал соловей
О цветущих духмяных полянах.

Ведь не зря весь июнь напролет,
Но особенно жарко ночами,
Он о радости жизни поет,
Заставляя забыть о печали.

Соберите любимой букет —
С наслажденьем, желаньем, терпеньем
Подарите любимой рассвет,
Соловьиным расцвеченный пеньем.

Июль

Липень. Страдник. Сенозарник.
Лета красного макушка,
Земляничная, грибная,
Сенокосная пора.
Соловьи свое пропели,
Не слышна в лесу кукушка,
Беспокойные рассветы,
Грозовые вечера.

Пахнет сеном, пахнет медом,
Земляникой пахнет спелой.
Впереди еще пол—лета
И полжизни про запас...
Вся в цвету на взгорке липа,
А у лады в блузке белой
Чуть ресницами притушен
Жаркий блеск лукавых глаз.

Мир, как в юности, прекрасен,
Мир, как в юности, огромен,
Жизни каждая минута,
Как подруга, дорога.
Мир прекрасен и огромен;
Только жизнь — на переломе,
Только скошены цветочки
И уложены в стога...

Август

Серпень. Жнивень. Хлебосол.
Лета с осенью граница.
Потихоньку, полегоньку
Выдыхается тепло.
По ночам в грозу играют
Безобидные зарницы,
Без луны в бездонном небе
От бессчетных звезд светло.
Все длинней дорога солнца
От заката до восхода.
Обложных дождей хватает,
Только им никто не рад:
Собираем урожаи
На полях и огородах,
Пополняем урожаи
Всем, чем нынче лес богат.

Мы — в работе до заката,
Нам не спится до рассвета:
Подрасти успели дети —
И заботы подросли.
И приходит незаметно
Молодое бабье лето,
И готовятся к отлету
В дальнем поле журавли...

Ссентябрь

Вересень. Неспешные рассветы.
Неохотно тающий туман...
Чье—то гореванье — бабье лето,
Для кого—то — сладостный дурман.

Ни ночной порой, ни утром ранним
Переклички птичьи не слышны.
Желтым, красным, палевым, багряным
Мы со всех сторон окружены...

Разукрашен лес перед прощаньем:
Скоро, рассекая синеву,
Листья с тихим шорохом—шуршаньем
Упадут на жесткую траву.

Ни обид, ни боли, ни страданья,
Ни намека, что чего—то жаль —
Только тонкий запах увяданья,
Светлая недолгая печаль...

Вянут небеса. Трава повяла.
В зябкой речке высветилось дно...
Если счастье летом миновало,
Может, в бабье встретится оно?..

НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ…

(Реализация национальной политики в Костромской области – залог стабильности развития региона.)

Россия всегда была страной множества самобытных национальных культур и верований, соединяла и соединяет народы Европы и Азии, христианство, ислам, буддизм, иудаизм. Именно это позволило нам создать и многонациональное государство, и уникальную культуру, и в этом – богатство и духовная сила России.

Российская Федерация является многонациональным государством. Поэтому одной из основополагающих составляющих внутренней политики является создание условий для свободного национально-культурного развития всех народов Российской Федерации.

Основные аспекты осуществления политики в сфере межнациональных отношений определены Конституцией Российской Федерации, Федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ и Костромской области.

Нормативная база по реализации государственной политики в сфере межнациональных отношений направлена, прежде всего, на сохранение единства и целостности нашего Российского государства. При этом государственная политика в сфере межнациональных отношений должна основываться на принципах сохранения исторически сложившегося единства, равенства прав и свобод всех российских народов, свободы совести и вероисповедания, формирования единой российской общности.

Мы с вами живем и работаем в родном Костромском крае. Издревле на этой земле проживают дружно многие народы, каждый из которых имеет свою культуру. Многонациональна Костромская область и в то же время – единая часть великой России.

Вопросам гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений уделялось и уделяется особое внимание всех уровней власти, как в Российской Федерации, так и в нашем регионе.

В Костромской области субъектами реализации государственной политики в сфере межнациональных отношений

являются областные органы государственной власти, органы самоуправления муниципальных образований, национальные общественные объединения, религиозные организации и казачьи общества. Основной формой работы по реализации национальной политики на протяжении более 10 лет является Совет по делам национальностей.

На заседаниях Совета рассматриваются разноплановые вопросы: по предупреждению проявления экстремизма и ксенофобии, социальной адаптации мигрантов, правовым основам реализации национальной политики, свободы совести и свободы вероисповедания, сохранению и развитию национальной самобытной культуры народов на Костромской земле. Живо, интересно и эффективно прошло выездное заседание Совета в Костромской синагоге. Члены совета познакомились с проектами, которые реализуют общественные организации евреев, посетили музей, библиотеку, детский сад. Другое запоминающееся заседание прошло в лицее №41 города Костромы, где были рассмотрены следующие вопросы: «Модель «Русская школа» на Костромской земле»; «Воспитательная система образовательного учреждения на основе концепции «Русская школа»; «Отечественная история как фактор формирования национального самосознания учащихся»; «Родная природа как средство гражданско-патриотического воспитания учащихся». В городе Буе члены совета ознакомились с реализацией национальной политики на территории городского округа.

В результате тесного взаимодействия администрации области и национальных общественных объединений появилась еще одна не менее важная форма работы. В 2003 году по инициативе руководителей национальных общественных организаций при поддержке администрации Костромской области был проведен фестиваль национальных культур «Наш дом – Кострома», в котором активно участвовали все общественные организации.

На фестивале была представлена обширная программа, в которую входили выставка предметов быта, национальной литературы, блюд национальной кухни. В концертной программе представлены национальные песни, танцы, стихи, музыкальные композиции. Данное мероприятия имело огромный

общественный резонанс и с тех пор каждый год мы проводим фестиваль, посвященный памятным датам и праздникам.

В 2004 году в рамках фестиваля национальных культур «Наш дом – Кострома» провели праздник национальной кухни, посвященный 60-летию образования Костромской области. Общественные организации представили национальные и региональные обряды и праздники: мусульманское имянаречение, встреча еврейского Нового года, немецкий праздник сбора урожая, русская свадьба и т.д.

В 2005 году в рамках фестиваля состоялся межнациональный концерт, посвященный 60-летию Победы в Великой отечественной войне. В начале мероприятия состоялась церемония вручения государственных наград Российской Федерации и Костромской области, которых были удостоены ветераны Великой Отечественной войны – жители Костромской области, представители различных национальностей. В своих выступлениях с приветственным словом руководители общественных объединений обратили внимание зрителей на участие народов той или иной национальности в войне и вкладе в великую Победу. После этого на сцену выходили самодеятельные артисты, радовали зрителей своими выступлениями.

В 2006 году прошел фестиваль национальных культур «Наш дом – Кострома», организованный в рамках празднования Дня народного единства. В программе фестиваля: возложение делегациями цветов к памятнику Труженикам тыла; выставка предметов быта, изделий народных умельцев, национальных костюмов, государственной символики, а также выставка и дегустация блюд, приготовленных по рецептам национальной кухни; торжественная часть и концерт самодеятельных национальных коллективов и профессиональных артистов.

В 2008 году в фестивале приняли участие наши соседи из Ярославля.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что фестиваль действительно стал традиционным. На мероприятия, проводимые в рамках данного фестиваля, собирается очень много костромичей различных национальностей и вероисповедания. Он сегодня востребован и любим костромичами.

В 2009 году появилась новая форма работы – была проведена Ассамблея народов Костромской области. В ходе заседания участники обсудили «Основные направления реализации государственной политики в сфере межнациональных отношений на территории Костромской области до 2013 года».

В мероприятии приняли участие губернатор И.Н. Слюняев, председатель областной Думы А.И. Бычков, члены Совета по делам национальностей, религий и казачества при администрации Костромской области, представители муниципальных районов и городских округов, национальных общественных объединений и религиозных организаций, Общественной палаты.

В мероприятиях, организованных администрацией области, охотно принимают участие представители национальных общественных объединений. В спортивных мероприятиях, организованных среди общественных объединений, активно участвуют команды дагестанской и еврейской национально-культурных автономий, объединения российских немцев, а команда Татарской национально-культурной автономии на спортивных состязаниях «Дружная семейка», заняла первое место. В результате участия в конкурсе на получение губернаторского гранта реализованы социально значимые проекты: Костромским объединением российских немцев – проект «Научно-этнографическая экспедиция в село Палкино Антроповского района» и Армянской национально-культурной автономией – проект «Создание видеофильма «Мы плывем в одной ладье», Татарской национально-культурной автономией – проект межнациональный праздник «Сабантуй».

Администрация выстраивает национальную политику совместно с управлением внутренних дел, миграционной и паспортно-визовой службами, органами безопасности, регистрационной службой и иными ведомствами.

Особая роль отводится органам местного самоуправления, которые призваны непосредственно выражать интересы жителей и способствовать более гибкому учету национально-культурных запросов и свободы вероисповедания.

При администрациях Костромы, Шарьи, Галича, Нерехты и Нерехтского района созданы и активно действуют

общественные советы. Органы местного самоуправления используют и другие формы работы: «круглые столы», совещания, конференции, индивидуальные встречи. В соответствии с концепцией государственной национальной политики реализуют этнокультурный компонент в системе образования.

В школах всех районов изучают предмет «Истоки», который является региональным компонентом в Базисном учебном плане. Проводятся тематические внеклассные мероприятия, викторины, конференции, День славянской письменности и культуры, организуются кружки..

Органы местного самоуправления проводят работу, направленную на сохранение национальной культуры. Фольклорные, обрядовые праздники, праздники малых деревень, созданы и работают фольклорные коллективы. При учреждениях культуры созданы краеведческие музеи, организованы экспозиции, посвященные национальному костюму, работают кружки традиционных ремесел и декоративно-прикладного творчества.

В Буйском районе ежегодно проводят районные краеведческие чтения «История Буйской земли»; в Нерехте – фестиваль духовой и народной музыки «Русский рожок», А в Костроме открыт Центр национальных культур при библиотеке № 10.

* * *

Основные направления деятельности созданных национальных общественных объединений: возрождение и сохранение языка, развитие национальной культуры, традиций и обычаев народа, укрепление межнациональных связей, дружбы между народами.

Армянская национально-культурная автономия уделяет особое внимание культурным проектам, а также благотворительности и меценатству, направленным не только на представителей своей национальности, но и на социально незащищенные группы костромичей. Работают городской благотворительный Фонд милосердия, Клуб армянских женщин «Гурман». Популярностью среди костромичей пользуется фестиваль армянской культуры.

Общественная организация Костромское объединение российских немцев на регулярной основе проводит занятия

женского клуба, детской воскресной страноведческо-лингвистической школы, молодежного клуба и клуба пенсионеров, работают кружки по изучению немецкого и английского языков. Все это сочетается с организацией национальных праздников, выставок. Традиционным стало проведение летней международной лингвистической смены в загородных лагерях.

На базе Костромской синагоги работают несколько общественных объединений – религиозная община, национально-культурная автономия, различные благотворительные фонды. Эти организации совместно реализуют различные религиозные, образовательные, социальные и благотворительные программы. На постоянной основе работают Воскресная школа, еврейский детский сад, благотворительный центр, музей, библиотека. Яркими и незабываемыми стали Фестиваль еврейской культуры в г. Костроме и празднование 100-летия Костромской синагоги.

Татарская национально-культурная автономия также проводит благотворительную работу (благотворительные обеды для ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла). Традиционное направление в работе автономии – организация и проведение в областном центре концертов с участием артистов Республики Татарстан. В прошлом году был реализован проект по обмену культурными программами кукольных театров Костромы и Казани.

Большое место в деятельности общественной организации «Азербайджанский культурный центр» занимает благотворительная деятельность и помощь малоимущим представителям не только своей национальности, но и другим. Азербайджанский центр часто организует концерты с участием артистов Азербайджана. В прошлом году провели праздничные мероприятия, посвященные Дню солидарности и единства азербайджанцев всего мира и 10-летию организации.

Дагестанская национально-культурная автономия проводит работу по участию в соревнованиях различных уровней, выступает их спонсорами. По решению Совета автономии оказывается правовая, финансовая и материальная помощь малоимущим членам организации, выделялись средства на

строительство новой мечети в Костроме. Среди приоритетов работы: благотворительная помощь детским домам, спонсорская помощь молодежным спортивным обществам.

Общество русско-сербско-черногорской дружбы им. Ф. Чижова уделяет большое внимание укреплению межнациональных связей. При реализации культурных проектов члены организации включают в репертуар артистов произведения различных национальных авторов. Укрепляются связи с городами-побратимами.

«Костромское узбекское землячество» оказывает помощь соотечественникам в адаптации на новом месте, поддерживает малоимущих представителей узбекской национальности. Ярким и незабываемым для костромичей мероприятием стал праздник «Восточное шоу».

В реализации национальной политики на территории области участвует областная общественная организация «Многонациональная Кострома». Организация издает культурно-просветительскую и общественно-политическую газету «Дети разных народов», в которой освещаются общественные, политические, экономические и культурные аспекты жизни людей разных национальностей, проживающих на Костромской земле. Проведен фестиваль «Дети разных народов – дети одной семьи» с участием профессионального народного танцевального коллектива Абхазии. Состоялся яркий праздник – дни Азербайджана в Костроме, в рамках которого была организована национальная кухня, концертная программа с участием профессиональных артистов Азербайджана, спортивные соревнования по национальным видам спорта.

В реализацию мероприятий по гармонизации межнациональных отношений активно включились члены Костромского казачьего общества. Участие в выставках, концертах, «круглых столах» стало неотъемлемой частью их деятельности.

Проводя совместную работу, мы добились межнациональной стабильности на территории Костромской области. Наш регион, словно добрый справедливый дом для всех, является одним из самых благополучных регионов России.

Надежда Филиппова,
начальник отдела общественных связей
областной администрации

Елена БАЛАШОВА

СТАРЫЕ ПИСЬМА

… Люди писали друг другу самые разнообразные письма: родственные, дружеские, любовные, деловые... Письмо – это целое искусство – эпистолярное искусство (эпистола-письмо). Какое счастье, что люди с давних времен умели писать и хранить письма! Ведь через письма мы можем лучше ощутить и понять ту или иную эпоху, почувствовать ее живое дыхание. И берестяные грамоты, которые посылал своей возлюбленной новгородец, и драгоценные для русского сердца письма А.С.Пушкина к жене, и письма с фронта наших дедов и отцов – все это неоценимые сокровища, дающие нам возможность хотя бы чуть-чуть соприкоснуться с тем временем, когда они были написаны.

А с каким трепетом берешь в руки письма близких, ушедших в мир иной, но оставивших свидетельства своего бытия рядом с нами! Перечитывая старые письма, словно возвращаешься душою в минувшее, которое нам столь бесконечно дорого тем, что в нем жили эти близкие люди, которые любили нас и которых любили мы. Листая пожелтевшие ветхие странички, потертые на сгибах, мы восстанавливаем связь с ушедшими, храним в памяти их дорогие черты.

Невозможно даже представить себе, что не сохранились бы письма, например, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Есенина, Цветаевой... Список этот, слава Богу, можно продолжать и продолжать.

Однажды мне посчастливилось побывать в музее С.А. Есенина в Москве. Я долго ходила, всматриваясь в черновики его стихов, в его письма, среди которых, как сказала сотрудница музея, есть один подлинник письма. К сожалению, как известно, во многих музеях исчезают бесценные подлинники, и теперь автографы в экспозициях почти не выставляются, а хранятся в более надежных специальных хранилищах, и нам приходится довольствоваться лишь копиями, пусть и тщательно исполненными.

Долго ходила я по музею, пытаясь обнаружить подлинный текст письма. Уже сам факт его присутствия по-особому

волновал меня и заставлял внимательно приглядываться к каждому автографу. Уверена, что не было бы подлинника среди копий, и мне не было бы в музее столь интересно.

Уже после смерти моих родителей в одной из книг я обнаружила письмо-записку, написанную маминой рукой на каком-то обрывке листа (видимо, не было иной бумаги под рукой). В этой записке мама писала папе о моем рождении, сообщала подробности и указывала даже точное время рождения. Как можно понять, записка написана из больницы, куда папу не пропустили. Мама просит принести немного сливочного масла, т.к. в больнице кормят, видимо, не слишком хорошо, и уверяет, что скоро ее выпишут.

С каким волнением держу я в руках теперь эту записку, – через годы и годы давшую мне возможность ощутить живую связь времен.

Сейчас иногда думается о том, что, пожалуй, почтовый ящик, изобретенный в свое время английским писателем Энтони Троллоном, написавшим, кстати, сорок семь романов, уйдет в не слишком отдаленном будущем в небытие. И вместе с ним, если это вдруг все же произойдет, уйдет в небытие целая эпоха человечества, в которой люди писали письма друг другу. Все чаще и чаще вместо того, чтобы написать письмо, человек берет в руки телефонную трубку. Но ведь когда мы пишем письмо, мы беседуем мысленно с адресатом, представляем, как он будет это письмо читать, сопереживаем, радуемся чему-то, огорчаемся... А когда мы говорим по телефону, что оставляем мы своим потомкам? В лучшем случае, счет за оплату разговора. И не будут же наши внуки и правнуки хранить какие-нибудь бабушкины СМС-ки и перечитывать их, как можно перечитать старое письмо. Вот письмо из только что освобожденного Ленинграда: «Дорогая Оля! Спешу вам сообщить, что блокада полностью снята...» Письмо адресовано моей бабушке, а пишет ей ее тетя Вера, у которой бабушка воспитывалась, и которая всю блокаду пережила в Ленинграде. Я пытаюсь представить, как совсем еще молодая моя бабушка держала вот этот самый листочек, исписанный крупным почерком, на деревенской почте в Муравьище, где тогда она жила вместе с папой. Как, должно быть, обрадовалась она этой весточке! И, наверное, сразу же написала ответ....

Семейные архивы. Что в них хранят? Хранят люди, конечно, самое разное; но старые письма из семейного архива – бесценное сокровище, которому равных нет, потому что они разговаривают с нами. Не выбрасывайте письма, храните их, если вы хотите, чтобы не прерывалась связь поколений, чтобы наши внуки и правнуки могли читать пожелтевшие ветхие листочки своих бабушек и дедушек и сквозь призму времени могли разглядеть своих предков во всех их неповторимых подробностях.

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО

Бинокль этот подарил когда-то маме муж ее старшей сестры, дядя Миша – морской офицер. Бинокль, конечно, был стареньким, потертым, но все-таки это был настоящий морской бинокль! Когда мама вышла замуж, бинокль самым естественным образом перешел в папино полное владение, а то, что попадало в его руки, прежде всего приводилось в должный порядок, т. е. чинилось, чистилось и т.д., а во-вторых, никогда не валялось, где попало, а лежало, аккуратно завернутое в газету, на строго определенном месте. Местом этим чаще всего была его мастерская (так называлась крохотная комнатушка, почти полностью набитая книгами и всяческими «железками»).

Когда мы впервые увидели бинокль, я, конечно, не запомнила, потому что тогда он оказался абсолютно не нужной вещью в нашем кукольном хозяйстве.

Но шло время, и вот однажды мы попросили папу показать нам бинокль. Возможно, мы услышали о нем в разговоре между родителями и сделали для себя открытие, что, оказывается, у нас есть дома настоящий бинокль! И нам, как и всем детям на свете, стало любопытно, захотелось поскорее увидеть его, а более того – посмотреть в него. Папа, уже хорошо усвоивший для себя, что все, что попадает в наши руки, увы, чаще всего разламывается нами и, за ненадобностью, бросается, где попало, не вдруг и не сразу доставил нам это удовольствие.

Для начала он напомнил о говорящей кукле с закрывающимися глазами, которую родители подарили на день рождения моей старшей сестре Тане, и которую мы весьма

успешно «исследовали» чуть ли не на следующий же день, поскольку нам было страшно интересно узнать, как может говорить кукла? Хотя после проделанной нами «операции», мы и пытались засунуть назад высыпающиеся из кукольного живота опилки и «говорящее» устройство но, увы..! На место все это залезать никак не хотело, и мы оставили сие безнадежное совершенно занятие, как только уяснили, что сломать и разобрать что-либо, оказывается, намного легче, чем починить.

В один голос мы стали уверять папу, что ни за что и никогда не сломаем бинокль. Что, вообще, если так, мы согласны смотреть в него даже из папиных рук, «одним глазком». После долгих-долгих уговоров папа торжественно достал из своей мастерской бинокль и стал развертывать газету, в которую он был тщательно завернут.

Как обычно, первой полагалось смотреть в бинокль, как старшей, Тане. Вообще, надо заметить, что это ее старшинство доставляло мне в детстве немало досады и обид. Я должна была слушаться ее: она старше! Ее брали в Питер: она старше, а я еще мала. Ей позволялось порою то, что не позволялось мне...

Итак, Таня смотрела в бинокль в распахнутое окно, я сидела рядом, а папа что-то подкручивал в бинокле, спрашивая время от времени: «Так – хорошо? А так – лучше?». О, как же нестерпимо хотелось и мне поскорее взглянуть в окуляры бинокля! Что, ну, что же там, наконец, такое?!

Таня воскликнула: «Ой, вон Томка у окна сидит спиной к нам. Наверно, завтракают. Ой! Прямо рядом, совсем-совсем рядышком!».

Дожидаясь своей очереди, я буквально изнемогала, но вот, наконец, бинокль в моих руках, и я жадно прильнула к окулярам. Сначала я увидела нечто размытое, нечеткое, но папа и мне что-то подкрутил, и вот я уже вижу перед собой дом, который находился километрах в полутора от нас. Я совершенно отчетливо увидела, как раскрывается дверь, а из нее выходит дядя Ваня Соколов.

Но это же видеть невозможно! Это же совсем далеко от нас! Но я – вижу! Что за чудо – бинокль! Как это все самым чудесным образом вдруг приближается ко мне?! Вон овин,

со снежной крыши которого зимой мы катались, ухая в сугроб! Я вижу в нем каждое бревно, каждую драночку. Каким же непостижимым образом получается это?

Мы дергали папу со всех сторон: «Расскажи! Расскажи: как?!». И папа постарался объяснить нам, по возможности доступно, каким образом совершается чудо приближения. Но играть он нам бинокль, конечно, не дал. Мы подрастали, и бинокль доставался папой по особо торжественным случаям, и мы могли наслаждаться чудесами. Мы уже выходили с ним на улицу и жадно смотрели на все четыре стороны. А однажды, когда у нас ремонтировали крышу, мы залезли с биноклем на чердак. С чердака открывались необъятные горизонты. Как-то папа показал на север, на лесные пространства, за которыми виделось нечто возвышающееся над ними, темно синеющее: «Видите? Это Кстовы горы...».

Что за горы? Разве могут быть на нашей равнинной местности горы? То, что с чердака мы можем видеть даже горы, как-то особенно волновало и тревожило нас. Казалось, что там, где эти самые горы, скрывается совсем необыкновенная, загадочная, интересная жизнь. Какая? Мы не знали. Но детское воображение работает, как известно, по своим законам. Живя в деревне, мы, как и все наши ровесники, мечтали о больших городах, потому что тогда думалось, что нет ничего лучше городов. И мы, в общем-то, завидовали слегка ребятам, которые из городов приезжали на лето к своим бабушкам-дедушкам. Они, наши сверстники, важничали перед нами, во всем стремились показать свое превосходство.

Но зато у них не было такого замечательного бинокля, как у нас! И Светка уже подлизывалась к нам, чтобы и ей мы дали посмотреть в бинокль, хотя и была городской. Нас манили «дальние страны». Начитавшись Гайдара, мы грезили о них.

Сколько же самых чудных минут и часов подарил нам старенький мамин бинокль и наша детская фантазия! Как верится в то, что и теперь дети способны мечтать не только о миллионах и компьютерах, но и о всем том чудесном, важном и значительном, что они должны совершить в своей взрослой жизни! И не только для себя лично, но, конечно же, для

своей страны, своей Родины. Ведь чувства, как известно, нужно тоже воспитывать. Пусть «прекрасное далеко» манит в свои сияющие дали детские души во все времена, потому что память наша остается на всю жизнь. Так и в моей памяти остался старенький бинокль, с помощью которого можно было разглядеть то, что невозможно купить ни за какие деньги: свою Родину!

Александр КРУТИКОВ

ДОМ ДЛЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Отправив прибывших сирот в столовую, директор детдома задумалась.

Еще учась в шестом классе, она с другими девчонками вечерами в деревне Суховской учила женщин читать и писать. То была борьба с безграмотностью. Жилось азартно, весело и бедно.

В семье родителей Лизы было пятеро детей, мал мала меньше. Лиза – старшая. Отец многодетной семьи, когда Лиза окончила семь классов, сказал: «Ну все, дочь, больше тянуть я тебя не могу, хочешь – работай, хочешь – учись сама». Лиза оказалась отделенной от семьи.

Выручил «ангел хранитель» Звонов, работавший в районо:

– Ты, Лиза, способная, давай-ка, поработай учителем в начальной школе.

– Да смогу ли я, Александр Николаевич? – засомневалась Лиза.

– Сможешь, сможешь. Вон в Суховской женщины тебя до сих пор вспоминают.

Так Лиза стала учителем. И, видимо, это у нее получалось. К тому же молодежь в деревне сразу признала юную учительницу, которая быстро организовала вокруг себя кружок любителей лыжных прогулок.

А бабы в деревне ворчали: «Ишь, удумали. Прясть надо, а девки на лыжах катаются».

Одновременно Лиза училась в Кологривском педучилище. Но она понимала, что только сама сможет достичь чего-то в жизни. И вот в дырявых валенках, не имея никаких средств к существованию, она едет в город Киров и поступает на второй курс рабфака.

Энергичная, высокая, стройная девушка, с темной копной роскошных волос, улыбчивым открытым лицом с ямочками на пухлых щеках, не могла остаться незамеченной. После третьего семестра Лиза вышла замуж за курсанта военного училища.

Мужа направили служить в Баку. Куда иголка – туда и нитка. Так Лиза оказалась в этом городе, где ее сразу зачислили на второй курс пединститута.

А тут – война... Недолго Лиза наслаждалась счастливой семейной жизнью. Муж погиб.

Дальше – череда лишений. Институт пришлось бросить. Нужно было зарабатывать кусок хлеба учительством. Но и это кончилось. Тяжелая болезнь – тропическая малярия – свалила с ног.

Девять дней Лиза находилась без сознания и четырнадцать месяцев – на больничных койках. Молодость и прежние занятия спортом помогли выкарабкаться с того света, выкарабкаться на костылях. Светило медицины -профессор – сказал: «Надо уехать. Здесь вы не выживете».

Бледная, исхудавшая и разбитая душевно и физически, Лиза на костылях приехала на родную Межу к матери и отцу, вернувшемуся с фронта раненым. От прежней спортсменки осталась одна тень. Но дома и стены помогают. Здесь ее помнили. «Ходить ты не можешь, – сказали в районном отделе образования, – поработай пока в педагогическом кабинете района».

* * *

...Встряхнувшись от нахлынувших воспоминаний, Елизавета Николаевна мыслями вернулась к текущим заботам.

Как сложится судьба деток, доверенных ей? Сумеет ли она сделать так, чтобы из этих обездоленных не выросли озлобленные изгои? Сейчас они еще не понимают, что у них

украдено детство, что они лишены родительской заботы, ласки и любви. Конечно же, детдом все это восполнить не может. Но хотя бы сейчас они не испытывали нужды, голода, унижений и обид. Кажется, это удается.

Но в первый год были непреодолимые трудности. И если бы она знала об этом, пошла бы работать директором детдома? Пошла бы. А начиналось так.

...В мае сорок четвертого года Лиза, Елизавета Николаевна Соколова (Омельчук), сидела в своем методическом кабинете Межевского районного отдела народного образования. Молодая женщина работала заведующей этим методическим кабинетом. И не по возрасту ей, двадцатичетырехлетней, такая должность, да время было военное. Мужчины ушли на фронт, а заведующими и директорами становились двадцатилетние девушки.

Неожиданно ее вызвали в райсобес. Встретил Михаил Сергеевич Стригалев, заведующий. Он уже побывал на фронте. Вернулся раненым. Выглядел Михаил Сергеевич усталым и болезненным. Раны напоминали о себе.

– Вот что, Лиза. В деревнях района много детей остались без родителей, с дряхлыми стариками, а то и вовсе бродяжничают и собирают милостыню. Погибнут ведь дети.

Елизавета Николаевна не понимала, к чему клонит главный райсобесовец.

– Школы взяли на учет таких детей. Стараемся, чтобы колхозы помогали семьям погибших.

– Учета мало. Я вот убедил председателя райисполкома Вячеслава Михайловича Ципулева: надо создавать детский дом. И в таком месте, чтобы дети хоть на природе оттаяли от своего сиротства. Да вот хоть в деревне Заводское. Там под детдом можно одно помещение школы занять, да и река рядом. Все ребятишкам веселее будет.

Елизавета Николаевна еще не понимала, для чего завели с ней такой разговор. Она, конечно, предположила, что надо будет учить воспитателей детского дома.

– Так вот, Лиза, мы с заместителем председателя райисполкома Геннадием Алексеевичем Волковым и решили вас направить директором этого детского дома.

Для Елизаветы Николаевны это было неожиданно. Но Стригалев не дал ей опомниться.

– Девушка Вы энергичная, старательная, педагог, да и пробойная. А это потребуется в первую очередь. Так что ознакомьтесь с приказом, получайте документы и приступайте к работе. Воспитателей мы Вам пришлем.

– А как с финансированием и с материальным обеспечением? – опомнилась Елизавета Николаевна.

– А никак. Детский дом будет колхозным. Колхозы будут помогать. Сама понимаешь. Война.

Так началось директорство Соколовой. Уже в августе планировалось поселить в детдоме 80 детей. Елизавета Николаевна пошла в Заводское. Место ей понравилось, новое здание школы, которым заведовала Смирнова Екатерина Кузьминична – тоже. Но только снаружи. В комнатах было пусто. Никакой мебели. О койках и говорить не приходилось. Ни постелей, ни чашек, ни ложек. Надо подобрать работников, надо поселить присланных районным отделом народного образования воспитателей. И главное, надо собрать в колхозах продукты. Поневоле за голову возьмешься.

Детдом действительно должен был содержаться колхозами, и каких-либо денег из бюджета не предусматривалось. Прибывшие в Заводское воспитатели и принятые на работу в детдом хозяйственные работники направились по колхозам. Собирали деревянные ложки, глиняные миски, ножи, старые наволочки, полотенца, тюфяки. Георгиевская больница выделила несколько простыней. Наволочки и тюфяки набили сеном и соломой. В колхозах сумели насобирать картошки, гороху. Некоторые колхозы выделили немного муки, подсолнечного масла и даже мяса. Они не могли дать большего. Все для фронта.

Двадцать пятого августа в детдом поступили первые дети. Накормили «затирухой» из муки и горохом. На хлеб муки пока не было. Но малыши рады и этому. Они были голодны. Спать уложили прямо на полу, на соломенные тюфяки, а вместо одеял – больничные простыни и рванье, в которое дети были одеты, но предварительно пропаренное.

Впереди зима. А нет ни обуви, ни одежды. Срочно нужны кровати и одеяла.

Поехала Елизавета Николаевна в краевой центр Горьковского края, в который и входил в то время район. Председатель крайисполкома, к которому она пришла на прием со своими бедами, выслушал ее не перебивая. Она просила помочь, выделить деньги из бюджета. Он задумался. С такими просьбами к нему приходили часто.

– Нет денег, – сухо произнес он.

– Да вы понимаете, что зимой мы заморозим детей? – настаивала Соколова, – выделите хоть на самое необходимое.

– В крае двадцать пять колхозных детдомов, – продолжал председатель, – нынче у всех положение тяжелое.

–У нас район бедный. Колхозники сами голодают. Они не смогут ничего дать, кроме картошки.

– Я тоже не могу, – твердо и, как показалось Соколовой, равнодушно произнес председатель.

Елизавета Николаевна вышла из кабинета со слезами на глазах. Ее надежды о переводе детдома на бюджетное обеспечение рушились. Она бесцельно бродила по улицам города. Перед глазами стояли маленькие фигурки ее воспитанников. Их взгляды укоряющие спрашивали: «Что же ты, тетя, так плохо просила? Нам холодно!». А вот по коридору, держась за ручку старшей сестрички, ковыляет на тоненьких ножках двухлетняя Леночка Румянцева с прозрачными, не по-детски печальными глазами: «Что же ты, тетя?»

Соколова вспомнила слова Стригалева о том, что пробойность потребуется в первую очередь, и возмутилась: «Не для себя же прошу. Для сирот!» Она остановилась и обнаружила, что стоит перед представительным громадным зданием. Вывеска гласила: «Горьковский краевой комитет ВКП (б)». «Вот что мне нужно, – подумала она и решительно поднялась на крыльцо обкома, – не уеду, пока не добьюсь».

К удивлению, секретарь крайкома ее принял сразу же. Это оказался добродушный, с юмором человек.

– А что такая сердитая? – улыбаясь, спросил он.

Елизавету Николаевну прорвало. Торопясь и сбиваясь, она долго и подробно рассказывала о всех мытарствах, которые выпали на ее долю.

– Не могу я возвратиться к голодным детям ни с чем. Одна надежда на партийные органы, – закончила Соколова.

Секретарь внимательно посмотрел на нее. Исповедь стерла сердитое выражение с лица Соколовой. Теперь на нем видна была только усталость.

– Молодец, – сказал он, –если не твое личное дело, так и действуй. Из одних дверей выпроводили ни с чем – заходи еще и еще раз, заходи в другие – и добивайся своего. Рано или поздно результат будет. Лучше, конечно, раньше, – улыбнулся секретарь и серьезно добавил, – окажем содействие в переводе вашего детского дома на бюджетное финансирование.

Домой Лиза летела, как на крыльях.

Секретарь крайкома свое обещание выполнил. Скоро детдому стали выделяться бюджетные средства. Поступили деньги. В первую очередь купили алюминиевые миски, ложки и прочую кухонную посуду. В Георгиевском, в промкомбинате, заказали деревянные кровати, детскую обувь, валенки, шапки и даже полушубки.

Жизнь налаживалась.

* * *

Раздумья директора прервала воспитатель Кудрявцева, заглянувшая в кабинет.

– Что вы хотели, Екатерина Георгиевна?

– Детей я на тихий час уложила. Так новенький, Шура, не хотел. Стал брусок дерева, как машинку катать и гудеть. А Боря Дорогин выбросил эту машинку в окно. Разодрались. Я их в угол поставила.

– Это хорошо, – улыбнулась Елизавета Николаевна. Воспитательница, удивленная, вышла, подумав: «Чего же тут хорошего?».

«Хорошо, – про себя повторила Лиза, – дети должны играть, озорничать, ссориться и драться. Они дети. Хоть и дети войны»...

Александр Иванович Крутиков,

воспитанник детского дома,
Заслуженный юрист РФ

Татьяна ВИЛКОВА

«ВОТ ТАКИЕ ПИРОГИ»

Слава о Галине Дмитриевне Голубевой как об искусной пекарихе по всему Сусанину ходит. Случись у кого свадьба или поминки, а пироги – украшение званого стола – хочется самые-самые – заказывали ей, и никого Галина Дмитриевна не подводила, пироги из ее печи получаются действительно, как на княжеский пир, румяные, пышные, тающие во рту. А почему пишу об этом в прошедшем времени? Печет их мастерица и сейчас, но только реже, для своей семьи, от заказов приходится отказываться: болят руки. Столько они в жизни перекопали-перелопатили, выносили тяжестей, обустроили, обшили, исстряпали, что теперь, бывает, и не поднимаются. Однако поныне все в работе.

В просторных комнатах голубевского дома чистота и уют, особый, деревенский. Не заметила я здесь полированной стенки и хрусталя, стандартно украшающих любую современную квартиру, зато сразу обратила внимание на белизну русской печи, удобную планировку пятистенки с высокими потолками и массой воздуха, красивые домотканые половички-круговины. Слово домотканые не совсем точное, потому что половики не сотканы, а связаны руками из изношенных вещей, обрезков ткани, старых простыней – в доме ни одна тряпочка зря не пропадает, все идет в дело, потому что Галина Дмитриевна и кружевница, и ткачиха, и плотничиха, и кательщица... да каких только ремесел не вспомнишь, говоря о том, и слов-то в женском роде не отыщется. В общем, на все руки, только не от скуки. Вот о том, откуда все эти умения взялись, кто и как ее, русскую женщину, научил этому, я и завожу разговор с бабушкой Галей в присутствии ее внуков Дмитрия и Алексея, которые у нее гостят.

– Жизнь научила. Сколько мы всего пережили, и не перескажешь, – начинает она. – Родилась я в Сухорукове – сейчас это Костромской район, а раньше был Сусанинский – в деревне Степково, в крестьянской семье. А было нас у отца с матерью пятеро, да еще взятышки – материнской сестры сироты.

Отец и деды по отцовской линии были каталя, пимокаты то есть, была у них своя мастерская, да и изба была вся завалена шерстью и валенками. Но на отход они не ездили, валяли сапоги дома и крестьянствовали.

Жили все в одном доме: дед и бабка, отцовские братья и их семьи и мы, так что я в этой большой семье шестнадцатой родилась. Спать ложились – в комнате деткам на полу заподряд все матрацы стелили: вся комната от стенки до стенки в постелях была. Слыли богатыми из-за мастерской, хотя какое богатство: в худых портках щеголяли. Мать, считалось, вышла замуж из середняцкой семьи, так у нее в приданом и белье хорошее было, и простыни, а тут – только что мастерская да три лошади и три коровы на всю семью. Перед коллективизацией решили разделиться, старшему дали корову да лошадь, нашему. Дом себе оставили. А перед тем как из колхоза чистить начали, успели построить старшему сыну дом. Поставили стены и для отцовской избы, но отделать ее не успели...

Нет, в колхоз они первыми вступили, тягло отдали и корову, а обложили их твердым заданием: 40 пудов овса надо было вывезти. С бедноты какие семена получишь – худоба, рассчитывали, значит, засыпать семфонд за счет таких, как наша семья, Вараксины, а когда наши отказались – стали их кулачить. Дед ушел из дома, подался в жгоны: стал валенки по деревням и городам катать, так и убили его где-то.

Младший брат Степан советовал отцу: «Брось все, уезжай в Питер, как мы». Отец тоже отправился в город, оставив семью в недостроенном доме. В Казань уехал, там валенки катал, а набегами тайком домой появлялся, подкармливал чем-ничем. Только как отец-то сбежал – я хорошо помню, мне семь лет было – пришли наше имущество и дом описывать. Увезли всю мебель, какая была: все недоделанные шкафы без петель и без стекол, даже кухонный стол– обедали, помню, на перевернутом коробе. И из дому мать с нами стали выгонять. Да несколько раз с тем приходили. Мать ухватится за столбушку посередь избы: «Не пойду, куда мне идти: трое детей, четвертый в брюхе». А ей: «Мужа нет, а пузо на лоб лезет». «Мало ли цыган-то», – отвечает мама.

Четыре года отец скитался. И жили мы только лесом. Сидела я на базаре, торговала грибами да ягодами. И огород-то у нас отобрали. А то еще напасть. Остался после отцова брата новорожденный теленок, они уехали – все бросили, в омшанике он стоял. Да вдруг и исчез. Соседка одна, не буду ее фамилии называть, и нажаловалась в сельский Совет, что мама теленка взяла и съела. Мать стали таскать на допросы. А другая соседка, тетка Матрена, и углядела ночью, как у тех, что нажаловались, в подвале огонь. Заглянула в окошечко, а они там кишки телячьи порют. Мясо-то у них и нашли: самих, и мужа, и жену, из партии выгнали и посадили на два года.

А отца арестовали, когда надоело ему скитаться и стал он вольно ходить. «Лучше бы,– говорит матери,–эти годы отсидел, на свободе бы сейчас был». Забрали дома, отрезали пуговицы у брюк, так и шел в Сусанино: брюки в руках нес. Судили его и дали эти же два года. Только просидел он 17 дней, надоумил кто-то маму, она и подала на пересуд. Пришла из Москвы бумага: освободить Вараксина.

Опять его взяли в колхоз. Так и повелось: кому дать задание – ему, заем – ему. Всю жизнь и платили, платили.

Пришел из армии взятышек Михаил, предложили ему отделать комнату в доме, мол, женись да попроси, нельзя ли выкупить избу. Так свой дом и выкупали у сельсовета. А в дедовом доме соседи жили, которые на маму настучали, потом его увезли на мастерскую в Северное, до сих пор стоит там.

С началом войны отца взяли в артель для фронта катать валенки, а потом на фронт, а меня – еще раньше, около 20 мая, как посевную кончили, и всех свободных от работы, почти всю деревню, погнали на строительство дороги Кострома-Ярославль. Жили мы в деревне Будихино.

Была у нас полевая кухня, ларечек с хлебом. Мне только семнадцать, еще несовершеннолетняя, а здоровая была, нигде не отставала. Жили впятером, в палатке. Придут мои соседки па перерыв и захрапят, а мне не спится. Я им то сенинкой в носу пощекочу, то в их разинутые рты маргарин намажу – меня все ругали да грозились из палатки выгнать.

– Бабушка, а что же ты нам об этом не рассказывала?– перебивает внук.

– Вот в воскресенье, когда все в перерыв спали, я услышала: война, и давай всех будить. Мне не верят: «Будешь ты еще безобразничать или не будешь!» А потом приехал из Сусанина представитель. Из всех палаток люди собрались на митинг: военнообязанным из Сусанинского района явиться в свой райвоенкомат. Поехали мужики, с ними жены, лошадей всех взяли, а нас, девчонок, оставили здесь. Днем и ночью мы работали. А что народу по дороге из Песочного шло! И пешие, и конные, и танки. Свои идут: «Девчонки, до свидания!» Мы – в рев. Ночью все колеи заваливали. Потом как-то запало все, опустела дорога, и нас отпустили домой.

Домой вернулись, в колхозе работали недолго – погнали на завод Красный Профинтерн. Кого – в Вороксу, а нас – в деревню Ученьжа, у Петра и Павла села, и мы за 4-5 километров ходили наволоком на работу: срывали берег Волги. Обрезали два метра, делали отступ и опять скос, чтобы, когда танк пойдет через бугор, упирался носом. Потом кувалдой и клином долбили промерзлую землю – рыли противотанковые рвы. А когда всех отсюда отпустили, нас, четырех из двенадцати, – видят, что ломовые девки, – на овощезавод: рубили заступами капусту, морковь, свеклу в огромных дежах. Домой пришли только в феврале 1942 года.

– Меня почему-то гоняли без перерыва, наверное, потому, что хоть на ноги зимой было что надеть. Ведь только одну ночь дома переночевала – повестка пришла: ехать на строительство железной дороги Кострома – Галич. – Галина Дмитриевна достает свою автобиографию – послужной список, который потребовал, и когда хлопотала о зачислении в свой трудовой стаж этих военных лет. Уточняет хронологию: – Работала там до января 1943 года. Не успела оттуда прийти – тут же вручают повестку: явиться в райвоенкомат для отправки на фронт. Опять я, и двум девушкам еще раньше повестки пришли. А я изорвалась, ни скидавахи, ни надевахи. Мать говорит: «Ничего нет, и денег тоже. Бери валенки, иди, продавай в Кострому! И вот я, затемно приехав из райвоенкомата, в 4 утра ушла пешком в Кострому, на второй день продала валенки, вечером явилась домой. А девчонок-то в тот день и отправили. Как я ревела! Да, оказалось, отстала еще одна наша, сухоруковская. Пришли в сельсовет к Василию Васильевичу

Виноградову, позвонили в райвоенкомат. «Пляшите, девки, велели оставить для своих нужд, до следующего раза». А на следующий день дали повестку на лесозаготовки, в Шоду, а потом – в Бугры.

Вот тут, в Буграх-то, я и пекла хлебы. Пекарня далеко была, сами стряпали, а потом, как наладили его доставку, послали на Мезу, где шел сплав. Приставили меня и еще Фаину Веселову и Евдокию Грачеву к старому деду. Он вязал кошмы – плоты из бревен, сплетенных березовыми кольцами, которые заклячивали колом. Дед-то мне все говорил: «Ну, молодец ты, девка! Ну, молодец!»

– Где я только ни была, – на всю катушку досталось, – продолжает свои воспоминания Галина Дмитриевна. – На Пасху добралась домой. После нее, дня через 3, копали клеверище, пришел на поле секретарь парторганизации. «Как ни трудно, как ни тяжело, но двоих из вас надо направить на восстановление разрушенных мест». Шел сорок третий год, фашистов погнали. Мама моя замерла: отец на фронте, и меня туда? Пошли к Ушакову. Направили меня в этот раз на Космынинское торфо-предприятие. Там я и работала по 20 октября 1946 года, три года и 10 месяцев. Много было из нашего района, 50 человек: из Северного, Андреевского, коломинские, головинские... Есть было нечего, мне хоть иногда из дому присылали что-нибудь. Глядишь: идет покойный братик, несет посылочку (Галина Дмитриевна смахивает слезу). Поставили бригадиром. До сих пор ругает меня Зина Крылова: «Черт, и сама угробилась, и нас угробила. Медалью нас наградили «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

А пришла с торфа – поступила налоговым агентом по Сухоруковскому сельсовету. Вышла замуж, стала работать в колхозе, потом в Марфино переехали, а потом в Сусанине строили дом. Муж в командировках – их в райфинотделе только на совещания да в день зарплаты, первого и пятнадцатого, ждали, а так то в Бычиху, то в Яхноболь – по две недели. Мне все одной приходилось. Свекровь, правда, помогала попервоначалу с детьми водиться. А сестра глухонемая, да покойный брат, да отец со мной в Малышеве по бревну дом разобрали, сюда перевезли. А когда его с плотниками

добывала, и крышу крыла. Надо мной все смеялись: «Смотрите: баба наша крыши научилась крыть в Космынине, на торфу, в межсезонье. Страховым агентом одна по всему району начинала работать, потом все от меня учились. Много значков ударника, медали за доблестный труд есть. Все умела делать. Покойный Аржаников зашел как-то, а я постилу сновала (дерюги) – мама научила. И ткала, только у мамы раньше живей выходило, а кросна собирали с нею вместе. Пироги тоже у матери стряпать научилась, и хлебы печь. Еще девчонкой была, меня буяковская свояченица хвалила: «Настасья, девка-то у тебя и стряпать умеет. В желобе замесила и ни капельки не разлила». А мать то со скотиной, то по другим делам. Потом уж мне говорили, что и учительницу свою в стряпне превзошла. Ко мне все приставали: сколько муки да молока, да еще какой секрет знаешь. А я все на глаз. Вот и весь секрет.

На минутку Галина Дмитриевна ушла за угол печи и вернулась с двумя парами валенок-самокаток. Сама надела подшитые белые, а мне предложила погреться в черных – крашеных.

– Свои катанки, видите, тонкие, мягкие, а прочные – не один десяток лет им. Катала по ночам. У кого ночь, а у меня все день. И до сих пор бессонница.

Вот таким получился рассказ о секретах мастерства. Узнала я в этот день и кое-что другое из жизни ее семьи. Ну хотя бы про то, что у младшей дочери пироги тоже выходят – загляденье, а у внучки Людмилки – изумительные торты. Что сын живет в Борисове в Белоруссии, работает директором крупного предприятия. Что в мае в семье старшей дочери встречали американских учителей, приехавших в Ярославль познакомиться с тем, как живут русские люди. Ну, лицом в грязь, конечно, не ударили. Больше всего иностранным гостям, по словам Димы, понравились соленья и маринады с бабушкиного огорода и чай из самовара, гостеприимство и простота. Спросили дочку про то, кто ее родители, веруют ли в Бога и где находится их сельский дом...

Любовь КУПРИЯНОВА

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Перебирая старые документы, я случайно увидела небольшой блокнотик без обложки с поблекшей выцветшей бумагой и обожженными уголками. Странички были исписаны мелким, по-девичьи красивым почерком, показавшимся мне до боли знакомым. Так писал мой отец ,который ушел из жизни семь лет назад. Блокнот был самодельный...

* * *

Папа служил на Дальнем Востоке с 1941 по 1947 год в 156 стрелковом полку минометчиком, затем в 22 отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне пулеметным мастером. Так записано в военном билете. Имел звание сержанта, награжден медалью «За победу над Японией» и орденом Отечественной войны 2 степени.

С волнением читаю дорогие записи. Оказывается, это песни. Папа любил петь до самозабвения, не представлял себе жизни без песни.

Пел, как говорится, с душой, с большим чувством, пробирая до слез. Песни в книжице были лирические, нежные. Они говорили о наболевшем, дорогом, близком сердцу, очень личном. Песни о любви, солдатской службе, о родине, о жажде жизни, о чудовищности смерти «Синий платочек». Темная ночь». «Офицерский вальс» были любимыми в то время, были хитами, как сказали бы сейчас. Эти песни знакомы и любимы до сих пор. Но многие песни в тетрадочке совершенно незнакомы. Написаны они слишком просто, явно, не профессионалом, не поэтом-песенником. Возможно, юные бойцы сами сочиняли и переписывали в свои тетради. Были среди записей не только песни, но и стихи. Что помогало пережить страшные дни войны? Мечта о любимой девушке, о родном доме:

Бывает, мечтая глубоко.
Я думаю думу свою
О жизни, о доме, о старой дороге,
О милой в далеком краю.

А как нужны были солдату долгожданные девичьи письма!

Помню, шли мы возле смерти
По равнине снеговой,
А вернулись — на конверте
Я увидел почерк твой.
Руки только что держали
Лакированный приклад.
Под обстрелом не дрожали,
А берут письмо — дрожат.

Со слезами читаю потрепанные странички, с сожалением осознаю, что записи закончились, но все-таки листаю дальше. И вот – открытие! Стихотворение-письмо. Оно почему-то отдельно от других стихов. Думаю, оно собственного сочинения, очень личное, о большой любви.

Стихи незамысловатые, несовершенные, но очень искренние. Сразу узнаю отца. Был он человеком очень чувствительным. Помню, часто стоял возле радио, слушая передачу «Театр у микрофона»

Папа обладал даром слова. Умел убеждать. Однажды случилась такая история. Я училась в сельской школе до четвертого класса. В следующий, пятый класс, дети из нашей деревни ходили в Нерехту. (Есть такой тихий зеленый городок в Костромской области), но в 1961 году местные власти решили, что ребятишки должны учиться в селе Ковалево, которое находилось в восьми километрах от нашей деревни. Об автобусах тогда и не мечтали. А до Нерехты все-таки всего три километра. Училась я хорошо. Мама взяла меня за руку и потащила по городским школам, думая, что отличницу встретят с распростертыми объятиями. Но директора боялись нарушить постановление, да и школы, к тому же, были переполнены. Надежды не оставалось. И только Сергей Васильевич Егерев, директор нерехтской восьмилетней школы, фронтовик, замечательной души человек, внял слезам матери, пожалел ребенка.

Первого сентября, нарядившись в новенькую школьную форму, с белым бантом, я, радостная, с цветами в руках, пошла в нерехтскую школу.Мирно протекали школьные деньки, и вдруг наша семья получила необычное письмо, подписанное самим Л.И.Брежневым. Оказывается, папа сочинил обстоятельное и убедительное послание и направил в Москву. Ответ был кратким: «Прошу принять дочь Смирнова В.В. в одну из школ города Нерехты». Так отец добился справедливости.

Теперь, читая фронтовую книжечку, я понимаю, откуда и во мне, правда, в очень маленькой долечке, есть этот Божий дар, дар слова. Я всегда любила читать, в детстве и юности немного сочиняла стихи, прекрасно и без всякого напряжения писала школьные сочинения. Мне всегда было труднее выразить мысли вслух, нежели на бумаге. Наверное, из любви к книге, языку, литературе я стала учителем-филологом. А еще потому, что всегда любила школу и учителей.

Вернусь к фронтовым записям: что ценили больше всего молодые бойцы? Прежде всего, женскую верность. Есть известные песни, слова в которых изменены. Видимо, кто-то из ребят пережил боль измены.

Ведь любовь, надежда на то, что любимая будет верно и преданно ждать, что впереди маячком светится. Радость встречи согревала душу. Был смысл жизни, ради этой встречи шли в бой.

Часто приходится слышать размышления о патриотизме.

Патриотизм-это любовь к Родине, готовность ее защищать в минуту опасности. Думали ли об этом молодые бойцы, когда рядом гуляла смерть? Не до высоких слов и рассуждений:

Пусть ночь пройдет, пускай погода злится,
Пусть солнцем будет выжжена трава,
Но я не сплю в дозоре на границе,
Чтоб мирным сном спала моя Москва.

Как будто по велению судьбы, в 1975 году мне довелось побывать в тех краях, где служил отец. Мой муж был военным и получил приказ прибыть в Приморский край. Огромное красное солнце, сиреневые от цветущего багульника

сопки, роскошные пионы и лилии, коварная река Суйфун. Прекрасный и богатый край. Но пришлось не только восторгаться первозданной красотой природы, но и испытать страх смерти. В то время шла война между Китаем и Вьетнамом, а наша часть находилась в 14 километрах от китайской границы. Однажды мужей подняли по тревоге, и в военном городке осталось только несколько солдат, чтобы охранять детей и женщин. Шли разговоры, обрастая невероятными подробностями и слухами, что китайские пограничники нарушают нейтральную полосу, что, наверное, будет война. Рассуждали о жестокости восточных воинов, о «харахири». Все жили в страхе. Собрав тревожные чемоданы, мы, молодые мамы, забирали детей и собирались вместе в одной из квартир, проводили там бессонные и тревожные ночи. Рядом с городком проходила трасса: ночью земля содрогалась от гула, так как двигалась к границе мощная боевая техника. Шли великомасштабные учения, которые показали могучую силу советской армии. Мужья наши вернулись, и мы почувствовали огромную радость, ощутили, как хорошо жить, поняли, чем грозит война.

Я думаю, в жизни ничего нет случайного. Все, что происходит с нами, дано для того, чтобы мы делали определенные выводы, исправляли себя, учились и не делали дальше ошибок, чтобы становились добрее, лучше, чище. Нужно почаще вспоминать, что было с нашим народом, страной, помнить прошлое, впитывать в себя боль поколений. Человек становится добрее, если умеет чувствовать чужую боль.

Записная книжечка с войны – это голос из прошлого, напоминающий о том, как нужно ценить жизнь, голос-скорбь о тех, кого нет с нами. А им так хотелось жить и любить в свои 20 лет!

А с фотографии в рамке смотрят на меня добрые и грустные глаза отца. В жизни он был человеком очень скромным, не рассказывал ни о войне, ни о своей работе. В его трудовой книжке только две записи. Одна, что он принят учеником слесаря на каблучную фабрику в 1938 году и вторая, что уволен по собственному желанию в 1992 году. Почти 55 лет работы на одном предприятии! Это так редко. Между этими двумя записями много записей о присвоении

различных квалификационных разрядов, о рационализаторских предложениях, да еще запись о том, что уволен в связи с уходом в действующую армию, а потом вновь принят. Вторая часть трудовой книжки более наполнена записями. Это сведения о поощрениях и награждениях. Их всего 35.

Я очень люблю праздник 9 мая, день Победы, великий всенародный праздник, праздник «радости со слезами на глазах». Люблю фильмы о послевоенном времени. Наверное, все это потому, что связаны они с юностью моих родителей и с моим детством.

Анатолий СМЕРДОВ

ДРУЖНЫЕ «ВСХОДЫ»

Анатолий Ильич и Нина Клавдиевна Беляевы живут в деревне Макарята. Детей у них семеро: шестъ сыновей и дочка. Вырастить столько достойно не только глубочайшего уважения и почтения – это в наше время настоящий подвиг. А ведь оба работают, и не на великой зарплате. Он – кочегаром и механизатором в СПК «Маручатский», хозяйка – преподавателем в местной школе. Как и подавляющее большинство деревенских жителей, ведут обширное натуральное хозяйство, когда сам себе и огородник, и садовод, и животновод. Да на такую семью много и надо!

Анатолий Ильич – мужчина немногословный.

– Я всю жизнь по железу, – говорит, – на всех марках тракторов переработал, с любой сельхозмашиной знаком. Сейчас на МТЗ-80, в уборку – на комбайне. Это и есть мое увлечение по жизни. И ребята все с начальных классов мою школу прошли, каждый по очереди. Лет с десяти уже за руль садились, а через два-три года и самостоятельно могли работать. Есть у нас тракторок и кое-какая техника в личном хозяйстве.

Нина Клавдиевна по образованию ученый агроном. Десять лет в хозяйстве по специальности работала, а как детей прибавляться стало, пришлось работу сменить. Преподает в Маручатской основной школе биологию, химию, черчение и...

физкультуру. Агроном ведь тоже в первую очередь биолог и химик. А физкультура? Спорт и закалка организма – одно из правил ее жизни, к этому и детей приучала. В институте училась – защищала его честь на соревнованиях и была кандидатом в мастера спорта по бегу на лыжах. Много лет занимается обливанием холодной водой независимо от времени года. Как к сельскохозяйственному квалифицированному специалисту к ней всегда обращается председатель кооператива Г.А. Гончарова. И консультацию земледельческую даст и, если надо, в поле побывает. Директор школы С.В.Тимонина ей, как педагогу, дает высокую оценку:

– Дети ее любят, на уроках очень внимательны, материал дает доступно, занимается с ними и дополнительно. Как классного руководителя ценят и сейчас, помнят и давно уже взрослые. В спорте наша школа далеко не из последних – тоже ее заслуга.

О детях рассказала Нина Клавдиевна:

– Старшему, Алексею, двадцать шесть лет, у него своя семья. Окончил Шарьинский техникум механизации, после армии домой вернулся и работает механизатором. Не на плохом счету, внуком порадовал. Михаил после армии в Череповце обосновался, на заводе работает, тоже семейный, там внучка. Две «двойни» у нас: Александр и Павел, потом Алла и Георгий. Саша в армии второй год, контракт заключил. Паша в нашей сельскохозяйственной академии учится, на втором курсе мехфака. Его страсть – компьютеры. Аля тоже учится в сельхозакадемии, на втором курсе агрофака. Спортсменка-перворазрядница. На зимней олимпиаде за наш район выступала во многих видах, удачнее – в беге на лыжах, в полиатлоне. Теперь к летней олимпиаде готовится: бег, плавание, всего в пяти видах будет участвовать. Георгий учится в Шарьинском аграрном техникуме. Он, как и Алексей, дома хочет остаться и работать. Тоже спортом увлечен, да и так парень бойкий и крепкий, вот с ним в раннем детстве были трудности. Болел сильно, и спасло обливание холодной водой. С нами сейчас младший, Антон. Он в девятом классе. Наш главный во всем помощник. Учится хорошо, в Вохму, в среднюю школу потом, а в остальном пока не определился.

Муж, Анатолий, в детях души не чает. Да и поженились мы по взаимным чувствам. Я сюда была направлена, работала, он весной из армии пришел, а осенью и свадьба. Любит он с ними заниматься, даже моего больше, и сказки рассказывал да читал, и на мотоцикле катал. Внук Данила к нему тоже очень привязан. Только заявится, сразу: «А где деда?». Дети между собой очень дружные. Особенно двойняшки Аля и Гоша неразлучны, а Саша и Паша все-таки разнохарактерные. Старшие, Леша и Миша, в детстве, бывало, конфликтовали. Это и понятно, мальчишки все же, да и погодки, что-то делить пытались, главенствовать. А Аля хоть и девочка, но в опеке старших братьев не нуждалась, очень самостоятельная. Ну, и от всех вместе больше всего внимания и ласки было младшему – Антоше.

Дети все трудолюбивые, по дому все могут. Парни и корову доили, зазорной никакую работу не считают. Иначе и быть не должно. Прививали детям то, что сами больше всего ценим – доброту и порядочность. Всей семьей стало труднее собраться, но этим летом надеемся и ждем. Радость-то какая будет!

Молодая семья Алексея и Юлии Беляевых живет в деревне Погорелка. Как поженились, кооператив выделил дом. За три года Алексей успел кое-что переделать, построил баню, дровяник, обширный гараж. Двор не пустует: поросята, телята, куры. Работает на гусеничном тракторе и комбайне. Зимой в лесу работал, в посевную будет со сцепкой борон почву под посев готовить. Жена – почтальон. Сынишке их, Даниле, скоро три годика. Он и встретил у дома – исследовал образовавшиеся в колеях лужи. Из малышей он в деревне один, но посещает садик в Макарятах, где детишек четверо. Эта молодая семья тоже дружная и основательная. А в скором времени появится у Данилы братик или сестричка. Значит, быть роду Беляевых на вохомской земле и впредь.

Михаил ИВАНОВ

ПАДАЛИ ЛИСТЬЯ...

Они сидели недалеко от меня на скамейке и вели оживленный, достаточно громкий разговор. Я уже передохнул и собирался было нести свою картошку дальше. Но что-то остановило меня. Я опять уселся на скамейку, осмотрелся. Парк был по-осеннему пуст – лишь молодая мамаша с коляской и два заинтересовавших меня собеседника. Оба довольно-таки престарелые, интеллигентного вида, они были в той стадии разговора, когда эмоции придают ему более откровенный характер. В данном случае, как я понял, разговор у них шел о любви. Однако вскоре я убедился, что речь – о других вещах.

– Ты, Семен, разбойник! – воскликнул тот, что был посолидней. –Твоя Клава – ангел, а ты ее просто игнорируешь!

Семен, поджарый, с худощавым лицом старик, отпарировал с сарказмом:

– Ангел с когтями.

Его собеседник какое-то время молчал, как бы ошарашенный. Потом спросил с ехидцей:

– А как же т ы жил с ней столько лет?

– Хорошо жил, по любви, – вполне серьезно ответил Семен. –Двое внуков и правнук не с неба свалились. И потом, тебе ли, Боря, спрашивать об этом? Думаешь, я не знаю, как ты ухлестывал за Клавкой в молодости?

Боря прямо-таки зашелся от возмущения, даже привстал:

– Да ты...

– Ладно уж, – миролюбиво махнул рукой Семен. – Садись лучше и слушай, что скажу.

Он вынул пачку сигарет, достал одну.

– Ты же давно бросил! – воскликнул Боря.

Семен молча прикурил, как бы не слыша вопроса и, уронив голову, с грустью продекламировал: «Осень наступила, падают листы, и глядят уныло голые кусты».

– Что это тебя в лирику потянуло?

– Не лирика это, друг мой Боря, а действительность, – проговорил Семен. – Посмотри, как прекрасна и

естественна природа, даже в своем увядании. Ей чужды категории добра и зла. Она рациональна и своеобразна в своих проявлениях. Для всего у нее свой смысл. Придет ли когда человек к пониманию значимости своего бытия? Ни жить, ни умереть толком не умеем. Вон внуки уже косо на школу посматривают. Какая, говорят, дед, учеба, деньги надо делать. Не жизнь, а маята одна. – Он помолчал, глянув на собеседника, продолжил: – Понимаешь, Боря, я прихожу в ужас от одной мысли о кладбище... Нет, не смерти своей боюсь. На фронте на нее насмотрелся. Первому уйти бы, вот так, как этот лист, – упал с дерева и лег тихонько.

– Я понимаю тебя, – после минутной паузы сказал его друг. – Но до конца сохранить прекрасное чувство друг к другу...

– Да, да, – прервал его Семен. – Но большое чувство долга всегда обнажено и беззащитно. Старики понимают это и по-своему стремятся обрести хоть какой-то иммунитет против неизбежной потери друг друга, не заботясь при этом ни о методах, ни о средствах. Это ужасно, но это так.

Они помолчали некоторое время, потом ушли, тихо переговариваясь между собой.

Я сидел и думал о странности бытия. О том, что стал невольным свидетелем еще одной человеческой тайны – тайны простой и непостижимой, как эти тихо падающие листья.

Ольга ЗАПОЛЬСКИХ

«ЗА ДОЛЕЙ ИНОЙ НЕ ГОНЯЮСЬ….»

* * *

21-й — на взлет.—
Видно, веку не ведомы штили.
И цунами не врет:
У столетия сбит генотип.
Мокрый галстук жует
Растерявшийся Саакашвили.

И в лицо президенту
В Ираке ботинок летит.
Стонет век от проказ,
Что с избытком его оделили.
До соседних планет
Снова слышится стон от Земли.
Что какой-то Укргаз? —
Он играл на трубе из России
Вам пиратский «привет»
С африканских широт Сомали.

Снова климат «не тот».
И коллайдер сожрал километры.
И уходит под снег
Европейских полматерика.
Душу роет, как крот,
Ностальгическим пламенным ретро
Прошлый памятный век
И твоя SMS-ка: «Пока!»

* * *

Поверь, здесь не было войны,
Снаряды не рвались и бомбы.
Дома, войной пощажены,
еще кривятся твердолобо.

Трухлеет выцветшая старь
И полнится полночным скрипом,
А рядом роговеет липа, —
Картины дряхлой пономарь.

Диаметрально рухнул век,
Призывы превращая в робость,
У «колеса» ломая лопасть.
И где тот «винтик-человек»?

Когда-то «Ленинский» район
С коммунистической бравадой,
Знамен взметаньем окрылен,
Выстраивался на парады.

Я помню фонарей поток,
Глядящих «в оба» в тьму ночную,
Какой-то жадный лад и толк
Вносящих в Кострому печную.

Но рвется прошлое в клочки,
Фасады рухлятся в бумагу.
И смотрим мы через очки
На избы, сползшие к оврагу.

А рядом выситься не прочь
Многоэтажно — гордой вышкой
Других времен, другая дочь, —
Во времени другая вспышка.

* * *

Надо прочувствовать все до конца:
Влагу дождя и пронзительный холод,
Каждый нюанс дорогого лица,
Неутоленную жажду и голод.

Солнце — по листьям, и блик на воде,
Льдины спасительной тонкую кромку,
Кромку заката на горной гряде,
Голос, творящий молитву негромко.

Матери руки, седины отца,
Горькую, долгую, рваную память.
Празднуя труса и храбреца,
Самостью выстрадать Родину — Саметь.

Под Кологривом и Костромой
В старых церквах — мироточие фресок.
Боже! Отмечен бедой вековой
В Русской истории каждый отрезок.

Нет, я за долей иной не гонюсь.
За океаном судьбы не приемлю.
Здесь родилась, чтоб прочувствовать грусть
В шуме берез и любить эту землю.

Ирина ЛЕШКОВА

«ОТ ВСЕЙ ДУШИ» В НЕРЕХТЕ

Так было

Для маленького провинциального городка приезд центрального телевидения – огромное событие (в 80-е годы тем более...). В сообщение о том, что в Нерехте будет сниматься самая рейтинговая в то время передача «От всей души», не верилось многим.

Эта телепрограмма полюбилась зрителям самых разных поколений и вкусов. Она рождала самые светлые чувства любви, доброты, уважения. И каждый раз поражаешься удивительному многообразию, неповторимости человеческих судеб. Поистине каждый человек – Вселенная!

Личная судьба героев телевизионных передач со всеми испытаниями, горестями и переживаниями сливается с событиями страны. За кадром остается журналистский поиск, кропотливая и напряженная работа большого коллектива. Всю эту работу представляет ведущая, от мастерства которой зависит успех всего съемочного коллектива.

Ведущую программы «От всей души» народную артистку СССР Валентину Михайловну Леонтьеву знали в каждом доме. Ее неподдельный интерес к собеседнику, личное обаяние, располагавшие не только тех, кто там, на сцене, перед камерой, но и всех зрителей в зале и у телевизоров.

Сорок восьмая передача снималась в нерехтском Дворце культуры «Юбилейный». В большом зале нового Дворца собрались не только нерехтчане, приехали костромичи,

чухломичи, судиславцы, галичане, красноселы и делегации других районов Костромской области.

Все ждали появления Леонтьевой на сцене, а она заговорила из зала и попросила обратить внимание на чудо-занавес, украшавший сцену. Занавес на заказ делали художники Ленинграда. На нем лоскутной техникой были выполнены узнаваемые всеми нерехтчанами город Нерехта с горбатым мостом, улицами-лучами, разбегающимися от площади, торговые ряды, контуры текстильной фабрики (в то время большое старейшее предприятие, поставлявшее свои изделия на экспорт) и контуры других известных зданий.

Программа состояла из нескольких «страниц». Первой, как и в жизни, была школьная. На сцене ученики Сущевской школы Костромского района решали необычные задачи, в которых героями были их родители, бабушки и дедушки, сами дети. Все они дружно трудились на колхозном поле или на ферме. Ученикам предстояло не только подсчитать результаты труда, но и получить знания об окружающей жизни.

Продолжили разговор нерехтчане. Председатель колхоза «Мир» Иван Васильевич Бобылев (отличник просвещения СССР) произнес: «Лучше всего мне отдыхается в школе». Он с гордостью рассказывал о своей Неверовской школе, как она живет интересами колхоза, а колхоз интересами школы. А школа эта действительно замечательная. В первой сельской школе района здесь будет вычислительная техника, удивительные учебные кабинеты, созданные по новейшим технологиям, трудятся замечательные учителя.

На сцену выходит педагогическая династия Крыловых: мама Александра Ивановна, сын Александр Дмитриевич, директор Неверовской средней школы, его жена Елена Анатольевна, дочь Мария Дмитриевна, заведующая Нерехтским районным отделом образования. Их жизнь, ум и сердце отданы родной школе, и потому беседа Валентины Михайловны с Крыловыми неоднократно прерывается аплодисментами зрителей.

Знакомство с талантливыми земляками Валентина Леонтьева продолжила, пригласив на сцену Анания Васильевича Громова, директора музыкальной школы. Звучит его песня о Нерехте. Ананий Васильевич рассказал о своей любви к

музыке, с детства привлекавшей его возможностью выразить свое настроение и чувства. В заключении он совершенно очаровал зрителей, продемонстрировав умение играть на баяне, гармошке, балалайке, рожке.

И вновь на сцене труженики Нерехтского района: три жительницы д. Лаврово Евфалия Васильевна, Евфалия Ардальоновна и Тамара Ивановна Задворочные и сам председатель колхоза, Герой Социалистического труда Валентин Михайлович Батыгин. Они рассказывают, как подростками заменили в колхозе ушедших на фронт мужчин. Колхоз 60-летия Союза ССР (позже колхоз «Родина»), расположенный вблизи Нерехты, давал в те трудные годы большой объем сельскохозяйственной продукции, столь необходимой всем.

На личные сбережения жителей деревни Лаврово для фронта были построены подводная лодка и танковая колонна им. Ивана Сусанина.

* * *

...Съемка программы продолжалась, но время летело незаметно. Захватывающе интересно было узнавать новое о знакомых и незнакомых людях, живущих рядом. Теплые добрые чувства объединяли всех участников и зрителей. Сколько раз на глазах всех были слезы, но не было от них горько и больно.

«А ну-ка, дай жизни, Калуга, ходи веселей Кострома!» Так приветствовали боевые друзья дивизионного разведчика, уроженца Костромского края Леонида Михайловича Малкова, председателя колхоза имени 50-летия СССР Костромского района. Валентина Михайловна рассказывает о его подвигах в военное и мирное время.

Удивительно то, что и сегодня участники и свидетели вспоминают трогательное состояние, владевшее всеми. Живые герои, взволнованные и нарядные, слушали рассказы других о себе и словно вновь переживали важные события своей жизни.

Жаль, что теперь нигде не используется та мелодия, которая являлась музыкальным фоном, сопровождавшим рассказы о людях. Музыка была именно такой, чтобы затронуть все струны души.

Лиричности добавляли и стихи, звучавшие со сцены. Многие тогда впервые услышали имя деревенского поэта Галичского района. Его трудно найти летом. Обычно он строит шалаш где-нибудь на берегу реки и живет там, любуясь красотой природы и размышляя... Там и рождаются простые, но такие трогательные строки:

Вырос в поле глупенький
Василек голубенький.
Не понять ему никак,
Почему же он сорняк.

Теперь стихи Сергея Потехина можно встретить в периодике и в литературном сборнике «Кострома».

Много лет прошло с тех пор, как состоялась эта программа «От всей души». Хорошо бы вновь увидеть ее и пережить те светлые чувства, которые остались в памяти всех видевших эту передачу.

Вячеслав ДРОБЫШЕВ

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

Я родился за год до войны. Когда началась война, отец ушел добровольцем на фронт. По маминым рассказам, она «осталась сама седьмая»: дед с бабкой и детей четверо. Мама работала на почте. в Николо-Залесье Ореховского района. Так случилось, что я тяжело заболел. Старенький фельдшер Н.М. Кудрявцев направил меня в областную больницу. Мать повезла в Ярославль: до Буя на колхозной лошади, дальше – поездом.Тогда мне было около четырех лет.

Запомнил закопченный чайник, из которого солдаты в вагоне угощали нас чаем. Больница находилась на другом берегу Волги, пришлось под дождем в сумерках плыть на лодке. Но прибыли без особых приключений – или я не запомнил, а мама не рассказывала.

Лечили меня долго. Однажды нянька тихонько сказала, что ко мне приехал отец. В палату папа пришел, как сейчас вижу, прямо в шинели, накинув сверху халат. Торопился он на поезд. О чем-то поговорили – не помню: мал был. Зато помнится гостинец- три куска колотого сахара из кармана ши-

нели. Отец положил эти кусочки мне на одеяло. А потом дал подержать стволом вверх тяжелый пистолет. Мальчишки в палате завидовали мне, потому что я видел своего отца и настоящее оружие держал в руках.

После войны мама объясняла с каким ранением отец попал в госпиталь. Во время боя с немецкими танками пуля пробила бутылку с зажигательной смесью – вот бок и обожгло. Когда вылечили отца в госпитале, он и приехал родных навестить. Сам отец мне ничего не рассказывал о войне, а я, к моему стыду, не расспрашивал: все на потом откладывал, думал, успеется. Не успел…

* * *

Восходит День Победы над страной,
Согреет души, успокоит раны.
Пройдет парад, но нет отца со мной,
Как нет на свете многих ветеранов.
До срока не дожили. Мать-земля
Их приняла, и грешных, и безгрешных.
Нет тысяч деревень, и заросли поля,
Откуда уходили в ад кромешный.

Прости, отец, тебя не расспросил,
Как на войне три года грязь месил,
Как жаждали вы сельской тишины
В огне и грохоте войны.

А ты не рассказал, как ранен был,
Какой хирург тебя лечил.
И орден Красную Звезду
В каком ты получил году.

Теперь за глупость юных лет
Мне перед кем держать ответ?
Перед собой, перед страной,
С ее трагической судьбой.
Но в День Победы я клянусь:
Тобой, отец, всегда горжусь
И внукам буду завещать,
Как ты, Отчизну защищать.

10.03.2010 г.

Татьяна БОРИСОВА

* * *

Пьяная женщина воет в подъезде.
Вторит ей злобно разбуженный пес.
В тине — порядок, в лаврах — бесчестье,
Веру с надеждой лукавый унес.

Встану с кровати ни шатко, ни валко.
Жутко спросонок глаза продеру.
Катится с грохотом шарик на свалку.
Вдруг пригодится? Пойду подберу.

Ноги одрябли, застряла на месте.
Горечь во рту от нахлынувших слез.
Пьяная женщина воет в подъезде,
Словно голодный, разбуженный пес.

Галина БОЖКОВА

* * *

Ах, стрижи мои, стрижи.
Вы летайте выше!
Стану гнезда сторожить
Под своею крышей.

Чернокрылые стрижи,
Мошкару гоняя,
Не устанут ворожить,
Солнце обещая.

Крылья утром зашуршат,
Тонок голос хора...
И распахнута душа,
Как окно — в просторы!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБОТЫ

Юрий ЛЕБЕДЕВ

«РУСЬ, ДАЙ ОТВЕТ...»

(К 200-летию со дня рождения Н.В.Гоголя)

Творчество Гоголя обозначило новую фазу в развитии русского реализма. Сначала Белинский, а потом Чернышевский стали утверждать, что этот писатель явился родоначальником «гоголевского периода» в нашей литературе, который начался со второй половины 1840-х годов. Правда, содержание этого нового периода сводилось у них к развитию так называемого обличительного направления в литературе. Это был крайне односторонний взгляд на существо реализма Гоголя.

Если подыскивать его реализму аналогии, то придется вспомнить о писателях Позднего Возрождения – о Шекспире и Сервантесе, остро почувствовавших кризис того гуманизма, который с оптимизмом утверждали писатели Раннего и Высокого Возрождения в Италии. Этот гуманизм, традиции которого не умерли и в наше время, сводился к идеализации человека, его доброй природы. Новая русская литература, начиная с Пушкина, никогда не разделяла такой облегченной веры в человека, сознавая истину православно-христианского догмата о помраченности его природы первородным грехом. Русское Возрождение не порывало столь резко с религиозной традицией, как это случилось на Западе, и отстаивало гуманизм христианский, сознавая, что сама вера в человека изначально выросла из христианского сознания его связи с Богом.

В одном письме к Жуковскому Гоголь говорит, что в процессе творчества он прислушивается к высшему зову, требующему от него безусловного повиновения и ждущему его вдохновения. Вслед за Пушкиным Гоголь видит в писательском призвании Божественный дар. В изображении человеческих грехов, в обличении человеческой пошлости Гоголь более всего опасается авторской субъективности и гордыни. И в этом смысле его произведения тяготели к пророческому обличению. Писатель, как человек, подвержен тем же грехам, что и люди, им изображаемые. Но в минуты творческого

вдохновения он теряет свое «я», свою «самость». Его устами говорит уже не человеческая, а Божественная мудрость – пророческий глас.

Мировоззрение Гоголя в основе своей было глубоко религиозным. Гоголь никогда не разделял идейных установок Белинского, согласно которым человек по своей природе добр, а зло скрывается в общественных отношениях. «Природа человека» никогда не представлялась Гоголю «мерою всех вещей». Источник общественного зла с помощью реформ или революций устранить нельзя. Несовершенное общество – не причина, а следствие человеческой порочности. Внешняя организация жизни – отражение внутреннего мира человека. И если в человеке помрачен его Божественный первообраз, никакие изменения внешних форм жизни не в состоянии уничтожить зло.

Гоголь пришел к мысли, что всякое изменение жизни к лучшему надо начинать с преображения человеческой личности. «Мысль об «общем деле» у Гоголя была мыслью о решительном повороте жизни в сторону Христовой правды – не на путях внешней революции, а на путях крутого, но подлинного религиозного перелома в каждой отдельной человеческой душе», – писал о Гоголе русский религиозный философ Василий Зеньковский. В настоящей литературе Гоголь видел действенное орудие, с помощью которого можно пробудить в человеке религиозную искру и подвигнуть его на этот крутой перелом.

От Белинского пошла традиция делить творчество Гоголя на две части. «Ревизор» и «Мертвые души», рассматривались как прямая политическая сатира на самодержавие и крепостничество, косвенно призывавшая к их «свержению», а «Выбранные места из переписки с друзьями» толковались как произведение, явившееся в результате крутого перелома в мировоззрении писателя, изменившего своим «прогрессивным» убеждениям. Не обращали внимания на неоднократные и настойчивые уверения Гоголя, что «главные положения» его религиозного миросозерцания оставались неизменными на протяжении всего творческого пути. Идея воскрешения «мертвых душ» была ключевой и в художественном, и в публицистическом его творчестве. «Общество тогда только

поправится, когда всякий человек займется собою и будет жить как христианин», – утверждал Гоголь.

В 1836 году Гоголь покидает Россию и находит себе приют на долгие годы в Риме. Он считает свое удаление из отечества своеобразным уходом в «затвор» с целью завершения главного труда всей жизни – поэмы «Мертвые души». Свое пребывание в Италии он называет «художнически-монастырским».

Гоголь убежден, что общественно-историческая жизнь нации связана тысячами незримых нитей с душевным состоянием каждого человека, она складывается из мелочей. Именно в мелочах повседневной жизни, в их противоречивом многообразии образуются как положительные, так и отрицательные устремления общественного бытия, как идеальная, «прямая его дорога», так и «уклонения» от нее. Отсюда возникает на страницах «Мертвых душ» редкое сочетание «дробности, детальности художественного анализа» с масштабностью и широтой художественных обобщений.

Поэма открывается въездом в губернский город NN рессорной брички. Знакомство с главным героем предваряется разговором «двух русских мужиков» о возможностях этой брички: ««Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. – «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился».

Знатоки поэмы Гоголя долго ломали голову, почему писатель сделал «странное» уточнение – «русские» мужики. В самом деле – какие же иные, кроме русских, могли оказаться в губернском городе NN? Наконец, сравнительно недавно Ю. В. Манн справедливо заметил, что это уточнение значимо: Гоголь подчеркивает общенациональный масштаб всего, что происходит в поэме. Но это значит, что и бричка Чичикова, при всей ее конкретности и единичности, суть нечто большее, чем экипаж какого-то частного лица. Она символизирует в конечном счете тот путь, ту дорогу, по которой устремилась вся Русь.

До Казани она не доедет. Почему? Знающие толк в русской езде мужики обращают внимание на колесо. Они знают,

что кривое колесо «колесит», то есть едет не прямо, а по кругу, и что на таком колесе быстро «отколесишь», то есть далеко не уедешь: до Москвы доберешься, а до Казани нет. Уже в самом начале поэмы дается намек, что «колесо» брички, в которую уселся самодовольный Чичиков, «кривовато», что русским пространством ему не овладеть.

В «Мертвых душах» нет ничего случайного, каждая мелочь в них «сигнал», «символ», дорога к общему, национальному. Как расчетливый делец, Чичиков еще на губернской вечеринке наметил для себя строгий план путешествия к людям, с которыми завел предварительные знакомства: от Манилова – к Собакевичу. Прощаясь с Маниловым, он попросил описать своему кучеру Селифану предстоящий дорожный маршрут. Селифан, как водится, был под изрядным хмельком, за дорогой не следил, но зато от души возмущался правым пристяжным конем Чубарым, благодаря ленивости которого бричка Чичикова постоянно косит и забирает влево, уклоняясь с прямого пути. «Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю! – говорил Селифан, приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца. – Ты знай свое дело, панталонник ты немецкий!.. Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят! я тебя, невежа, не стану дурному учить. Ишь куда ползет!.. У, варвар! Бонапарт ты проклятый!.. Ты думаешь, что скроешь свое поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение».

Только ли к Чубарому относится эта речь? «Если бы Чичиков прислушался, – пишет Гоголь, – то узнал бы много подробностей, относившихся лично к нему...» Но тут вдруг взбунтовалась русская природа: «сильный удар грома заставил его очнуться», «громовой удар раздался в другой раз громче и ближе». А Селифан, как русский человек, «не вдаваясь в дальние рассуждения», поворотил направо, на первую перекрестную дорогу, «и пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведет взятая дорога».

За «глупостью» Селифана, как в русской народной сказке, скрывается мудрый смысл. Избранная Чичиковым дорога не отвечает сути русской природы с ее особым, связанным с «жизнью по правде» предназначением, с ее недоверием ко всякого рода кривым путям. «Что, мошенник, по какой дороге

ты едешь?» – сказал Чичиков. – «Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!»

Ясно, что дорога, избранная Чичиковым, в русских масштабах и пределах – это дорога в никуда. «Держи, держи, опрокинешь!» – кричал он ему. ««Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул, – говорил Селифан. – Это нехорошо опрокинуть, я уж сам знаю; уж я никак не опрокину». Затем начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал-поворачивал и наконец выворотил ее совершенно набок. Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь». А Селифан «стал перед бричкою, подперся в бока обеими руками, в то время как барин барахтался в грязи, силясь оттуда вылезть, и сказал после некоторого размышления: «Вишь ты, и перекинулась!»»

Поразительно то, что Селифан на Чичикова не обращает внимания, но «поведение» брички его озадачивает. Вот где гоголевский реализм вырастает до символа! «Бричка» – Россия, Селифан – вожатый, а Чичиков? А Чичиков уж не Чубарый ли? Когда в имении Коробочки он раздевается, то «отдает Фетинье всю снятую с себя сбрую, как верхнюю, так и нижнюю». А в конце первого тома, рассуждая, почему добродетельный человек не взят в герои поэмы, Гоголь прямо указывает на правомерность и сознательность этой ассоциации: «Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку... потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем чем ни попало... Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!»

Путешествием Чичикова «правит» не только он сам и не только его Селифан, но еще и случай, названный Пушкиным «мощным и внезапным орудием Провидения»: «…Как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. Издали послышался собачий лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз, от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает». Русский путь немыслим без того, чтобы «возница» не пускал коней «на волю Божию».

Так русская дорога с самого начала сбивает Чичикова с намеченного им «неправого» пути. Ведь случайная встреча

с Коробочкой окажется для него роковой, приведЕт к разоблачению, как и непредусмотренная встреча с Ноздревым. По пути к Собакевичу русская природа вновь путает планы Чичикова: «земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сделались скоро покрытыми ею, как войлоком». Это замедляет движение брички для того, чтобы случайно свести героя с Ноздревым и тем самым нанести второй после Коробочки удар по его хитроумному предприятию.

Третий и столь же случайный удар совершается в пятой главе, перед встречей Чичикова с Собакевичем, когда бричка его, мчащаяся во всю прыть от авантюриста Ноздрева, сталкивается с коляской, везущей домой юную институтку – дочь губернатора. Тут опять приходят на помощь «глупые» мужики из соседней деревни. Они долго и бестолково канителятся, чтобы расцепить и развести спутавшиеся друг с другом экипажи. Плут Чубарый находит «новое знакомство» и «никак не хочет выходить из колеи, в которую попал», положив «свою морду на шею нового приятеля». Чичиков тоже сидит как околдованный, глаз не может отвести от губернаторской дочки. Между тем дядя Миняй и дядя Митяй делают всякие «глупости», скрывая за случайными и нелогичными действиями мудрость русской жизни. Их затянувшаяся бестолковая суета дает время вспыхнуть в душе Чичикова ни в какие планы не входящему чувству очарованности «прекрасной незнакомкой». Это чувство сыграет потом роковую роль на бале у губернатора. Это чувство расшевелит в окаменевшей душе подлеца Чичикова горькие сожаления: «О моя юность! о моя свежесть!» Таким образом, «глупая» русская жизнь буквально с первых шагов начинает спутывать «умные» планы и «верные» расчеты Чичикова. Она сбивает его с намеченного пути, вываливает в грязь, подталкивает на неожиданные и опрометчивые поступки.

Символична здесь и ноздревская шарманка, которая «играла не без приятности, но в середине ее, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась песнею «Мальбруг в поход поехал», а «Мальбруг в поход поехал» неожиданно завершался каким-то давно знакомым вальсом. Уже Ноздрев

давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка, очень бойкая, никак не хотевшая угомониться, и долго еще потом свистела она одна». Замечательны, конечно, в расстроенных душевных «шарманках» гоголевских героев эти «Божьи дудки», которые свистят в них порой сами по себе и часто сбивают с толку так хорошо продуманные, так логично и безукоризненно спланированные аферы!

Во всем, с чем сталкивается Чичиков на пути «предпринимательской» карьеры, чувствуется вопиющий недостаток «здравого смысла» мещанской умеренности и аккуратности, на которых ведь только и держится успех добропорядочного буржуа. Русская жизнь «вредит» ему своими «перехлестами» и «пересолами», целым потоком непредвиденных «мелочей», сующих палки в колеса его брички.

В «глупой» неупорядоченности русской жизни зоркое око Гоголя подмечает какой-то свой, скрывающийся от самодовольного человеческого разума смысл. В гостинице, в общей зале, куда явился Чичиков, были развешаны во всю стену картины, писанные масляными красками, – картины, как и везде, но на одной из них изображена была «нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал».

Этот русский «пересол» берет в плен и самого Чичикова. Вспомним его шкатулку. В отличие от беспорядочной «кучи», которую наш герой встретит в имении Плюшкина, в шкатулке Чичикова царит, казалось бы, идеальный порядок. Как пишет чуткий исследователь Гоголя И. Золотусский, шкатулка Чичикова – «тайник его души» и целая поэма одновременно: «Это поэма о приобретательстве, накопительстве, выжимании пота во имя полумиллиона. Там все разложено по полочкам и чего там только нет... Каждый предмет к делу, все спланировано, лишнее отметено, нужное не позабыто. Куча Плюшкина – это бессмысленное накопительство и уничтожение накопленного, шкатулка Чичикова – уже предвестие деловитости Штольца, да и сам Чичиков говорит, как бы обещая гончаровского героя: «Нужно дело делать»».

Замечательно! Но все ли в этой шкатулке «приведено в симметрию, все ли в ней спланировано, все ли лишнее отметено»? С какой стати, например, в ней оказалась сорванная с

тумбы театральная афишка? Для чего она нужна деловому герою? Что за странные манипуляции он с ней проделывает? Вынул из кармана, стал читать, дочитал до конца, «потом переворотил на другую сторону: узнать, нет ли и там чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протер глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать все, что ни попадалось».

Разве эта деталь, эта «мелочь» не разрушает гармонию и стройность только что «пропетой» И. Золотусским поэмы о русском приобретателе, разве она не обнаруживает в нем ростки плюшкинской неразборчивости и самоуничтожения? Чичиков у Гоголя русский человек, а потому в его действиях и поступках сохраняется тот же самый «перехлест», в который никак не укладывается его буржуазная, предпринимательская душа. То тут то там проскальзывает игра «случайностей», обнаруживается «прореха» в самом неподходящем месте, и все задуманное Чичиковым рушится. За видимым пестрым миром людей и вещей, за характерами героев, главных и второстепенных, за живыми помещиками и подвластными им мертвыми и живыми крестьянскими душами встает со страниц поэмы Гоголя целостный образ помраченной, заблудившейся на неверных путях-дорогах, но еще живой России.

Гоголь говорит: «И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок. Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес Смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки

добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход? где дорога?»

Чичиков – живое воплощение движения русской жизни XIX столетия – дается в поэме с широко развернутой биографией. По сравнению с определившимися и относительно застывшими характерами русских помещиков он являет собой неуемную энергию и деятельность. Но в порыве своем он почти не движется вперед, а все время «кружит» и «колесит», всякий раз возвращаясь в исходное положение. Чичиковский «винт» постоянно срывается с «резьбы» в русской жизни, отторгающей его. Так что судьба героя являет перед читателем цепь, состоящую из стремительных восхождений и столь же стремительных в своей неожиданности катастроф, оставляющих героя у разбитого корыта. Спицы периодически сыплются из кривого колеса чичиковской брички.

Чтобы понять, почему это происходит, проследим вместе с автором предысторию жизни главного героя «Мертвых душ». Чичиков принадлежит к служилому дворянству. Отец его не оставил наследственных имений. «В наследстве оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старых сюртука, подбитых мушками, и незначительная сумма денег».

В отличие от сынков богатых дворян, Чичикову пришлось пробивать себе дорогу в жизни собственными усилиями, опиравшимися на нехитрый «молчалинский» совет, которым сопроводил Павлушу бедный родитель в плавание по морю житейскому: «Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными... больше всего береги и копи копейку; эта вещь надежнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой».

На первых порах отцовское наставление срабатывает безупречно. В школе Чичиков проявляет искусную оборотливость по копеечной части. Его фантазия бойко работает над изобретением всевозможных коммерческих операций.

Успешно складываются отношения со школьным начальством. Лестью он добивается доверия своих наставников.

Отношения с людьми Чичиков завязывает избирательно, предпочитая лишь те, которые приносят ему какую-либо личную пользу. Когда эта польза пропадает, Чичиков бросает человека как ненужную вещь или тряпку. Обладая актерскими способностями, Чичиков ловко входит в доверие к нужным ему лицам и делает значительные успехи на поприще службы. «Все оказалось в нем, что нужно для этого мира: и приятность в оборотах и поступках, и бойкость в деловых делах. С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что называют хлебное местечко».

«Тут только долговременный пост наконец был смягчен, и оказалось, что он всегда не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться в лета пылкой молодости, когда ни один человек совершенно не властен над собою… Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою; уже приобрел он отличную пару и сам держал одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцом; уже завел он обычай вытираться губкой, намоченной в воде, смешанной с одеколоном; уже покупал он весьма недешево какое-то мыло для сообщения гладкости коже; уже...»

Но тут грянула катастрофа и разнесла в прах плоды его трудов. Почти все, чего он добивался с таким терпением и старанием, с такой почти нечеловеческой изворотливостью и аскезой, в одночасье оказалось безвозвратно утраченным. Чичиков столкнулся со странною особенностью русской жизни, мстящей всякому, кто чрезмерно увлечется приобретательством, забыв христианский долг «служить Богу, а не мамоне». На место прежнего «тюфяка»-начальника был прислан новый – русская «коробочка»: «Генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была все равно что железный гвоздь: ничем нельзя было ее оттуда вытеребить». На этот «гвоздь» и наткнулся Чичиков.

Но ведь, кроме внешних «гвоздей» и ухаб, разбивающих на каждом шагу колесо чичиковской «брички», точно такой

же «гвоздь» сидит и в душе самого Чичикова. В его характере далеко не все контролируется и измеряется приобретательским духом. Вот он перебеливает в номере гостиницы списки умерших крестьян, вчитывается зачем-то в заметки Собакевича, представляет в своем воображении каждого мужика поименно, и «какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладевает им». «Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный характер, и через то как будто бы самые мужики получали свой собственный характер... Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: «Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, поделывали на веку своем? как перебивались?»» И в воображении этого «дельца», превратившегося в русского поэта, разгулялась-разлилась на всю Русь целая поэма об умном, дельном и вольном народе. Конечно, эту эпическую поэму о красоте и величии богатырского народного труда вместе с Чичиковым поет и сам Гоголь. Но неспроста же автор считает возможным связать с именем Чичикова замечательные строки, в которых душа его, освободившаяся от мертвых пут «земности», от «мелочей», околдовавших стяжателей и существователей, вырвалась на широкий волжский простор. Есть ведь и во всех «предприятиях» Чичикова некий «перехлест», выход за нормы «добропорядочности» и прозаичности рядового буржуазного стяжательства. Не от русского ли задора в нем идет его нетерпение, неуемное желание рискнуть, но уж взять разом весь капитал? Не русская ли, не разбойничья ли это в Чичикове повадка?

Крах авантюры Чичикова с «мертвыми душами», назревающий в финале поэмы, – это событие большого масштаба и исторической значимости, это свидетельство отторжения русской жизнью того пути, буржуазный дух которого наиболее последовательно воплощает Чичиков. Не случайно в пути своем герой вернулся к тому, с чего все началось, чтобы отсюда, как бы с начала своей юности, выйти на новую прямую дорогу, ибо в финале поэмы русская жизнь отвергает пройденный им жизненный цикл.

Финал поэмы мыслятся Гоголем как выход из «ада». И выход этот сопровождает, конечно, не трагический, а исполненный веры и надежды мотив: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух: летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Пора оставить всякие домыслы относительно того, кто сидит в этой тройке, и сомнения – уж не Чичиков ли правит ею? В финале первого тома Гоголь предвосхищает свершившееся Божье чудо. Мчится тройка-мечта, обновленная Россия, «вся вдохновенная Богом», вышедшая на праведные, прямые пути. Русь-тройка – поэтически воплощенная вера в

высокое всемирно-историческое предназначение России как православно-христианской страны. Вслед за почитаемым им Гердером в Германии и славянофилами в своем отечестве Гоголь, поэт и историк, не сомневается в этом предназначении, если Россия вернется к самой себе, к своим древним истокам и святыням.

Работа над вторым томом «Мертвых душ» идет у Гоголя медленно и трудно. Сказывается многолетнее пребывание в Риме, отрыв писателя от живых русских впечатлений. Его письма этой поры наполняются призывами сообщать ему как можно больше сведений о текущей русской жизни. Затрудняет работу чувство ответственности, давит бремя тех высоких обязательств, которые он взял на себя перед читателями. Ведь обещано что-то необыкновенное и прекрасное, способное подвигнуть к возрождению заблудившуюся современную Россию. Если раньше «плодотворное зерно» русской жизни Гоголь искал в историческом прошлом («Тарас Бульба»), то теперь он хочет найти его в современности. Гоголь верит, что душа русского христианина, пройдя через страшные искушения и соблазны, вернется на путь православной истины. В глубине падения своего, на самом дне пропасти, ощутит христианин загорающийся в его душе праведный свет, голос совести. Один из героев незаконченного второго тома, обращаясь к Чичикову, говорит:

«Ей-ей, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят и режут друг друга люди, точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, брося все то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности как во всем народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно. Что ни говорите, ведь от души зависит тело... Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу!»

В том же томе генерал-губернатор, почувствовав бесплодность борьбы со взяточничеством административными мерами, собирает всех чиновников губернского города и произносит перед ними такую речь: «Дело в том, что пришло

нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды...»

Речь военного губернатора к подчиненным здесь напоминает речь Тараса Бульбы о «товариществе». Но если запорожский герой Гоголя призывал народ к сплочению и духовному единству перед лицом внешнего врага, то герой второго тома «Мертвых душ» зовет к всеобщей мобилизации и ополчению против врага внутреннего. Именно в духовной перспективе, открывшейся перед Гоголем, можно правильно понять направление и пафос финала первого тома «Мертвых душ». Но работа над продолжением поэмы идет у Гоголя трудно. В одну из отчаянных минут 1845 года Гоголь сжигает уже написанный второй том.

Он решает сосредоточиться и выйти к соотечественникам с книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846). В этой книге Гоголь возрождает прерванную в русской литературе традицию прямого обращения к читателю в жанре поучения, распространенном в древнерусской литературе («Слово о законе и благодати митрополита Илариона», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о погибели Русской земли» и др.). Гоголь возрождает пророческий пафос нашей древней литературы с ее стремлением «глаголом жечь сердца людей». Этот пафос был для Гоголя естественным и органичным. Вспомним прямые обращения к читателю в первом томе «Мертвых душ», которые неправомерно называли «лирическими отступлениями».

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь коснулся всех сторон русской жизни – от управления государством до управления имением, от обязанностей

гражданина до обязанности семьянина, от назначения Русской Православной Церкви до призвания русского писателя. Гоголь учит каждого русского человека на своем месте, при своей должности делать дело так, как повелевает высший небесный закон. «Мы трупы, – пишет Гоголь, – мы выгнали на улицу Христа». Обращаясь к царю, Гоголь призывает: «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое – быть образом Того на земле, который Сам есть любовь».

В стане Белинского и группировавшихся вокруг него писателей «натуральной школы» эта книга была воспринята как измена Гоголя своему направлению и своим сочинениям. В перешедшем в руки Некрасова и Белинского «Современнике» русский критик назвал эту книгу падением Гоголя. Осенью 1847 года Гоголь получил от Белинского гневное письмо, глубоко уязвившее и талант, и благородные намерения писателя. «Россия, – наставлял Белинский, – видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и неволе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью < … > Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь – это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, – чем и продолжает быть до сих пор.

Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плети его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста...

А потому, неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, Вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем как первое никогда ничем не было, кроме как слугою и рабом светской власти; но неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится – молиться, не годится – горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем.

Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностию – ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противуположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительно».

Собравшись с духом, Гоголь стал писать Белинскому ответ.

«Я встречал в последнее время много прекрасных людей, которые совершенно сбились, – обращался Гоголь к Белинскому и людям его круга. – Одни думают, что преобразованьями и реформами, обращеньем на такой и на другой лад можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни пылкие головы. Брожение внутри не исправить никакими конституциями. Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполняла должность свою. Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство». Источник этих убеждений писателя очевиден: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33).

«Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? – задает Гоголь вопрос Белинскому. – Неужели нынешние коммунисты и социалисты, объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние? Опомнитесь! ... Христос нигде никому не говорил отнимать, а еще напротив и настоятельно нам велит Он уступать: снимающему с тебя одежду,

отдай последнюю рубашку, с просящим тебя пройти с тобою одно поприще, пройди два».

О невежестве Белинского Гоголь сказал без обиняков: «Нельзя, получа легкое журнальное образование, судить о таких предметах. Нужно для этого изучить историю Церкви. Нужно сызнова прочитать с размышлением всю историю человечества в источниках, а не в нынешних легких брошюрках, написанных Бог весть кем. Эти поверхностные энциклопедические сведения разбрасывают ум, а не сосредоточивают его. <…> Вы отделяете Церковь и ее пастырей от Христианства, ту самую Церковь, тех самых пастырей, которые мученическою своею смертью запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили своих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал Христа. И этих самых Пастырей, этих мучеников, Епископов, вынесших на плечах святыню Церкви, вы хотите отделить от Христа».

В ответ на превознесение Белинским Вольтера Гоголь сказал: «Вольтера называете оказавшим услугу Христианству и говорите, что это известно всякому ученику гимназии. Да я, когда был еще в гимназии, я и тогда не восхищался Вольтером. У меня и тогда было настолько ума, чтобы видеть в Вольтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека. Вольтером не могли восхищаться полные и зрелые умы, им восхищалась недоучившаяся молодежь».

Больно задели Гоголя рассуждения Белинского о безбожии русского народа: «Что мне сказать вам на резкое замечанье, будто русский мужик не склонен к Религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которые вы с такою уверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут говорить, когда так красноречиво говорят тысячи церквей и монастырей, покрывающих Русскую землю. Они строятся не дарами богатых, но бедными лептами неимущих, тем самым народом, о котором вы говорите, что он с таким неуваженьем отзывается о Боге, и который делится последней копейкой с бедным и Богом, терпит горькую нужду, о которой знает каждый из нас, чтобы иметь возможность принести усердное

подаяние Богу? ... Теперь позвольте же сказать, что я имею более перед вами права заговорить о русском народе. По крайней мере, все мои сочинения, по единодушному убежденью, показывают знание природы русской, выдают человека, который был с народом наблюдателен и... стало быть, уже имеет дар входить в его жизнь, о чем говорено было много, что подтвердили сами вы же в ваших критиках. А что вы представите в доказательство вашего знания человеческой Природы и русского народа, что вы произвели такого, в котором видно это знание? Предмет этот велик, и об этом бы я мог вам написать книги».

Причину заблуждений Белинского Гоголь видит все в том же – в незнании России: «Нет, Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятьях легких журнальными статейками и романами тех французских романистов, которые так пристрастны, что не хотят видеть, как из Евангелия исходит истина, и не замечают того, как уродливо и пошло изображена у них жизнь».

Гоголь показал Белинскому, что они расходятся в самом понимании «просвещения». Для Гоголя просветить человека – значит не только вооружить его знаниями, но и облагородить его сердце. «Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут... все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая личность и спрашивает невольно, где наша цивилизация?»

Однако Гоголь оставил эти ответы Белинскому в черновиках и написал ему другое письмо, в котором советовал не горячиться, беречь себя и настраивать на мирный лад свою страстную, мятущуюся душу.

В феврале 1848 года Гоголь возвращается на родину через Иерусалим, где он молится у гроба Господня о ниспослании ему сил для завершения труда. Эти силы были уже на исходе. Но в России работа пошла успешно, появилось вдохновение. Второй том был фактически написан полностью. И вот 2 сентября 1851 года Гоголь посылает матери из Москвы тревожное письмо: «Здоровье мое сызнова не так хорошо, и, кажется, я сам причиною. Желая хоть что-нибудь

приготовить к печати, я усилил труды и через это не только не ускорил дела, но и отдалил еще года, может быть, на два. Бедная моя голова!»

Открыв завершенную уже рукопись, Гоголь вдруг почувствовал мучительную неудовлетворенность ею, начал правку и в несколько месяцев превратил беловик в черновик. А физические и нервные силы писателя были уже на пределе. Неподъемный труд, начатый сызнова, изматывал его вконец. 10 февраля 1852 года Гоголь просит А. П. Толстого, в доме которого он жил, взять у него рукопись завершенного второго тома и передать митрополиту Филарету, чтобы тот отобрал из нее нужные, с его точки зрения, главы, а остальное обрек на уничтожение. Выполнить эту просьбу Гоголя Толстой не решился.

Перед Гоголем вставала дилемма: или долг писательского служения, или удаление от всего мирского и уход в монастырь. ПричЕм то и другое в его сознании оказалось связано неразрывно и нераздельно. Жуковский, очень близкий Гоголю человек на последнем этапе его жизни, узнав о смерти друга, писал П. А. Плетневу в марте 1852 года: «Я уверен, что если бы он не начал свои «Мертвые души», которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы был монахом, и был спокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно».

Можно усомниться в том, что это удаление из мира далось бы Гоголю легко. Ведь и в монастырь он собирался во имя такого духовного очищения и просветления, которое придало бы особую силу и действенную мощь его писательскому слову.

В ночь с 11 на 12 февраля Гоголь неустанно молился до трех часов, а потом разбудил слугу, мальчика Семена, приказал открыть трубу в печи и сжег второй том «Мертвых душ». Мальчик плакал: «Что вы сделали?» – «Тебе жаль меня?» – спросил Гоголь, обнял, поцеловал его и заплакал сам.

В восемь часов утра 21 февраля 1852 года Гоголь ушел из жизни. Вся Москва провожала его на кладбище Данилова монастыря. «Это истинный мученик высокой мысли, мученик нашего времени», – писал о смерти Гоголя С. Т. Аксаков

своим сыновьям. Неудача второго тома говорит, скорее всего, о неподъЕмности тех задач, которые Гоголь в нем поставил. Ведь ему хотелось, чтобы книга повернула на новый путь духовного возрождения всю Россию. Для этого ему нужно было «найти всемогущее Слово» – равное тому, какое «было у Бога и было Бог». Нет сомнения, что Гоголь тут переоценивал писательские силы и человеческие возможности даже своей исключительной одаренности, своей писательской гениальности.

«Вторая половина жизни и творчества Гоголя, – утверждает современный исследователь В. А. Воропаев, – ознаменована направленностью его к искоренению недостатков в себе самом – и таким образом он идет путем внутренним». Почему? В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь сказал по этому поводу следующее: «…Найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдешь, тогда этим же самым ключом отопрешь души всех».

Духовная драма Гоголя только еще раз подтвердила особое отношение русского писателя XIX века к художественному слову, во многом превосходящее сугубо эстетические задачи и проблемы. Ему было свойственно религиозное отношение к слову и с литературным трудом он связывал надежды на духовно-нравственное очищение и обновление России.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Бунин, хорошо знавший мать и сестру Чехова, вспоминает, что на его вопрос, плакал ли когда-нибудь Антон Павлович, мать и сестра категорически отвечали: «Никогда в жизни». Бунин нашел эту черту Чехова замечательною. Сдержанность Чехова вошла в поговорку. Это не только факт биографический, факт, имеющий отношение к характеру Чехова, но и факт литературный и исторический. Сдержанность – привычка пера Чехова и самозащита от преувеличений и крайностей. Чехов не любил ничего высокопарного и громкого. Он как

бы приглушал в своей прозе звук: о высоком говорил между делом, о значительном – ровным голосом. Все чрезмерное, избыточное Чехов старался перевести на уровень естественного, простого, здорового. Здоровье и мера – цель Чехова и его идеал.

Чехов – поэт строгой взвешенности и самоограничения, без которых нет нравственности, нет культуры. Ибо что такое культура, как не понимание меры вещей, меры взыскательности и меры поступков? Поэтому Чехов никого не казнит и не отлучает от истины. Он терпим к многообразию идей и многообразию людей.

Толстой как-то сказал, что у Чехова нет мировоззрения. У Чехова нет открытого прокламирования своей веры, как у Толстого. Его вера не рвется на подмостки, не вещает, не глаголет, как вера Толстого. Она спрятана в интонации, в подробностях, в лицах, в пейзаже, во всем очаровании чеховской терпимости, которая есть его стиль. Толстой, однако, любил в Чехове Чехова – его любовь к людям, запечатленную в таких рассказах, как «Тоска», «Душечка», «Спать хочется», «Злоумышленник».

Эта любовь и была верой Чехова, его мировоззрением. Пример Чехова – пример неумышленного человеколюбия в литературе, человеколюбия природного, данного от рождения и потому неистребимого. Когда герои Чехова произносят фразы о любви – это еще не любовь. Это ирония Чехова над декламацией, над растратой слов, над краснобайством. Русскому человеку свойственно пофилософствовать на эту тему – Чехов такого философствования не приемлет.

Чехов родился в семье лавочника, но сумел выработать из себя интеллигента, и по сей день остающегося символом интеллигентности на Руси. Когда хотят отметить в человеке какие-либо прекрасные качества, вспоминают Чехова. Когда говорят о единстве слова и дела, вспоминают о нем же. До конца своих дней Чехов отсылал книги в Таганрогскую городскую библиотеку, которая существовала благодаря его дарениям, до последних дней оставался врачом, помогающим больным, хотя и оставил уже врачебную практику. Поездка Чехова на Сахалин – тоже помощь, выражение чувства вины интеллигенции перед народом, перед страдающими, перед

отверженными, перед несчастными. Три месяца дороги и пребывание на острове, где Чехов вел перепись каторжников и старался, как мог, ободрить их,– подвиг русского писателя, аналогом которому может служить лишь его же, Чехова, работа на голоде, как и работа на голоде Льва Толстого. Поразителен документ об отказе Чехова от звания почетного академика. Чехов пишет, что отказывается от этого звания потому, что факт исключения Горького из числа членов Академии противоречит его совести. Выборы Горького в академики признаны недействительными от имени Академии, пишет Чехов, а Академия – это и я, значит, получается, что я, поздравляющий Горького с избранием в Академию, сам же и отказываю ему в этом звании. «Такое противоречие не укладывается в моем сознании»,– добавляет Чехов и просит освободить его от звания почетного академика. Я не верю в абстрактные понятия, говорил Чехов, «я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики,– в них сила, хотя их, и мало». Таким отдельным человеком русской жизни и был Чехов. Он не принадлежал ни к каким течениям, ни к каким направлениям и ни к каким партиям. Он сам был направление и течение, которое, как оказалось, пролегло через фарватер нашей истории. Он был за то, чтоб дать слово всем, чтоб всякий человек мог высказаться и проявить себя как гражданин отечества. Важно только, чтоб он действовал как гражданин отечества, а не как гражданин своей выгоды. «Несть праведен пророк в отечестве своем,– писал Чехов,– и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют но работа их видна...» На эту терпеливую работу каждого чело века и рассчитывал Чехов. На нее он надеялся. Не бурями и землетрясениями изменится мир, а этой, отпущенной каждому в меру его сил работой.

В завещании, оставленном на имя сестры, Чехов высказывает пожелание, чтоб доходы от его сочинений поступили «в распоряжение Таганрогского городского управления на нужды народного образования». Эта последняя воля Чехова находится в соответствии со всей жизнью Чехова, положенной, как в таких случаях принято говорить, на алтарь служения людям.

«Круг чтения»

1. ОТЗЫВ НА ПОВЕСТЬ

Кажется, впервые за всю мою многолетнюю редакторскую практику повесть Т. Марьиной поставила меня в тупик. Огромный эмоциональный потенциал этой вещи» достигающий к концу почти белого накала, фактически лишен средств выражения.

Сюжетно повесть выстроена достаточно сложно, причем сделано это сознательно с помощью игры шрифтов. А в слове она беднее и невыразительнее самой средней газетной статьи.

Короткая рубленая фраза: существительное и глаголы, ни причастия, ни деепричастия. Совершенно отсутствует метафора, редкие эпитеты заштампованы, мертвы. Нет и малой попытки художественности (портрет, пейзаж).

В начале чтение затруднено буквально частоколом восклицательных знаков, с помощью которых автор пытается достичь эмоционального воздействия там, где оно отсутствует. В конце, где эмоция возникает естественно, восклицательные знаки исчезают сами собой. Автор этого не замечает.

В связи со всем вышесказанным, поскольку эмоциональный заряд произведения спрятан в конце, или, скажем, нарастает лишь со второй половины, читать повесть почти невозможно. Меня заставила сделать это только давняя редакторская привычка. Но дочитывала я повесть сквозь бессильные слезы – так захватила меня трагическая судьба ее героини, Нади. А плачу я очень редко. Но ведь хотелось бросить чтение на половине пути и отмахнуться... В чЕм тоже признаюсь.

Так что же перед нами? Художественное произведение? Нет, ибо у художественной литературы свои законы существования» сколько бы не твердили сегодня о поиске новых путей самовыражения.

Читатель должен воспринимать написанное всеми чувствами, но, прежде всего, видеть. Здесь же увидеть невозможно ничего и никого, можно только сопереживать происходящему.

Естественно, наиболее полно показана героиня Надя. Однако лишь в последней трети повести мелькает сообщение, что

у нее длинная коса и она носит очки... А вообще какая она? Худенькая, маленькая – это ясно, но что отличает ее от других таких же худышек?

Каков ее муж, Дима, каковы дети – вообще неведомо. О родне нечего и говорить: одни, легко забываемые, имена. Не вижу я и ее наперсницу Любу. Броская, яркая? Но почему так серы, безэмоциональны ее письма? И в них тоже безликие имена каких-то действующих лиц.

Тем более мы не видим обстановки, в которой проходит жизнь этих двух женщин, узнаем лишь о том, что с ними случается.

Это не повесть – документ нашей страшной эпохи. И место ему в музее. Письма-то, похоже, подлинные, в них и вся ценность этой вещи.

Исходя из этого, следовало бы разобраться с началом повести. Вообще все, что касается институтской самодеятельности, свести до минимума, ибо нечто подобное делалось в институтах и до и после. Сколько бы раз автор не упоминала о «светлой» головке Нади, никаких взлЕтов таланта на сцене же не просматривается: приводимые тексты банальны, смысл их ясен только самим участникам представления. Не интересен и грозный Шеф – было многажды.

Альпинизм – другое дело, фигура Снежного Барса важна, как один из кирпичиков будущего, обреченно драматического, характера героини. Но, как и все остальные, он тоже не виден, не выписан хоть сколько-то ясно.

А ведь вся трагедия Нади (и многих ее сверстниц) в том, что она в институте привыкла смотреть на жизнь с альпийских горных высот, а выживать пришлось в глухом совхозе, где подойти к людям с достаточным пониманием она не умела.

...Скоро год, как я сотрудничаю в газете «Хронометр», получаю читательские письма. Их много. И я вижу, что в смысле выбора героини для своей повести Т.Марьина, что называется, попала в яблочко: в судьбе Нади отражена трагедия последнего советского поколения. Эти люди обречены, поскольку при многих прекрасных идеалистических качествах они лишены главного – чувства времени, способности приспособиться к нему.

Вторая героиня повести, Люба, проще, она не поднималась на вершину с кирпичом в рюкзаке. Ей, горожанке, очень трудно в деревне, жизнь и ей сулила что-то иное, высокое, но недодала. Однако она живет и жить будет, да еще место подходящее (библиотека) для себя нашла. И ее тоже жаль: надрывается на работе добрый муж, болеют дети, но все же это не трагедия.

Обречена Надя с ее максимализмом.

Правда, в конце возникают вопросы, и не один. Что развело ее с мужем? Поскольку сам Дима назван, но не показан, не видно движение его души, характер, неясны и причины его ухода. Не только от жены, но и от детей. Я лишь предполагаю, но, может быть, это разочарование в сыне? Ясно же, что Паша болен безнадежно...

Еще вопросы: как Надя попала в больницу (Петелино), куда все-таки делись ее дети? Забрали в детский дом? Даже в наши жестокие дни это как-то делается обычно. Тут необходимо некоторое прояснение. Кроме того, следует убрать высокопарно манерное обращение к Музе и свести до минимума присутствие в повести автора. Оно только мешает делу, а нужно-то по сути лишь в самом конце, чтобы рассказать о смерти Нади. Просто в качестве послесловия. Стихи Андрея Макаревича (к подлинной поэзии отношения не имеющие) в качестве финала – увы, просто пример авторского дурного литературного вкуса, к сожалению, в повести не единственный.

Такая она вся горбатая – эта повесть. И сделать с ней ничего нельзя. Бесполезно говорить о работе над словом : автор его природно не слышит и не видит, не нужны какие бы то ни было дополнения и новые персонажи.

Повторяю: это не повесть, а документ, свидетельство эпохи. Очень хорошо, что удалось сделать компьютерный набор. Пусть хранится. Больше мне сказать нечего.

7.12.99

С уважением – О.Гуссаковская

2. ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ

Я прочла прекрасную книжку З.Чалуниной, но вот какое бы ей название придумать? «Такое далекое близкое детство» – никуда не годится. Что-то простое и теплое, как сама эта проза: «Анютин прудок»?

Хороша и маленькая повесть, и рассказы ей не уступают. Но вот для кого это написано? Жаль, но не для детей, а для ровесников, тех, кто подобное пережил и помнит. Можно сколько угодно сожалеть об «американизации» сознания молодежи, понимать, что именно такая, добрая и светлая, проза могла бы выправить больные души... Бесполезно! Не прочтут.

Но книга нужна. Ока – живое и яркое свидетельство прошлого, которое все равно однажды будет востребовано. З.Чалунина – бесспорно, талантлива, но мне пока неясно: сможет ли она перешагнуть через мир воспоминаний и сделать следующий шаг? Великолепных книг-воспоминаний в литературе не счесть. Но очень часто они и оставались единственными у автора. Как будет здесь – не знаю. Но от всей души желаю успеха в любом направлении творчества.

Январь 2001 г.

О.Н.Гуссаковская

3. О РАССКАЗАХ

Первый рассказ «Этюд о любви» (подзаголовок – «Житейские были») я прочел около месяца тому назад, сделал на полях пометки, высказал автору свое мнение устно. Автор этот рассказ переписал, согласился изменить его композицию. Вместе с переработанным рассказом принес другой «Роман в стихах», имеющий подзаголовок: «Ироническая проза». Но – по порядку.

В переработанном виде рассказ «Этюд о любви» становится более «выписанным» и логически выстроенным. Практически мои претензии к композиции теперь сняты. По-своему

это трогательное, порою даже щемяще-трогательное повествование о любви, передающее и мысли героев (да и герои ли они?), и чувства, и описание окружающего мира (хотя бы в границах плесского санатория-пансионата). В самом сюжете есть даже нечто бунинское, когда одна случайная встреча мужчины и женщины становится «солнечным затмением», способным либо не способным перевернуть всю оставщуюся жизнь. Рассказ ли это?.. Не знаю. Не могу ответить на простой, казалось бы, вопрос. В классическом виде рассказ должен быть более четко «прописанным», избавленным от случайных, второстепенных подробностей и т.п. Здесь же – немало минусов именно литературного свойства. Это и запутанность прямой речи, когда рассказ одного рассказчи ка заключен внутри рассказа другого, и обилие бытовых подробностей, и прозаизм (если не банальность) самой ситуации (встреча двоих в санатории), причем помноженный на прозаизмы в самом авторском тексте и речи персонажей... Именно последнее и вызвало у меня наибольшие сомнения.

С одной стороны, автор (в обоих рассказах) стремится к чему-то не земному, непередаваемо-возвышенному (например, «я испытывал жгучее желание назвать ее Принцессой» /стр. 2/, имя Данте Алигьери /стр. 8/, «за грациозность, изящность и элегантность я за глаза нарек ее на французский манер – Элен-Николь» /стр. 9/ – подразумевай, что «в миру» Она была, допустим, Еленой Николаевной), с другой стороны, обилием бытовых подробностей, приземленностью поступков, подробным (все-таки излишне подробным для героини с заглавной буквы – Она) описанием изнасилования («он бросил меня на кровать и стал рвать платье», «было очень больно», «почему-то было много крови» /стр. 4/), описанием доставания героиней из-за пазухи целлофанового свертка с пирожками, согретыми на груди, автор добивается обратного эффекта. Едва ли читатель сможет вслед за автором совместить подчас несовместимое. Такая попытка порою вызывала во мне, как читателе, обыкновенное раздражение.

Мои замечания могут показаться не всегда относящимися к области литературы, но... У настоящего писателя (и классики это доказали!) нет ничего лишнего и случайного: ни в описании, ни в разработке характеров, ни в выборе

средств художественной выразительности. Да, какие-то длинноты могут быть, наверное, и у них, однако случайные слова, реплики, отступления, ничего не значащие и не работающие на сверхзадачу описания внешности, природы и т.п. – все это отсутствует. И за подобным отсутствием случайного видна кропотливая литературная работа, начиная от самых первых замыслов до окончательной «шлифовки» текста. Это – аксиома. Черновики классиков говорят, что порою писатель – во имя Главного – отказывался от целых глав (простите за невольную тавтологию). И некоторые свои произведения он, писатель-классик, впоследствии считал просто опытами, подготовительными работами, своего ро да эскизами – не более.

Исходя из всего выше сказанного, считаю, что по двум произведениям Валерия Владимировича Алексанина составить о нем впечатление, как о прозаике, я пока не могу. Оба рассказа чересчур однотипны, ситуации, описываемые в них, в принципе похожи, психологический портрет – и в том, и в другом случае – самого рассказчика – чрезвычайно похож. Это не минус – при условии, что есть другие рассказы, прозаические опыты, затрагивающие другие темы, другие срезы жизни и т.д. Считаю целесообразным пригласить автора на областные творческие семинары, которые проводит писательская организация. Надеюсь, именно там более подробный анализ произведений В.В.Алексанина сделают костромские прозаики, отдавшие литературной работе многие и многие годы. Надеюсь так же, что мои замечания (замечания человека пишущего, но – пишущего все-таки стихи, а не прозу) не вызовут у автора чувства подавленности либо ощущения, что его просто не хотят понять. Свои впечатления от прочитанного (а там была и похвала) я уже высказывал устно, на полях второго рассказа сделал пометки... Повторяться – это значило бы толочь воду в стуле, когда есть более конструктивный (как сейчас принято говорить) выход – пишите, пишите, пишите.

Е. А. Разумов
Литконсультант-редактор

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Две новости

Для Галины Божко у меня две новости – одна хорошая, другая – не очень. С которой начать? С хорошей? Хорошо, начну с «не очень».

Мне не очень понравился фантастический рассказ «Я тебя породил...». Скучновато сотворен. Без выдумки, без блеска, без юмора. Хотя тема взята интересная. Приходилось читать неоднократно о коллизиях, возникающих при наличии человека и его клона, человека и его двойника. Разные авторы по-разному писали об этом, но всегда было интересно следить за развитием событий. А в рассказе Галины сотворено целых пять! копий одного индивидуума! И что? Да ничего. Все плавно сведено на нет. А ведь из этого сюжета можно соорудить роман, да изготовить его с юморком, как Галина может!

Хотя кое-что интересное в рассказе встречается. Взять наш «великий, могучий...».В первом же предложении читаем: «...пустая глухота вакуума окутала все вокруг». В третьем: «Все они сели, соблюдая минуту необходимой задумчивости перед началом отправки». И подобное написано автором «Щукарихи»!? Не верится!

На второй странице у копий возникла «...проблема имени, некоторой, пусть приблизительной, самоиндификации...» Что сие слово означает? В словарях такого нет. Есть «идентификация», производное от глагола «идентифицировать», что значит –устанавливать совпадение, идентичность. По смыслу, вроде, подходящее для ситуации (хотя устанавливать совпадение, причем приблизительное! копии – полнейший абсурд), но почему автор употребил другое, известно только ему. Может, потому, что оно очень мелодичное и его можно распевать во всю ивановскую?

На двенадцатой странице, опровергая открытый Ньютоном и казавшийся незыблемым доселе закон всемирного тяготения, у автора «Три луны, соблюдая очередь, быстро перемещались, почти касаясь атмосферы планеты».

В завершение заметок о рассказе должен извиниться за облыжное утверждение, что нет в рассказе юмора. Оказывается, есть: на странице одиннадцатой одна из копий, Глеб, получает новое имя – Геб! До этой страницы было известно нам имя «Геба» – так звали богиню юности, дочь Зевса и Геры. Взяла, отняла Галина Божко одну буковку от имени женского – вот вам и имя мужское, небывалое. Смешно...А если заменить последнюю буковку в новом имени, будет еще смешнее...

Поскольку из двух обещанных новостей осталась только одна, причем хорошая, здесь ее и обозначим: мне очень понравилась сказка для взрослых девочек «Щукариха». Сотворена с выдумкой, с блеском, с юмором, к «великому, могучему» – никаких претензий. Если бы не было черным по желтому оттиснуто одно и то же имя, ни за что бы не поверил, что автор – один. Не мешало бы поменять местами две последние буковки фамилии на обложке сказки...

Только одна непонятка на шестидесяти страницах: как смогла тринадцатилетняя Лизавета (пусть и безбашенная!) держать на руках котика Баюна «весом кило под сорок»?! стр.24 Впрочем, в сказках бывают и не такие чудеса.

И все-таки нужно, чтобы Лизхен не сусюкала, а сюсюкала. Так принято почему-то. Стр.16.

Спасибо Галине Божко за удовольствие, испытанное при чтении сказки «Щукариха». Думаю, в этом поле нужно ей пахать, сеять и собирать урожай.

«Синица под дождем»

В сборнике студентки КГУ им. Некрасова – 53 стихотворения. Почти под каждым из них проставлена дата написания. Почти все они – о любви. А кто в ее годы не писал и не пишет о любви, будь на дворе столетие девятнадцатое, двадцатое или двадцать первое? Вопрос риторический. А кто из рецензентов, открыв и прочитав первую книжку, не хотел бы порадоваться, что ему довелось обнаружить новое светлое дарование и объявить об этом окружающим и, в первую очередь, автору?

К великому моему сожалению, это – не тот случай. Не смогла ничем поразить меня и порадовать Таня Самохова. Да, она не лишена литературного дара, сносно владеет техникой стихосложения, использует разные размеры, есть у нее чувство ритма. Все это Таня небезуспешно использует при написании стихов. А вот с рифмой у нее – отношения сложные. Примеры навскидку: стр. 18 ответа – поехать, поверить – не первый.

стр. 19 изловить – любви, понятно – правда.

Уверен, что Таня смогла бы рифмовать гораздо лучше. Очень хотелось бы ошибиться, но кажется мне, что несерьезно она относится к поэзии. Сесть к столу письменному или компьютерному, перенести на бумагу несколько слабо рифмованных строчек за один присест, поставить дату, поместить написанное наспех в сборнике... Хотел закончить цитатой со стр.23:

Я для тебя писала роль
И увлеклась своей игрой.
Герои наши не просты –
Мишень и призрак пустоты.

и сделать вывод, что в этом четверостишии – суть творчества Татьяны Самоховой и конечный результат его. Но как же быть вот с этим:

...На землю медленно и робко
Ложится влажный желтый лист.
Хочу я осень полюбить,
Чтоб в этой грусти и печали
Мне дальше верить, дальше жить.
Но полюблю ее едва ли...

Стр.7

Страницу прошлого без сожалений скомкав,
Я подожгла и отошла в сторонку.
Всплывали в дыме имена и лица.
Горела, корчилась затертая страница.

Стр.19

К сожалению, мало, очень мало таких строк в сборнике. Но ведь они есть! Говорят, первая ласточка весну не делает. Но первые ростки настоящей поэзии, если за ними бережно ухаживать, лелеять их, не жалея труда оберегать от засилья сорных слов и образов, рано или поздно за все вознаградят автора.

«Сказки бабушки Татьяны»

Начну, пожалуй, с претензий к редактору, чье имя четко обозначено на внешней стороне обложки – после внимательного прочтения «Сказок» (хотя сказками небольшие зарифмованные рассказики о животных можно назвать лишь с очень большой натяжкой) и исправления ошибок книжка выглядела бы значительно лучше и интереснее. Однако этого по какой-то причине не случилось – и мы имеем то, что имеем.

А ошибок и смысловых, и даже грамматических более чем достаточно для книжечки такого объема. Примеры:

Стр.4 ...Не как не спится озорному крошке

Стр.5 Как-то утром две лягушки... на пригорке отдыхали... По трясине по болотной шел Журавушка голодный, Вдруг увидел двух зеленых Квакшей, солнцем разморенных.

И воскликнул: «Без трудов Вот и завтрак мне готов!» Но услышав журавля, Вмиг проснулись две лягушки – Закадычные подружки, Закричали: «Квак-ля-ля!»...

О чем поведала бабушка доверчивому внуку? Две зеленых лягушки отдыхали на пригорке, журавль, шедший по болоту, сумел их обнаружить (в зеленой траве!), подружки услышали его восклицание, закричали и пустились наутек. Кроме неувязки с местонахождением героев этой истории, следует отметить, что квакши – это древесные лягушки, живут на деревьях, водятся на юге России. А звук «квак-ля-ля» не под силу издать никакой лягушке.

Стр.7 Все почему-то пишут «бояться», а не «баяться». Или кошек, лисиц и Бабок-Ежек нужно именно «баяться»?

В концовке произведения заложен мощный антивоспитательный заряд:

– Дай мне хоть половину! –Кричит хохлатка сыну. Цыпленок лапкой топнул:

– Сам съем его, хоть лопну! Мотай на ус, внучек!

Стр.8 Ежонок с Зайчонком играли в неведомую доселе игру – «прядки». Жаль, не описан процесс игры.

Стр. 10 Тут ворона пролетела и добычу съела!!! ???

Стр. 12 Непослушание – не хулиганство!

И слово «хулиган» – не к месту, и в саду диван – тоже. Боюсь, для рифмы он там.

Редактор, конечно, не доглядел. А куда смотрел автор?

Кто-то из известных сказал, что для детей нужно писать как для взрослых, только лучше. Мне довелось прочесть солидную подборку стихов Татьяны Борисовой для взрослых. Для них она пишет лучше...

«Принцесса»

Сборник содержит 21 стихотворение. Из них оставлено мною без замечаний 16. Для начинающей коэффициент полезного действия очень высок. О чем пишет Анюта Коротаева? Да о любви, конечно! О которой столько написано, что, кажется, и словечко вставить некуда. Но Анюта нашла свои слова, свои образы, свою манеру письма – и стихи ее читаются с интересом. Конечно, грамотность, владение техникой стихосложения играют в этом не последнюю роль, но главное в том, что сплав мысли и чувства в стихах Анюты не может не вызвать сопереживания.

Однако о пяти стихотворениях необходимо поговорить особо. Это – «Апрель», «Шоколад», «Ты был прекрасен и умен...», «Опять душа моя в снегу...», «Что значит ждать звонка...».

«Апрель». В пяти строфах слово «апрель» встречается четыре раза, и каждый раз к нему нужно подобрать рифму. Анюта, конечно, срифмовала – и это погубило стихотворение: форма преобладает над содержанием. Пустышка. Формальные изыски ведут в никуда.

«Что значит ждать звонка...». Та же беда. Только, в отличие от предыдущего, стихотворение можно спасти, убрав ненужные «что» из второй строфы – там, по сути, уже содержатся ответы, а не вопросы.

«Шоколад». Слащавая метафора объемом в три четверостишия. Альбомный стишок. Анюте изменило чувство меры.

«Ты был прекрасен и умен...». Стихотворение путаное. Совершенно неоправданная концовка: в четырех строфах героиня убеждала возлюбленного, что она не актриса, что она жила, а не играла – а в последней говорит о себе, как о неудавшейся актрисе. Дело можно поправить, убрав ненужные

третьи строчки из первых трех строф, четвертую – из четвертой строфы, убрав третью и заменив последнюю строчку в пятой строфе (или вообще исключив эту строфу).

«Опять душа моя в снегу...». Два последних четверостишия – лишние.

Как Анюта отнесется к моим советам – ее дело. А я желаю ей дальнейших успехов и новых творческих удач. Уверен, они будут.

Павел Мельников,
член Союза писателей России

Наталия МУСИНОВА

«НОВАЯ ВОЛНА»

Творчество молодых – представителей «новой волны» костромской литературы: Рината Мусина, Екатерины Барышевой, Анастасии Бородулиной, Юлии Топорковой и Влада Багрова. Другие авторы тоже заслуживают определенного внимания, но мое субъективное восприятие выделило именно эти имена в журнале «Кострома литературная» (№3, 2009 г.).

Ринат Мусин, представлен рассказами «Урок немецкого» и «Деды», очень правильно, по замыслу редакционного совета, открывает раздел, в котором заявлены произведения молодых. Рассказ «Деды» – наиболее сильное художественное произведение в журнале, если говорить непосредственно об авторах «новой волны». Ринат Мусин, безусловно, талантливый прозаик, он обладает своим художественным стилем, умением в небольшом объеме текста выразить значительное содержание, раскрыть сложные характеры героев, их душевные переживания. Более того, «Деды» – рассказ, в котором автор неожиданно для читателей, раскрывая образы деда Ивана, деда Семена и двух «старых бабок», говорит о трагедии целого поколения, прошедшего войну, испытавшего все тяготы тоталитарного режима, но сохранившего силу духа, несгибаемую волю, веру в истинные человеческие ценности.

Автор сталкивает судьбы «дедов» и представителя молодого поколения – Андрея, который личностными качествами весьма неординарен. С одной стороны – воспитанный,

мужественный трудолюбивый, «чистый коммунист из будущего», а с другой – преступник, убивший «на большой земле» человека, да «не простого…, высокого полета начальника». Казалось бы – достоин осуждения Андрей, но нет, старики, поняв, что сей начальник был человеком гадким и убит был «за дело», очень даже поверили Андрею и прониклись к нему еще большим уважением, потому как мудрыми были и много чего на своем веку повидали, в том числе, и начальников разных.

Не чин, не политический режим, а сам человек – для них главная ценность, эту «идеологию» уяснили они еще на фронте, где все было понятно: кто – друг, кто – враг, кто – так. Вот Андрей был другом, поэтому и защищали они его ценой собственной жизни. Не сдались деды! Не предали друга! Да, вот сами поплатились, – уничтожили их, как лишних свидетелей, без суда и следствия «черные» люди в «темно-синей прокурорской форме». Как память о чем-то подлинном, искреннем, великом, но навсегда ушедшем во тьму отечественной истории, «На берегу остались две старухи в когда-то цветных, а теперь вылинялых до белизны платках». Автор актуализирует ряд важнейших проблем современной российской жизни: продажность власти и неоднородность духовно-нравственных ценностей молодого поколения.

Рассказ «Урок немецкого» тоже по-своему интересен. Все та же тема органичной связи поколений. Молодая учительница немецкого языка – обычный человек в обычной школе и скромный мальчик – Саша Тихомиров из «шестого Г», который почему-то не спешит покидать класс, а сидит себе тихонько за партой и ведет душевную беседу о том, о сем, и больше по-немецки, с учительницей. И чего ж тут особенного? Мальчик оказался не совсем заурядным: в далеком 1964 году этот мальчик Саша совершил подвиг. Ценой собственной жизни спас нескольких пионеров, его памяти даже посвящен целый «мемориальный класс» № 26, где они с учительницей и познакомились. «Урок немецкого» настраивает читателей на множество самых разных размышлений, одно из них: всем современным школьникам нужно бережно относиться к истории своей школы, своего, города, своей страны, ведь жизнь, интересная, сложная, полная замечательных

событий, была и до них, и нынешнему поколению надо тоже оставить о себе хорошую память. Таким образом, традиционная для русской культуры тема «отцов» и «детей» приобрела в рассказах Рината Мусина неожиданное новое звучание.

Творчество Екатерины Барышевой имеет совершенно иную художественную тональность. Прозаические произведения: «Дорога к дому», «Окна их солнца», «Та, которой уже нет», «Дождь» написаны, по моему определению, в жанре этюдов. После каждого из них хочется поставить многоточие, поскольку автор очень тонко чувствует изменение красок и музыки времени. Она, как художник, запечатлевает самое существенное, самое ценное, самое дорогое ее сердцу мгновение суетливой жизни. И вот уже мы вместе с ней «пакуем свои пестрые вещи в потертые чемоданы» в старом доме, с восторгом наблюдаем за «огненно рыжим шаром» полыхающего солнца в своем окне, слушаем с замиранием сердца «магнитофонную кассету» с любимым голосом и бежим куда-то по «чудной планете» вместе с «молодым и наивным» дождем… Но это лишь первый план этюдов, а есть и второй, и третий, и вообще – перед нами не просто прозаические тексты, а голографические модели эпизодов нашей жизни, каждый из которых – причина или следствие других эпизодов. И вот уже на первый взгляд невинное описание дома превращается в драму: «дом умирал», и «не от рассыхающихся деревяшек своего тела и не от седой пыли в голове», а «от тоски» по долго отсутствующей хозяйке.

Прием олицетворения действует во всех этюдах: «огненно рыжий шар» полыхающего солнца неожиданно превращается в желтое платье лирической героини, за которой следит загадочный незнакомец. Но трагедия этой истории состоит в том, что она «больше всего на свете любит рассветы в своих окнах», а «он не мыслит жизни без закатов». В этюде «Та, которой уже нет» Екатерина Барышева останавливает мгновение, в котором свершилось расставание двух людей. Банальная, ничем не примечательная разлука разрушила жизнь одному из них. Почти сюрреалистические образы рисуются при постижении финальной фразы: «Остановка… Двери закрываются… Двери закрываются… Закрываются».

Поэтических подборок в этом номере немало. Наибольший интерес, с моей точки зрения, представляют стихи Анастасии Бородулиной. Удивительно, что столь молодой автор пытается постичь смысл жизни, заставляя лирическую героиню «пеплом смысла бытия» «стелиться по петлям паутины» отпечатков жизненных мгновений. Лирическая героиня ощущает мир целостным единством, неся на себе (вместе с тем, с кем она ведет постоянный диалог) фатальную ответственность («Мы – два оракула Судьбы») за все происходящее. Ах, если бы так мыслили наши современные политики, то многих бед на планете, можно бы было избежать! Вообще уменье «видеть жизнь сквозь вязь времен», у молодой поэтессы Анастасии Бородулиной, – очень редкое умение, особенно в поэтической среде.

Авторы, с удовольствием погружаясь в самую неблагодарную тему: «любовь – морковь», без устали размышляет о вечной проблеме, которую можно попросту назвать так: «я пришла, его уж нет, потому что я – поэт». К счастью, ничего подобного в стихах Анастасии Бородулиной не замечаю. Напротив, все, что касается проблемы личных взаимоотношений двух героев, выглядит в стихах как философское размышление: «Но в отношении друг друга // Мы слепо движемся по кругу.// Ни чувств, ни жизни, ни имен». Поэтесса пытается проследить за движением самого Времени, которое «доселе и отныне», «не покоряясь никому», «проносит свято свой дозор», следя за каждым мигом бытия, в том числе, и за актом творчества, «вплетаясь рифмой, смыслом в строчки». Следовательно, она понимает ответственность, с которой поэт должен относиться к своему творчеству.

Девиз Юлии Топорковой – «Поиск пути». По мысли лирической героини, творческий путь сопряжен с большими трудностями, с борьбой (жизнь – «есть бой»!). Здесь можно вспомнить известное высказывание: «Кто подготовился к бою, тот его наполовину выиграл»! Ну что ж, Юлия, вперед! Тем более, что эстетико-художественные ориентиры определены: это «Золотой век» в русской поэзии.

«Немного не современно», – скажет обыватель, читая стихотворение Юлии Топорковой «На пушкинскую оду

«Вольность»», и будет не прав, потому как идеалы классики – всегда актуальны. Обращение поэтессы к ним говорит лишь о ее хорошем поэтическом вкусе. Стихотворения «На портрет М.И. Лопухиной» и «К портрету Сары-Элеоноры Фермор» (а я думаю, есть и другие стихи – портреты) весьма удачны. Я бы даже посоветовала автору объединить их в особый цикл.

Влад Багров, члена Союза писателей России, представлен стихами в прозе. В них имеет смысл все: и внутренняя мелодия, и композиция, и слова – акценты, и литературные тропы, на сцеплении которых и выстраивается поэтическое повествование. Но самое главное в этом непростом жанре, – стиль. Он либо есть, либо его нет. У Влада Багрова он, к счастью, есть. Все представленные в журнале его стихи построены на оксюморонах: «и с ужасом не увидел как выступает кровь», «это мои открытые во сне глаза»; на эпитетах: «оле-лукойе – горе луковое», «соленый янтарь слез», «фото – посмертная маска ушедшего мгновения»; на метафорах: «глухой удар тупого топора», «омертвевший телефон», «а небо в ответ ласково целует море» и др.

Содержание стихов Багрова условно можно свести к формуле «квадратура круга»: небо сливается с морем, призывая его «полететь далеко-далеко», «превратиться в одноглазых пиратов», «в огромных китов», можно – и «в бородатых китобоев»; жизнь сливается со смертью («обними меня до смерти // как ты умеешь // и крепко уснем // на сорок дней // и сорок ночей…»/). При всей этой немного инфернальной эстетике некоторые строки звучат все же слегка пародийно, например, такая фраза: «меж упругих бедер несут застенчивые улыбки» (а уж в контексте с «купелью и крестинами» она даже кощунственна), или: «птицы носились в ночном небе // и никак не хотели падать» (этот образ нарушает эстетику андеграунда, и кажется инородным, «переключая» читателя на стиль «соцреализма» «про охотников и уток»). Но в целом, такие стихи представляют бесспорный интерес.

Конечно, не на одном интересе и праздном любопытстве читателей (в угоду им, что называется) основывается современная литература. Современный писатель и поэт непре-

менно должен понимать, что он не просто отображает действительность (а она порой весьма уродлива), свои интимные переживания и желания (проявлению которых в эпоху демократических свобод, ничего, кроме совести, не мешает), а обладает мистическим оружием – Словом (Слово – Логос), которым можно «и предать, и спасти, и полки за собой повести».

Владимир ПРОСКУРЯКОВ

НАВСКИДКУ ПО ПЕГАСАМ...

«...Можно переставить фамилии – ничего не изменится. Словно все эти стихи написаны одним и тем же человеком. Своего голоса нет ни у одного автора...» Я цитирую строки из статьи Виктора Лапшина «Сочинения начинающих стихотворцев» (Литературный сборник «Кострома», 2009 г.). Это – итог его обзора творчества тринадцати (!) авторов из Костромы и районов области. Трех страничек в альманахе хватило «мэтру», чтобы сразу, гуртом, разделаться со всеми «начинающими»...

Находим в статье: «Замахивается на философскую поэзию Надежда Власова из Нерехты...» В «доказательство» автор цитирует одну (!) строфу, которая, по его мнению, на философию не тянет. И тут же, без долгих размышлений, приговор: «Никаких поэтических открытий нет в данных стихах». Уточняю для ясности: здесь и далее приговоры выносятся не отдельно взятым стихотворениям, а творчеству авторов в целом!

Еще меньше церемонится критик со стихами Анны Смоловик из Костромы: «Непонятно, зачем написаны поэтессой стихотворения...» И действительно – зачем? Зачем вообще их пишут, стихи-то... да и прозу – тоже?!

Стихи Владимира Иванова из Костромы, по мнению В. Лапшина, «более конкретны или предметны. Но внятны ли они?» Вот и додумай сам, поэт Иванов, что хотел сказать о твоих стихах критик, и «внятно» ли он сам это сделал!

Критике подвергаются без всякого анализа стихи «о Надьке» (В. Иванов), «о Джульетте» (А. Коротаева) вкупе со «странными мечтами» самой поэтессы, а также «прозаические желания» М. Щипаловой. Простите, у каждого свои мечты, свои желания, не обязательно их примерять на себя лично...

Признаны «откровенно альбомными» стихи сразу трех авторов. Аргументация та же – «выдернуто» по четыре строчки у каждой из «жертв»...

Автора этих строк (справедливости ради отмечу, что моей скромной персоне Виктор Михайлович уделил, в отличие от остальных, аж целых полстранички) критик обвинил, в частности, в использовании «старых и затасканных определений и уподоблений». Неплохо было бы эти обвинения и аргументировать – у кого, к примеру, позаимствовал В. Проскуряков сравнение брусники с «северным, таежным красно-белым виноградом»?

Нельзя не согласиться с тем, что в поэзии штампов более чем достаточно. А в критике они существуют? «Ничего нового автор не сказал...», «Старые, затасканные определения...», «Подражание тому-то...», «Нет своего голоса...» – это не есть «штампы» от критики? Думаю, что подобные штампы и позволили В. Лапшину слепить из разных по образу мышления и стилю творчества людей некий усредненный, скудоумный образ стихоплета.

Е. Матросова, «задавила» уважаемого Виктора Михайловича «вычурной образностью», но это, видимо, еще полгреха по сравнению с Е. Поспеловой, которая «везде вспоминает Господа»... И доказательство тут же – полностью приведенное после статьи восьмистрочное стихотворение Екатерины:

Как странно глохнет в тишине
Неосвещенный дом.
Излом рисунка на окне,
Судьбы моей излом.
И тайну знали ты и я
В несказанности фраз...
Нам только Бог теперь судья,
И он осудит нас.

И действительно, в стихотворении Всевышний упомянут, правда – единожды. Видимо, надо было еще реже, но уж простите автора – никак! А сам-то Виктор Михайлович – тоже «грешен»:

«Скучно, Господи! Что за беседа...
Мат душе – голой заднице еж...»

Что уж говорить о Вячеславе Шапошникове, Андрее Логвинове и других прекрасных авторах, несущих человеку посредством поэзии слово свое и Господне!

В заключение Виктор Михайлович дает всем начинающим очень мудрое и содержательное наставление: – «не просто читать лучших наших поэтов, но и вчитываться в их стихи...».

Не берусь предлагать какие-либо критические каноны, но у нас, в Волгореченском литературном объединении «Волна», темы стихов не обсуждаются. О чем писать – решает сам автор и только он. Дело критики – оценить, как у автора это получилось. И еще – недопустимо давать оценку творчеству поэта на основе анализа отдельно взятого произведения. Критик и без того рискует. Даже добросовестно проработав авторский сборник, он берет на себя ответственность выдать свое личное (пусть даже – всесторонне аргументированное) субъективное мнение за объективную оценку.

Хотелось, чтобы критика в наших коллективных изданиях была своеобразной формой обучения, средством повышения творческого мастерства авторов. К сожалению, статья Виктора Лапшина отнюдь не отвечает этой задаче, более того, складывается впечатление, что уважаемый член Союза писателей России одной статьей решил раздраженно отмахнуться от всех этих новеньких, надоедливых...

Михаил БАЗАНКОВ

НА ВОЛНАХ ПОД СВОИМИ ПАРУСАМИ

– Приезжайте... Вышла еще одна книга. Ждем Вас в библиотеке, – с такой просьбой обращаются в областную писательскую организацию библиотекари, поэты и прозаики Волгореченска, Буя, Нерехты, Шарьи, Вохмы, других райцентров и городов. Невозможно уклониться от поездки на очередное занятие литературного объединения, от встречи с читателями. В этот раз опять пригласила в город энергетиков Нина Васильевна Цветкова, директор городской библиотеки. Более десяти лет активно работает здесь литературное объединение «Волна». Вспоминаются встречи, вечера-посвящения, презентации книг, изданных при попечительстве отдела культуры и администрации.

Особенный город на Волге. Молодой, интересный и поэтический. Особенность его обусловлена энергетическим предназначением и судьбами людей, породненных новым местом жительства, работой, культурным, бытовым, психологическим общением. Одна из крупнейших новостроек XX века призвала энтузиастов, они приезжали с желанием видеть себя и страну дальше привычного горизонта, познавать другую жизнь. Они создавали свой город, любят его. Этим обусловлены привлекательность «микроклимата», отличительные свойства быта, увлечений, культуры. Потому и библиотека в этом городе стала центром просвещения, эстетического воспитания и творчества.

Не трудно почувствовать местный ритм и стиль жизни, новые традиции, найти привлекательных творческих людей. Однажды, приглашенный в библиотеку на одно из первых собраний литературного объединения, невольно радовался: интересно у них получается, естественно и душевно выражена объединительная любовь к своему городу. Тогда, знакомясь с Алексеем Викторовичем Шадричевым, главой городской администрации, убедился: современный руководитель понимает, что в основе культуры всегда было художественное

облагораживающее Слово, и потому намерен поддерживать начинания одаренных сочинителей. Это были не обещания по случаю. Когда оформилось, убедительно заявило о себе литературное объединение, администрация оказала материальную поддержку. В первый год издали четыре приложения к местной газете, затем коллективные сборники «Волна», «Откровение», «Под крылом белой чайки» и другие. Лучшие местные авторы были приглашены на областные творческие семинары. Вскоре учительница Зинаида Ильинична Чалунина была принята в члены Союза писателей России. В нескольких писательских изданиях появились подборки стихов Павла Мельникова, Олега Калачева, Владимира Проскурякова (теперь вышли два его сборника), Владимира Смирнова, в Москве вышел сборник погибшего в Чечне Дмитрия Яблокова. Появляются новые авторы с первыми публикациями, некоторые от стихов переходят к обстоятельной прозе.

Результаты творческого содружества убедительно обозначены в нескольких изданиях, посвященных юбилею города, в театрализованных представлениях, в эстрадных композициях и песнях на стихи волгореченских авторов. Роль библиотеки в создании условий творческого общения естественно обозначилась в сборнике литературного объединения «Волгореченск: любовь и судьба», нашедшем дорогу к изданию под попечительством администрации, при организационной последовательности заведующей отделом культуры Ольги Юрьевны Носковой.

Такие результаты привлекают. Интересная работа литературных объединений очевидна в нескольких городах нашей области. Появилась возможность напечатать стихи, рассказы, воспоминания, зарисовки: местные периодические издания представляют авторов, выходят коллективные сборники, издаются книги, проводятся презентации.

Первые публикации – способ откровения перед земляками, искренние признания в любви, выражение чувств, радостей и тревог, воспоминание о пережитом и сожаление об утраченном , созерцательный восторг перед красотой природы во все времена года и философское осмысление исторических событий, опыта личной жизни. Еще они – возможность

определить себя в сообществе неравнодушных людей, уделяя внимание достойным землякам, обретать собственный голос, способный по уровню дарования сказать нечто важное и поучительное, сравнить свои удачи с творчеством других. В этом смысле важны встречи с читателями, с членами других литературных объединений, участие в областных литературных собраниях, представления в изданиях писательской организации. Литераторы перекликаются публикациями с коллегами. Да, и в таком общении набирались творческого опыта несколько авторов объединения «Волна». Это подтвердили творческие семинары, областные конкурсы «День Победы». «Родительский дом» и «Жар-птица». На хороший профессиональный уровень вышел Павел Мельников, поэт и прозаик, критик, принятый в Союз писателей России.

Без публикаций, без созданных условий творческого общения библиотекарей, работников культуры, учителей, инженеров, рабочих не складывается особая культурная среда, в которой люди решаются на откровения. Так получился поэтический дневник бывшего моряка, строителя и энергетика Б. Н. Смирнова. В этом дневнике – судьба, печали, радости одного человека и дыхание эпохи. Иногда признания эти высказаны шероховато, но в них естественность и доброта светятся согласованно.

Искренность – первое достоинство стихов и рассказов, по которым выбраны они из тетрадей других авторов для печати. В произведениях прочитываются приметы биографий, жизненных дорог, характеры, гражданское достоинство и настроение. Привлекает прямота и открытость лирических героев, эмоциональная индивидуальность пишущих, ясность и простота слога, переживания за отчий край и за устройство общей жизни. По этим и другим достоинствам складываются подборки и для других изданий.

В Нерехте издан сборник «В краю черемух и рябин», представляющий творчество членов литературного объединения «Наша лира», много лет действующего при городской библиотеке. «Мы разные, твои поэты, Нерехта, – пишет, обращаясь к читателям, Тамара Пилипенко. – Мы разные, мы педагоги, журналисты, дизайнеры, студенты, работники милиции, но мы все – мечтатели, влюбленные в жизнь и в свой город…»

В этом райцентре нашла душевный и творческий приют москвичка по рождению Алевтина Алферова. Сказовость ее произведений многозначительна и долговременна. Порадовались этому явлению не только в Нерехте, Костроме, Ярославле. И Москва утвердила наше решение принять сказительницу в Союз писателей. А она и в другом творчестве себя проявляет. Устроила в библиотеке выставку декоративных композиций, сработанных в новой технике «мукосол». Местный художник Александр Кручин оформляет ее сказы, театралы готовят инсценировки по сказам.

Каждый одаренный человек находит с помощью библиотеки союзников. Ветеран войны Виктор Воронов пишет рассказы-воспоминания, Александр Волков – средневековые легенды, Надежда Власова – рассказы, пьесы, стихи. Свои творческие интересы реализуют Вячеслав Грашнев, Александр Корсаков, Ирина Кусницина и самая молодая в литературном объединении – девушка с гитарой Евгения Николаева. Нерехтчане тоже расширяют круг общения, встречаются с коллегами Волгореченска, Ярославля, собираются побывать в Ивановской области. Об этом сообщает заботливый руководитель объединения Ирина Константиновна Лешкова. Они затевают новые акции, программы, конкурсы, приезжают на творческие встречи и презентации книг в Кострому.

Литературные интересы объединяют людей российских малых городов. Буйские поэты издали сборник «Зов памяти», посвященный Великому подвигу. Открывается сборник стихами Юрия Баранова, погибшего на передовой в начале 1942 года. Поэты нескольких поколений (всего шестнадцать авторов) оказались в одном поэтическом строю, но у каждого из них своя память и своя боль, свое понимание достоинства и чести. Среди них двое – принятые в Союз писателей Юрий Разгуляев, Наталия Мухина, песенница Галина Тувакова, авторы первых книг Олег Нестеров, Ирина Скородумова, Антонина Левицкая и другие. Постарался поэт и организатор Вячеслав Михайлович Дробышев нашел возможности для издания, организует занятия и встречи, пишет предисловия к подготовленным книгам. Позвонил – сообщает: еще один коллективный сборник буевляне в этом году получили..

Они выступают на творческих вечерах в библиотеках, высказываются взволнованно, с любовью к родине. Разнообразие тематики и творческих возможностей продемонстрировал сборник «Трилистник» (М. Щипалова, И. Чернышова, А. Левицкая). Костромские писатели приезжали на представление и этого издания. Получился взыскательный разговор о стихах новых авторов, о серьезной подготовке публикаций.

И сам руководитель литературного объединения «Буйские голоса» Вячеслав Дробышев издал свою отчетную поэтическую книгу «Вектор времени». О чем говорит эта книга? По мнению автора предисловия В. Гусевой, поэт пытается понять , «куда же идет, спотыкаясь, страна», он думает о судьбе своего народа, о судьбе России. Велика, непосильна никому одному такая забота. Но по всей российской периферии, объединяясь при библиотеках, поддерживая и стараясь понять друг друга, живут люди надеждами. «Буйских авторов тоже объединяет любовь к русской поэзии, – пишет руководитель творческого общества В. Дробышев. –И стремление откликнуться на события, переживаемые страной…За десять лет буевляне издали более двадцати авторских сборников. Печатаются стихи на литературной странице районной газеты. Ежегодно совместно с комитетом по делам культуры и молодежи проводятся творческие конкурсы. Начала работать молодежная поэтическая студия».

В сложных условиях не прерывается, а нарастает литературная активность неравнодушных людей. В самых дальних районах нашей области появляются талантливые авторы. На Меже постоянно выходят к читателям Нина Артемова и Татьяна Жадова, они представляют читателям и других авторов, освещают публикациями работу школьного литературного клуба «Эврика» . Создавала его, много лет руководит словесник Александра Николаевна Замышляева. В Мантурове уделяет внимание детскому творчеству директор школы писатель Александр Хлябинов. В Поназыреве проявляют организационную активность писатели Татьяна Дмитриева и Вячеслав Арсентьев. Поддерживает постоянную связь со школами и библиотекой известный прозаик коренной павинский житель Алексей Аки-

шин. Он создал литературное объединение, решил организовать межрайонные литературные выпуски, согласовал задумку с вохомским коллегой Анатолием Смердовым, авторром двух книг, рекомендованным в Союз писателей.. Выходит электронный вариант литературного журнала в Чухломе –только что сообщила Елена Балашова. В Шарье при городском управлении культуры под покровительством Николаевой Людмилы Петровны творческое сообщество получило название «Слово». Вышел очередной сборник. За несколько лет под попечительством культурного ведомства подготовлено около двадцати интересных изданий, отпечатанных в районной типографии.

В трудные переходные годы мы радовались, когда приложением к «Литературной Костроме» удавалось напечатать несколько поэтических сборников в серии «Литература на веревочке». Теперь издательские возможности начали прорастать в новом качестве. Областная писательская организация ежегодно выпускает альманах «Кострома», конкурсные коллективные сборники. Надежную издательскую основу при участии губернатора Игоря Николаевича Слюняева получил созданный по замыслу писателей журнал «Кострома литературная». В четырех вышедших номерах представлены известные прозаики, поэты, критики, молодые авторы новой волны, литературоведы и публицисты. Объединительный журнал имеет возможность знакомить читателей с творчеством художников, музыкантов, артистов и членов литературных объединений. Областным культурно-просветительским и воспитательным литературным процессом возможно когда-нибудь заинтересуются областные газеты, редакции радиовещания и телевидения. Мы все у себя на родине под одним небом, на берегах одной реки под названием Время. Современники мы, неравнодушные к прошлому, настоящему и будущему. И потому, сохраняя свое достоинство в ранге провинциальных летописцев, можем быть замечены по призванию депутатами, администраторами всех уровней. Не могут же они бесконечно оставаться равнодушными, не учитывать творческий потенциал талантливых людей, не заботиться о сочетании энергии Власти и энергии Слова.

ПЕЧАЛЬНО, ГРУСТНО И СМЕШНО

Сергей ПОТЕХИН

«А СТОИТ ЛИ ПЛАКАТЬ…»

* * *

Чародейка зима, чародейка.
Но обидно: в который уж раз
У нее прохудилась бадейка,
Что—то мерзкое сыплет на нас.
Что таится в приземистых тучах?
Что сулит клочковатый туман?
Описать не сумел бы и Тютчев,
Хоть не лазил за словом в карман.

Погодите. А стоит ли плакать?
Сяду на печь, сухарь погрызу.
Ах, люблю я январскую слякоть!
Как и майскую, впрочем, грозу.

Потянусь, подавляя зевоту,
Дерну кошку за жиденький хвост.
Не пошлет бригадир на работу,
Сам на печку забрался прохвост.

Тараканы на тютчевском томе
Для себя же нарыли могил.
Хорошо бы и выпить, но в доме
Ни хрена кроме грязных чернил.

* * *

Зима. Хорошая погода.
Сиянье снега. Тишина.
Я на тебя смотрю полгода
Все из окна да из окна.
Влюблен без памяти?
Едва ли

Никто мне повод не давал,
А на окне цветы завяли —
Давно я их не поливал.
Не скажут мертвые герани,
Как душу грешную спасти.
Моя зима не за горами.
Твоей весне еще цвести.

* * *

По железной крыше
Барабанит дождь
И кого ж ты, рыжий,
Нынче в гости ждешь?
Были все. И было
Все, чем жизнь мила.
Радость погостила,
Да к другим ушла.
Счастье навещало,
Посидело час,
А потом пропало —
Не понравилось у нас.
Раздается в двери
Чей—то робкий стук.
Сам себе не верю —
Это старый друг.
Мокрая одежда,
За плечом сума.
Заходи, Надежда.
Я схожу с ума.

* * *

На Гавайи полечу.
В пальмах, под фуфайкой,
Там романчик закручу
С молодой гавайкой.
Я скажу ей: «Ну, давай
Опытом делиться».
И пускай ее гавай
В гамаке пылится.

Упадет на нас кокос,
Ананас иль финик
Встанет дева в полный рост
И фуфайку скинет.
Не пришиблена, цела,
Хоть сейчас на танцы.
Это Русь ее спасла —
Не американцы.
Так вот русские везде
Женщин и спасают.
Где я?
В поле, в борозде.
Комары кусают.

* * *

Смерть пришла ко мне с косой,
Угостилась колбасой
И «отбросила косу»
Хоронить я смерть несу

* * *.

Не спорю, дело дельное —
Амнистия земельная.
В гробу улягусь на бочок.
Дадут и мне земли клочок.

* * *

Устали мы играть с огнем,
вести борьбу с разрухою.
Вот отсидимся: отдохнем
Не зря ж я кукиш нюхаю?

* * *

Не идиот я, не злодей.
Люблю народ,
ценю людей.
Меня жалели,
берегли
еще не съели
А могли и..и...

Алексей АКИШИН

БЕЗ ПОХМЕЛЬЯ ОБОШЛОСЬ

Из цикла «Байки с Кушайки»

У Анисьи перед самым Новым годом дом загорелся. И отчего беда нагрянула – непонятно: то ли проводка тяп-ляп была сделана, то ли труба печная жары не вынесла и растрескалась, но загорелось на чердаке.

Соседи заметили, когда дым уже вовсю клубился и огонь наружу стал вырываться. Все мигом к Анисье на помощь: кто с багром, кто с ведром, кто другой инвентарь, пригодный для такого случая, тащит. Хозяйка, конечно же, растерялась, только охает да ахает: вот несчастье-то какое! Люди внизу суетятся, снегом пробуют пламя унять, водой плещут, а огонь наверху знай себе силу набирает да шифером постреливает, будто оборону держит и не без успеха.

Люди видят такое дело – без пожарных сил не хватит, не унять огня и все толпой в дом, пока потолок еще не прогорел и в избе не столь дымно. И давай они из дома все ее пожитки выносить. Хватали и тащили в безопасное место все, что под руки попадало.

Проходящие мимо электрики тоже бросились помогать. Забегают в дом, а там уже почти все вытащено. Смотрят: в углу, где только-только кровать стояла, две трехлитровые банки и крышки на них плотные. А под крышками до самого верха жидкость – не разбери-поймешь какая, но светлая, как слеза.

Мужики попались догадливые, мигом смекнули, что к чему: самогон, мол, это и никак иначе! Мысль к ним молнией прилетела и обоим одна и та же. Хватают они банки под робы и на улицу. Спрятали возле забора, а потом и вовсе уволокли – в другое место перепрятали.

Они, конечно, мужики были не особо пьющие, но если в компании – то всегда, пожалуйста, мимо рта не пронесут. А тут даже пробу не сняли. Спрятали и все тут! Давай, мол, перед новогодними выходными праздник для всей бригады устроим и даже начальника угостим, авось он добрее к нам будет.

В день предпраздничный притащили они всю свою находку в цех, закуски на всю бригаду набрали. На свои кровные, между прочим.

Разливают самогон по стаканам. Всем, конечно. И начальнику тоже. Пробуют. И головами, будто сычи закрутили, понять никто не может. В стаканах вода-водой, которая с самогоном даже и рядом не стояла.

Мужики, которые угощали, сконфузились. Они даже опасаются, как бы им всей бригадой за такой подвох в бока не натыкали, да глаза синяками не украсили. Но обошлось – разбрелись мужики несолоно хлебавши. Дома каждого из них ужин праздничный ждал.

А после праздников этим двум электрикам наряд дают – в том самом обгорелом доме, который за праздники подлатали, и он снова пригодный для жилья стал, проводку провести.

Работают они, свет в доме проводят. Все у них как по маслу идет. Хозяйка рядом с ними. Тары-бары они с ней разводят, хорошо, говорят, что так еще обошлось: и изба не особо пострадала, и барахло все удалось спасти.

Анисья с ними согласилась, но с грустью добавила: банки, дескать, трехлитровые пропали. Жалко очень. Там у меня вода, заряженная Чумаком, хранилась, я ей ноги натирала. А сейчас вот нечем – снова болеть стали. Электриков будто ветром из избы выдуло.

ПТИЧИЙ ГРИПП

Из цикла «Байки с Кушайки»

Иван с Марусей жили. На самой окраине, так сказать на отшибе. Дом у них добротный, огород не ахти какой, но под боком, под самыми окнами. И решили они еще и кур завести. Цыплят десятка три-четыре купили, а что мелочиться, если возможность такая подпала.

Иван курятник сколотил, хоть и на скорую руку, но ладный получился. Выгульную площадку огородил. Цыплята от такой заботы да ухода растут, будто на дрожжах. И то ли порода у них такая прыткая, то ли они слишком свободолюбивые оказались, но им забор не забор – через любой перелетают. И на грядки – «гребут там без разбору всякого.

Сторожить приходилось, приглядывать за ними и, ежели что, обратно загонять хворостиной.

Иван в тот день к сыну уехал. В чем-то подсобить позвал. А Маруська с соседкой заболталась и проворонила своих цыплят, которые уже в кур настоящих превратились. Она туда-сюда – будто сквозь землю провалились или за утками дикими приударили. Наконец-то увидела, а точнее сначала квохтанье их веселое услышала. Сидят они на заборе и глотки свои друг перед другом дерут – перекличку что ли устроили?

Потом одна из них наземь рухнула, вторая... Маруська глазом не успела моргнуть – все куры попадали и не встают, ножками не дрыгают и глаза у них закатились.

Маруська испугалась: неужто, грипп птичий напал и разом всех кур погубил? А раз так, рассудила она, мясо в пищу непригодно, так хоть кур общипать надо – в память о курах перина останется.

Руки у Маруськи ловкие. Осторожно, чтобы кур не поранить и тоже опасный вирус не подхватить, но ощипала всех скоро. А тушки тазиком за огород перетаскала, в овраг ссыпала – пусть, мол, там собаки беспризорные да вороны травятся. Туда, дескать, им и дорога.

Сидит она дома, мужа поджидает, да обдумывает, как ему ловчее, сказать, чтобы не расшумелся.

Иван припозднился, но домой засветло приехал. Выпивши даже изрядно. А во хмелю он суров бывает, чуть слово поперек – на дыбы сразу и тогда хоть чего ожидай. Поэтому Маруся решила, что утром на трезвую голову ему все расскажет. А потом для снятия стресса стопочку ему поднесет, чтобы он душою оттаял.

А Иван перед сном покурить решил. Сел он к раскрытому окошку, колечками дым пускает. И вдруг у него даже сигарета из рук выпала и рот приоткрылся, губы затряслись. Видит он чудо-чудное: по огороду куры гуськом тянутся, переваливаются с ноги на ногу, а иные даже падают, встают и снова путь продолжают. И самое-то главное и невиданное даже: голые они. У них только глаза да гребни краснеют. И все к курятнику прутся, каждая клохчет будто наседка.

Иван с испугу даже сообразил по-своему: дожился, мол, белая горячка началась. Перекрестился и от окна подальше

на четвереньках уполз, а то еще черти покажутся или какие другие чудовища.

Залез на койку под одеяло и уснул, жене о привидении этом ни слова не сказал, побоялся, что она в больницу позвонит, а там и до психушки рукой подать.

Утром Маруся сама все увидела, рассказала соседке и тогда все ей стало понятно. В тот день соседка нашла у своего мужа тайник: полную бутыль браги на жимолости. Вот она и конфисковала у него свою находку, да и выплеснула вгорячах за огородом. А куры нашли те ягоды, подобрали. Хорошая, видать, брага была коли они так наклевались, что хозяйка пьяных от мертвых отличить не смогла.

Окончание этой истории таково: Иван теперь даже трезвый к тому окошку не садится, чтобы еще раз такое не увидеть. Выпивать реже стал и всегда в меру.

Маруся вскоре перину пуховую своей внучке подарила. А куры? Опушились, оперились и даже несушки из них прекрасные получились. Но за свои границы уже не перелетают. Умней, наверное, стали.

Анатолий КОРСАКОВ

ОТЧАЯННЫЕ ЛЮДИ

Родители мои работали в одном из ларьков рынка, на улице Луначарского, где продавались хозяйственные товары и скобяные изделия. Часто еще дошкольником прибегал я на рынок к родителям и невольно узнавал руководство города от отца, который говорил иногда матери: «Вон, предрика Трофимов пошел» или прокурор Молдаванов, архитектор Оссе.

Сидя в глубине ларька, на ящике из-под мыла, впитывал я эти загадочные слова: предрика, прокурор, архитектор и запоминал фамилии и лица.

Скудную дневную выручку ларька родители прятали в металлическую коробку под прилавком и, когда накапливалась приличная сумма, сдавали ее в правление Троицкого сельпо, в чью систему и входил их ларек. Об инкассаторах, собиравших выручку в конце дня, тогда и понятия не имели.

В металлическую коробку деньги прятали потому, что были научены горьким опытом продавщицы соседнего ларька. Она убирала выручку в один из ящиков прилавка и запирала его на ключ. Придя однажды утром и выдвинув ящик, она не нашла положенных с вечера денег. Время было крутое, сталинское, и сидеть бы бедной бабенке за растрату, да на ее счастье пришедшие ремонтировать пол в ларьке рабочие, нашли под полусгнившими половицами крысиное гнездо, выстланное слегка погрызенными купюрами...

Часто закрывая ларек поздно вечером, когда уже правление сельпо не работало, отец или мать захватывали деньги с собой, чтобы дома пересчитать и рассортировать выручку, а утром сдать.

В тот злополучный день выручка была заметно больше обычной: в продажу поступила дефицитная тогда эмалированная посуда. Еще до конца дня отец, подсчитав выручку, унес ее в правление сельпо, чтобы успеть сдать в бухгалтерию до ее закрытия, а мать уже затемно закрыла ларек в положенный час и отправилась домой. Проходя пустырем, где сейчас городской парк, она оглянулась и увидела, что за ней идут двое молодых парней, один из которых показался ей знакомым, хотя он и поднял воротник пальто, будто закрывая им лицо от ветра.

Парень этот, словно незабвенный Курочкин из фильма «Свадьба с приданым», носивший щегольские хромовые сапожки в любой мороз, появился в нашей улице недавно, взяв в жены одну из красавиц, дочерей вдовы Марии Григорьевны, жившей в домике на ныне снесенном посаде Глазова, прямо напротив дома Марии Леонидовны Бошняк-Афанасьевой. Поговаривали, что этот статный, широкоплечий красавец с орлиным носом уже успел отсидеть срок в тюрьме.

Мать прибавила шагу и только хотела еще раз оглянуться на скрип снега, как сильный удар по голове сбил ее с ног и затемнил сознание.

Впоследствии выяснилось, что спас ее толстый шерстяной полушалок, сложенный вдвое, да собранные в пучок на затылке волосы, заколотые черепаховым гребнем, расколовшимся от удара. Случилось это примерно там, где стоит сейчас в парке памятник Ленину. На ее счастье, со

стороны водокачки показалось несколько припозднившихся прохожих. И парни, выхватив из рук матери сумку, кинулись на утек...

Придя вечером с улицы, я застал дома резкий запах лекарств, лежащую на кровати мать и двух милиционеров, разговаривающих с отцом. Взяв с собой керосиновый фонарь «летучая мышь», пришли мы на место происшествия, откуда следы двух человек, обутых одного в валенках, а другого в сапогах, привели по снегу на один из проулков Глазова, где и потерялись. Отец отправил меня домой, а сам с милиционерами прошел по адресу одного из подозреваемых. Спустя немного времени он пришел и рассказал, что дома парня не оказалось, а родственники заявили, что сапоги проданы еще три дня назад. Всю зиму потом щеголял этот парень в белых бурках, в каких ходило тогда все нерехтское начальство...

Весной, едва успевала река после водополья войти в свое русло, и вода в ней посветлеть, стремились мы первыми «оммыркнуться» в ледяную воду, чтобы потом похвастать: «А я уже купался!». Ласково светило солнышко, и на зазеленевшем берегу реки собирались компании взрослых – картежников, играющих в буру, трыну, очко и т. п. Нас, пацанов, влекло к ним любопытство. Как в Третьяковской галерее, можно было увидеть у кого-нибудь из них татуировку в виде могучего орла или портретов Ленина и Сталина на груди, купола церквей и могильные кресты на спине, изображения голых женщин на предплечье. Завсегдатаем у картежников был этот парень. Подойдя однажды к группе играющих, я с удивлением увидел среди них и его, обутого в аккуратные сапожки, с собранным в гармошку голенищем, за которым он, по слухам, всегда носил финку. Поднял я от сапог свой взор и встретился со стальным взглядом его светлых глаз с бандитским прищуром. Словно морозом свело мне лопатки, несмотря на теплое солнышко, ведь о, якобы, проданных зимой сапогах здесь знал только я.

«Зря на меня твоя мамаша наклепала!», – процедил он.

Как ошпаренный, ринулся я от картежников, чтобы больше никогда к ним не подходить. Было это пятьдесят лет назад, где-то в первые годы после смерти Сталина...

Лет пять-семь назад встретил я его в здании администрации. Несмотря на поседевшую гриву, обвисший нос

и заросшее грязной щетиной когда-то красивое лицо, я узнал его сразу. Узнал и он меня, и поблекшие глаза его сузились в шпанском прищуре.

Позже узнал я, что добивался приема у кого-нибудь из руководства ветеран преступников-рецидивистов из Семеновского специнтерната.

Отчаянные люди... Во все времена и во всех странах есть определенная часть людей, которым спокойная размеренная жизнь не по нутру. При стабильной и крепкой власти идут эти люди навстречу опасностям, рискуя жизнью, открывая новые земли, подобно Ермаку и Бошняку, испытывая новые ощущения полета, подобно Крякутному. При слабой, неуверенной в себе власти или «демократических оттепелях», вроде хрущевской или горбачевской, а пуще того, при полном безвластии, грабят они состоятельных людей или банки ради реализации революционных идей, подобно Камо и Котовскому, или ради набивания собственных карманов, в одночасье делаясь олигархами и уничтожая свидетелей и конкурентов, становятся недоступными правосудию, выехав за границу, подобно сотням нынешних богачей,

Глядя на это, мелкие отморозки не гнушаются душегубством ради нескольких сот рублей или приличной одежды. И при нарастающих темпах наркомании они становятся угрозой всему обществу. Срочно нужна новая национальная идея, в которой удаль, напор и отвага отчаянных людей будут направлены в полезное для общества русло.

Александр СОЗИНОВ

СПУТНИК МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Рассказ

Вася Мартьянов, крепкий мужик под пятьдесят, слыл в поселке знаменитостью. Обладал он густой черной шевелюрой, такими же пышными усами и колючим взглядом глубоко посаженных темных глаз. Примечательным в Васе являлось то, что одна нога у него была железная. Память о войне. Танкистом служил Вася на фронте, там и лишился

своей конечности. Был демобилизован, вернулся в родной поселок, а когда организовался там леспромхоз, после войны, стал его бессменным работником. Инвалиду, механику – водителю и должность определили согласно возможностям и технической профессии. Работал Вася мотористом или дизелистом. В те давние времена никаких ЛЭП еще и в помине не было и освещалось каждое ведомство по отдельности. Железнодорожники гоняли свою электростанцию, жилкомхоз – свою, ну и леспромхоз – тоже. Леспромхозовская электростанция размещалась в дощатом сарае, сразу за последней улицей поселка, где начиналось болото, поросшее чахлыми березками, кустарником да ольхой. Болото было такое топкое, что ни пройти по нему, ни проехать. Да никто из поселковых туда и не совался. И лишь к дизельной подходила насыпная дорога.

Электростанция состояла из двух дизелей. Один крутил генератор на 200 киловатт, второй – большеой, на 300. Но дизель этот был до того стар, что цилиндры его чуть не просвечивали от ветхости. Поэтому и заводили его редко, обходясь малым. Но когда нагрузка становилась больше, и малый не справлялся, тогда и запускали большой. Главный механик леспромхоза все обещал заменить этот дизель, но слова его пока так и оставались словами.

Несмотря на железную ногу ходил Вася ходко, помогая себе тростью с тяжелым темным набалдашником. Любил он и пропустить стакан-другой в леспромхозовской столовой, особенно после получки. Считался Вася и большим забиякой. Ну и наконец Вася лично запустил искусственный спутник Земли, причем сделал это раньше, чем к тому пришла советская наука.

Случилось это в середине августа. Погода стояла тихая, теплая. В леспромхозе в тот день давали получку. После обеда у конторы собирался народ. Мужики кучковались в палисаднике на скамейках, дымили самокрутками, балагурили. Отдельно собрались женщины, работницы лесозавода и просто сторожившие своих мужей, чтобы успеть отобрать у тех деньги, прежде чем желанный ускользнет в столовую и назюзюкается досыта.

В половине второго подъехал конторский газик. Из него вышли Таська-кассирша с чемоданчиком и два дюжих парня

с завязанными мешками в руках. Они прошли в дверь конторы, за ними туда устремились все. У кассы выстроилась очередь, но дело пошло быстро. Таська славилась своей расторопностью. Вася появился у кассы около трех. Ему через час, с четырех, заступать на смену. В очереди Вася никогда не стоял. Все это знали и не спорили с ним. Кто-то сразу сказал:

– Получай, Вася, чего там!

Народ расступился, Вася расписался в ведомости и, рассовывая деньги по карманам, пошел из конторы. В магазине купил две бутылки водки, потом завернул в столовую. Там уже было шумно и многолюдно. Орудуя своей тростью, Вася растолкал толпу, пробился к прилавку, бросил Зинке-буфетчице:

– Две кружки, дорогуша, штук пять котлет и хлеба.

Зинка привычно и споро выдала нужное. Вася прихватил еще пустой стакан и пошел к столу. Примостился к мужикам-лесорубам. Раскупорил бутылку, налил себе стакан, предложил мужикам, но те отказались. «У нас есть! – заорали дружно, – ты, Вася, сам!» Вася выпил, зажевал котлетой. Из-за дальнего стола крикнули:

– Вася! К нам иди!

– Некогда, мужики!. На смену спешу!

– Ой, на смену! – раздался в ответ грубый голос. – Уснешь там спьяну и дизель заглохнет!

Вася зло сверкнул глазами в ту сторону, но промолчал: «Некогда связываться.» Он выпил еще полстакана водки, закончил пиво и застучал железной ногой к выходу Бодро подпираясь тростью, миновал улицу. Принятая водка взбодрила. Глаза у Васи сверкали, усы встопорщились. Ему так хотелось поговорить, но навстречу как назло – никого. Впереди уже виднелось здание электростанции.

Петька Старостин, сорокалетний многодетный мужик, отстоявший первую смену, уже поджидал его.

– Все в порядке, – сказал он Васе. – Топливо в расходке закачано, масло в дизель долил. Так что смотри тут. А я побег в контору за получкой.

– Беги, беги, – ответил Вася. – Твоя уже там, тебя дожидается. Деньги сразу отымет.

Вася зашел в станцию. Привычный запах обдал его. Надсадно рокотал дизель В2. Стрелка вольтметра колебалась у красной черты. «Напряжение не ахти, – подумал Вася, – и не добавишь. Дизель работает на пределе. А еще на лесозаводе две пилорамы включат. Совсем напруга упадет.» Он прошел в дальний угол, где был отгорожен небольшой закуток и прикрыл за собой дверцу. Здесь, за переборкой, шум дизеля не так слышен. Вася сел на скамейку. Он знал, что никакое начальство сегодня к нему не придет. Поэтому приложился еще раз к бутылке и его потянуло на философию. Вася принялся размышлять о жизни, о мироздании и не заметил, как задремал, навалившись на край самодельного стола. Очнулся, будто его толкнули. В маленьком оконце уже стояла темнота. Вася выпил еще граммов сто и твердо сказал себе: « Все! На этом баста!» Он вышел на волю.

Августовская темнота разливалась кругом. Фонарь на столбе горел тускло-желтым цветом. Вдали, в леспромхозовских домах, окна тоже чуть светились. «Да, совсем напряжение село. Пилорамы включили.» – подумал он, ворочая головой. А в другой стороне, в железнодорожной, огни пылали ярко, даже очень. «Вот у них станция прет!» – мысленно сказал Вася сам себе. И тут его осенило. «А запущу-ка я большой дизель. Старичок еще послужит. И люди порадуются хорошему свету. За столами ведь сидят.» С этими мыслями он вернулся на пост.

А еще днем главный механик, уже давно обещавший заменить старый дизель, наконец-то начал осуществлять это на деле. Слесаря из РММ отсоединили дизель от генератора, а Петька-дизелист расшплинтовал регулировочную рейку топливных насосов, намереваясь снять ее, да не успел. Сказать Васе обо всем он второпях забыл, и Вася, будучи сильно под «мухой», ничего этого не заметил, когда подошел к дизелю. Привычным движением он толкнул ручку регулировочной рейки вперед, открывая большую подачу топлива в цилиндры, резко крутанул воздушный вентиль и нажал ручку «Пуск». Дизель вздрогнул, кашлянул и подхватился. Вася, как и положено, тут же дернул ручку рейки назад, чтобы уменьшить подачу топлива и вывести дизель на нормальные обороты, да не тут-то было. Лишенная

шплинтов ручка соскользнула с рейки и свободно повисла. А рейка осталась на месте – сдвинуть ее назад теперь было невозможно. И дизель, получив сразу такую изрядную порцию топлива, да еще лишенный всякой нагрузки, стал стремительно разгоняться. Раньше у него на маховике стояло устройство, которое отключало топливо, если обороты заходили за пятьсот, и дизель останавливался. Но это устройство уже давно разладилось и его совсем сняли. Дизель теперь, будто от радости, продолжал набирать обороты. Рев его становился все ужаснее и грозней.

У Васи вылетел из головы весь хмель. Он метался перед бушующей машиной, совершенно не понимая, что делать. Наконец бросился к общему топливному вентилю и перекрыл его. И это было единственное, чего он мог сделать. Но топлива в системе еще было много, дизель ревел, как тяжелый бомбардировщик на взлете. Цементный пол дрожал и вибрировал, щитовые стены тряслись и раскачивались – казалось вот-вот рухнут.

Зачихав и зафыркав остановился малый дизель, израсходовав все топливо, и лампочки в станции погасли. Но в системе большого топливо еще было и он продолжал реветь все сильней и сильней. В ставшей вокруг чернильной темноте грохот его был особенно жуток. Вася на ощупь двинулся прочь из дизельной. «В разнос пошел! Разобьет, размолотит все!» – билась в голове его мысль. Вдруг страшный удар, словно выстрел из пушки, потряс округу, затем последовал раздирающий уши треск и на Васю сверху посыпались щепки, обломки досок – он, вжав голову в плечи, выскочил за дверь. А в дизельной начался оглушительный скрежет, будто рвалось и трещало железо, весь дощатый сарай раскачивался. Вася чувствовал как дрожит у него под ногами земля. Затем что-то там страшно застукало, загремело, рев дизеля стал стихать и с протяжным вздохом замолк совсем.

Кругом стало тихо. И в этой неестественной тишине Вася ощущал – только стук собственного сердца. «Уф-ф-ф-ф!- выдохнул он. – Кажись все!» Вдали на дороге засветился луч фонарика. «Смена идет, Коля Мальцев» – понял Вася.

– Чего тут у тебя происходит?! – еще издали гаркнул Мальцев.

–Подходи, глянем!

Они вместе вошли в станцию.

– Какие-то доски под ногами, щепки, – проворчал Мальцев. – Что тут произошло-то?! Такой стук раздавался, в поселке было слышно!

– Ты меньше ворчи. Свети фонариком, открывай топливный вентиль и заводи малый дизель, – отрезал Вася.

Вскоре малый дизель был запущен, вверху вспыхнули лампочки – станция осветилась. И в этом свете они оба увидели потрясающую картину. Все вокруг было усыпано щепками и обломками досок. Большой дизель сорван с анкерных болтов, сдвинут с фундамента и развернут задней частью к выходу. А там, где у него должен быть маховик, ничего не было, лишь торчала толстая шейка «коленовала», сверкая на изломе свежими зернами металла. В крыше над дизелем зияла огромная дыра, сквозь которую просвечивали звезды. Коля Мальцев, выпучив глаза, поглядел на Васю.

– И такое бывает, – сказал Вася. – Ладно, утром разберемся. А ты давай дежурь, я пойду. Кстати, выпить хочешь?

– Нет уж, уволь! – сказал Мальцев.

Вася хлопнул полстакана, забрал все остальное и, жуя котлету, пошел к выходу.

Утром слесаря из РММ, дизелисты Коля Мальцев и Петя Старостин во главе с главным механиком – все осматривали ночное происшествие и озадаченно качали головами:

– Смотри-ка, – говорил один из слесарей, указывая на обломанную шейку вала, торчащую из задней крышки, – маховик-то будто бритвой срезало.

– Пошли поищем, – сказал второй, глядя на дыру в крыше.

Гурьбой они прошли вокруг дизельной пару раз, пытаясь отыскать улетевший маховик, но безрезультатно. Стальное колесо метр в диаметре и весом около тонны исчезло бесследно.

– Хватит, ребята, – сказал главный механик и махнул рукой. – Ну ее к черту, эту железяку. Такое болото кругом. Лучше начинайте работать.

* * *

Вскоре дело закипело. Пробитую крышу починили.. Раскуроченный дизель выволокли, а на его место поставили новый. И свет в домах у лесорубов по вечерам, радовал. Васе в приказе вкатили выговор, да еще мужики над ним подтрунивали:

– Вася! Маховик куда дел? Пропил, наверное!

Вася усмехался, скаля зубы из-под усов.

А через два месяца 4 октября 1957 года, в Советском Союзе запустили первый в мире искусственный спутник Земли. Радио трещало тогда об этом без умолку. Но на леспромхозовских жителей такое событие не произвело сильного впечатления. Что они в этом понимали, если технические познания многих не выходили дальше топора да мотопилы. А тут спутник какой-то? Что-то уж очень заумное.

В середине октября в леспромхозе опять была получка. И как обычно после нее в столовой – гудеж. Время подходило уже позднее, многие стали расходиться, но одна развеселая компания, похоже не собиралась этого делать. Тут гуляли рабочие нижнего склада и среди них сидел Вася Мартьянов. Смену он отстоял еще днем, теперь никуда не спешил. На столе перед ними выстроилась батарея бутылок, вперемешку с кружками пива и тарелками с едой. Зинка-буфетчица бросала на них тревожные взгляды. Подходило время закрываться, а компания все требовала пива. Зинка наливала кружки и прикидывала в уме, когда же это выпьют? А мужики, не обращая на нее внимания, болтали о работе, о жизни, о бабах. Потом как-то незаметно переключились на самое модное тогда: на космос. Хотя само это слово для всех было мало понятным. Говорили кому что в голову взбредет, выдвигая самые нелепые фантазии. И вдруг, среди этой белиберды, Генка Колесов сказал:

– Слышь, Вася! Маховик-то тогда у тебя, наверное, тоже в космос улетел, раз на земле его нет.

Все загоготали. А Вася на полном серьезе, подхватил:

– А чего вы скалитесь? Мне уж академик звонил из Москвы. Мол, замечено нами в космосе неизвестное тело. С нашим спутником рядом летает. А ему тогда и говорю. «Я

это тело запустил по пьянке, за что и получил выговор от начальства.» Академик мне отвечает. «Не расстраивайтесь, Василий. Академия наук вас поддерживает и ждет в Москву. Выступите, расскажите, как это у вас получилось.» В науке без фантазий нельзя.

Все дружно грохнули хохотать. Зинка за прилавком закричала:

– Хватит! Заканчивайте! Время вышло! Мне закрывать надо!

Генка, унимая смех, повернулся к ней.

– Да что ты, Зин! Тут дело такое. Вася-то в Москву едет, в академию!

– Ой, хватит врать! – опять закричала Зинка.

– Да погоди, ты! Лучше закажи что-нибудь. Привезет тебе из столицы.

Эпилог от редактора

РАДИ БУДУЩЕГО

Мельницы давно уже нет. Гидростанция, начатая в год окончания войны, давно износилась, но старожилы благодарно вспоминают бесплатный свет на всю округу. Над взгорьем, где деревня со школой была, одиноко вскрикивает птица моего детства. А река все шумит и шумит, будто бы выговаривает: ничего не осталось от старого, нет от нового ничего. Но пришла дорога и дальше в леса нацелена. Думаю, на поворотах от шоссе к былым селеньям надо поставить памятные столбики…Не собираюсь никого учить любви к родине. Многие это доказали на деле и носят доказательства в себе. Хочу, чтобы идущие следом острее ощущали утраченное и не полагались на чужестранные поучения.

В райцентре, где почти двадцать лет строилась средняя школа, учительница А.Н. Замышляева показывала журнал литературного клуба «Эврика»: рассказы, стихи, очерки о знаменитых земляках – любопытное чтение. Только вот сотовый вызывает: в Костроме событие. В момент расставания подоспел мальчишка с тетрадкой – на память. На обложке –

эпиграф смелый: «И нет у нас иного достоянья! Умейте же беречь/ Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,/ Наш дар бессмертный – речь».

Литература, как и сочинения одаренных школьников, членов литературных объединений, в области существует, спасается малыми тиражами. Особенности природы, периферийного быта, народного говора, корневые основы патриотизма, былого деревенского лада и духовности засвидетельствованы неучтенными произведениями. И потому, не дожидаясь должного всестороннего внимания, пока не зачерствела душа, различает голоса преемственно понимающих и любящих тихую родину, край родной долготерпенья, в меру сил востребуем, взрастим дарования, помня завет земляка поэта и романиста Сергея Маркова: « На свете тот народ велик, что Слово бережет.» Общими усилиями родителей, педагогов, писателей и одаренных детей постараемся активизировать интерес к родной речи, чувство ее естественной красоты, необходимой деловой, бытовой и художественной многомерности.

Сегодня на государственном уровне в основе культурного национального достояния обозначено значение русского языка, сберегаемого художественной литературой. Она по традициям классики освежает его и обогащает, в особенности происходящая от народных жизненных истоков, создаваемая патриотами и знатоками родного края. Такой постоянный социальный проект продиктован творческим потенциалом Костромской областной писательской организации, наличием богатого литературного наследия и горячим желанием участвовать в формировании нравственной и духовной основы гражданского общества, в патриотическом воспитании молодежи. Эти возможности могут быть использованы в практической работе с применением материалов предлагаемой к осуществлению длительной программы «Библиотека семейного чтения», заглавного раздела литературного краеведения – энциклопедия «Писатели Костромского края». Надеюсь на летописцев естественной жизни.

М.Базанков

Содержание

Виктор **Лапшин** 4
Михаил **Шолохов** 5
Александр **Твардовский** 6
Алексей **Базанков** 7
Владимир **Проскуряков** 17
Александр **Бурлаков** 21
Евгений **Старшинов** 22
Владимир **Костров** 28
Вячеслав **Арсентьев** 35
Александр **Лобанов** 39
Анатолий **Беляев** 47
Татьяна **Дмитриева** 51
Александр **Хлябинов** 54
Виктор **Веселов** 63
Павел **Румянцев** 68
Нина **Смирнова** 82
Татьяна **Жур** 88
Павел **Мельников** 95
Надежда **Филиппова** 98
Елена **Балашова** 105
Александр **Крутиков** 110
Татьяна **Вилкова** 116
Любовь **Куприянова** 122
Анатолий **Смердов** 126
Михаил **Иванов** 129
Ольга **Запольских** 130
Ирина **Лешкова** 133
Вячеслав **Дробышев** 136
Татьяна **Борисова** 138
Галина **Божкова** 138
Юрий **Лебедев** 140
Игорь **Золотусский** 160
Ольга **Гуссаковская** 163
Евгений **Разумов** 166
Павел **Мельников** 168
Наталия **Мусинова** 174
Владимир **Проскуряков** 179
Михаил **Базанков** 182
Сергей **Потехин** 189
Алексей **Акишин** 192
Анатолий **Корсаков** 195
Александр **Созинов** 198
Эпилог от редактора 205

Альманах «КОСТРОМА»

ВОЗВРАЩЕНИЕ.
НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ

Литературно-художественный сборник

Общеее и художественное редактирование — М.Ф.Базанков
Дизайн, компьютерный набор и оригинал-макет — А.М.Базанков

Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 16, Усл.п.л. 13. Заказ 5935 .
Тираж 400 экз.

Отпечатано в ГП «Областная типография им. М.Горького»
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.